

3 1761 06737000 7

Presented to the
LIBRARIES of the
UNIVERSITY OF TORONTO
by
DR. WALTER KOWAL

75

ИЗДАНИЕ
1946 г.

Проведено 1938 г.

В и ж з
(1798-1898).

Библиотека Центр.
* Инв. № 20946 *
Музея Народоуведення

Курманоз
12/IV 24р.
Кийв.

КЫИВЪ.
Друкарня С. В. Кульженко. Ново-Елисавет. ул., д. № 4.
1900.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ. 14 юня 1899 г.

* *
* *

Про зелени садкы, про пахучи квиткы
Мы, бувало, пидь кобзу спиваемъ;
А теперь мовчимо,
Мовъ сномъ вичнымъ спимо,
И охоты до спиву не маемъ.

* *
* *

Колы-жь хто иншый разъ чуеть спивы одь насъ,
То въ тыхъ спивахъ страшне щось таиться:
Мовъ въ руинахъ сычи
Завывають въ ночи,
Мовъ голосыть зловищя птыця.

* *
* *

Хто кого не злюбывъ, хто кому зло зробывъ,—
Наша кобза про те вымовляе;
Мовъ ворожу ходу,
Вона чуеть биду
И журбою намъ сердце сповняе...

* * *

Колысь прыйде той часъ, що подасть правда гласъ
И зруйнуе лукаву споруду;

До тіеи-жъ поры

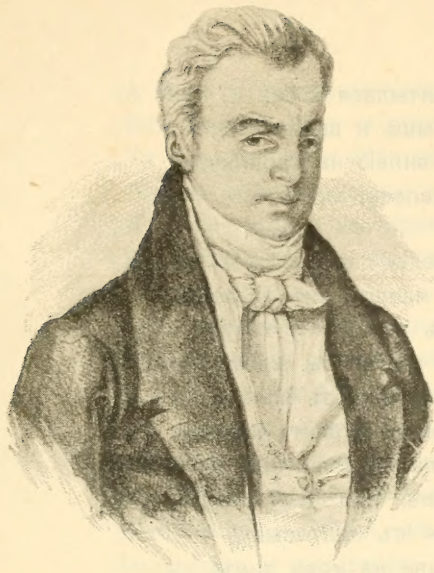
Ты намъ, кобзо, дзвоны,

Та прыблжуй день Божого суду!..

Л. Кулишъ.

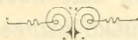

*Иванъ Петровычъ
Котляревський.*

Котляревський Иванъ Петровычъ уродывся 29 серпня 1769 р. въ Полтави, учывся въ Переяславській семинари, бувъ спершу на гражданській, військовій, а пияся на педагогичній служби; напысавъ: „Перелыцевану Энеиду“, „Наталку-Полтавку“, „Мо-

скаля-Чаривныка“ та „Оду до князя Куракина“. Умеръ въ Полтави 29 жовтня 1838 р.

Творами Котляревського починається нова—художественна українська литература.

ЗЪ ЭНЕИДЫ.

I.

ВЫГАДКИ ЮОНЫ.

Побачыла Юона зъ неба,
Що панъ Эней на поромахъ;
А те шепнула сука Геба...
Юону взявъ велькый жахъ!
Впрягла въ грынджолята павычку,
Сховала пидъ кибалку мычку,

Щобъ не свитылася коса;
Взяла спидныцю и шнурилку,
И хлиба зъ силью на тарилку,
Къ Эолу мчалась, якъ оса.

„Здоровъ, Эоле, пане свату!
„Ой якъ-ся маешъ, якъ живешъ?“
Сказала, якъ ввійшла у хату,
Юнона: „чы гостей ты ждешъ?“
Поставыла тарилку зъ хлибомъ
Передъ старымъ Эоломъ дидомъ,
Сама же сила на ослинь.
„Будь ласкавъ, сватоньку старыку!
„Избый Энея съ пантельку,—
„Теперьъ плыве на мори винъ.

„Ты знаешъ, винъ який суцига,
„Палывода и горлоризъ:
„По свиту якъ ище побига,
„Чыихсь багацько вылле слизь.
„Пошлы на його лыхо злее,
„Щобъ люде вси, що пры Энеи,
„Послызлы и щобъ винъ и самъ.
„За сее жъ дивку чорнобрыву,
„Смачную, гарну, уродлыву
„Тоби я, далеби що дамъ.

„Гай, гай! ой дей же його кату!
Эоль насупывшысь сказавъ:
„Я все-бъ зробывъ за сю плату,
„Та витры вси пороспукавъ.
„Борей недужъ лежыть зъ похмилля,
„А Нордъ пойихавъ на весилля,
„Зефиръ же, давній негодяй,
„Зъ дивчатамы заженыхався,

„А Эвръ у вынныкы нанявся,—
„Якъ хочешъ такъ и помышляй!
„Та вже для тебе обищаюсь
„Энееви я ляпасъ дать;
„Я хутко, мыттю постараюсь
„Въ багно його, къ чортамъ загнать!....“

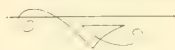
Эолъ, оставшысь на господи,
Зибравъ всихъ витривъ до двора,
Веливъ поганій быть погоди...
Якъ разъ на мори и гора!
Все море заразь спузырыло,
Водою мовъ въ ключи забыло,
Эней тутъ крыкнувъ, якъ на пупъ,
Заплакався и зарыдався,
Пошарпався, увесь подрався,
На тимъи начесавъ ажъ струпъ.

Прокляти витры роздулыся,
А море зъ лыха ажъ реве;
Слизьмы Троянци облылыся,
Энея за живить бере.
Вси човныкы ихъ росчухрало;
Багацько вѣйска тутъ пропало;
Тогди набралысь вси сто лыхъ!
Эней крычыть, що: „Я Нептуну
„Пивкопы грошей въ руку суну,
„Абы на мори штурмъ утыхъ!“

Нептунъ издавна бувъ дряпичка;
Почувъ Энеивъ голосокъ,
Шатнувся заразь изъ запичка—
Пивкопы для його кусокъ!
И мыттю, осидлавышы рака,
Схватывсь на його, мовъ бурлака,

И вырнувъ зъ моря, якъ карась;
Загомонивъ на витривъ гризно:
„Чого вы гудете такъ ризно?
„До моря, знаете, вамъ зась!“

Оттуть-то витры схаменулись,
И ну вси драла до норы,
До ляса мовъ ляхы метнулись,
Або одъ йижака тхоры.
Нептунъ же заразь взявъ мителку
И вымивъ море, якъ свителку,—
То сонце глянуло на свить.
Эней тогди якъ народывся,
Разивъ изъ пять перехрестывся,—
Звеливъ готовыты обидь.

II.

П Е К Л О.

Теперь Эней убрався въ пекло,
Прыйшовъ зовсимъ на иншый свить;
Тамъ все поблидло и поблекло,
Нема ни мисяця, ни звиздь...
Тамъ тилько туманы вельки,
Тамъ чутно жалибнїи крыкы,
Тамъ мука гришнымъ не мала.
Эней зъ Сывыллою глядили,
Якіи муку тутъ терпили,
Якая кара всимъ була...

Смола тамъ въ пекли клекотила
И грилася все въ казанахъ
Жывиця, сирка,—нефть кыпила,—
Палавъ огонь великый, страхъ!
Въ смоли сій гришныкы сыдили
И на огни пеклысь, горилы,
Хто якъ за вищо заслуживъ...
Перомъ не можна напысаты,
Не можна и въ казкахъ сказаты,
Якыхъ було багацько дывъ!

Панивъ за те тамъ мордувалы
И жарылы зо всихъ бокивъ,
Що людямъ льготы не давалы
И ставылы ихъ за скотивъ;
За те вони дрова возылы,
Въ болотахъ очереть косылы,
Носылы въ пекло на пидпаль.
Чорты за нумы прыглядалы,
Зализнымъ пруттямъ пидганялы,
Колы якый зъ ныхъ пристававъ...

Всимъ старшынамъ тутъ безъ розбору,
Панамъ, пидпанкамъ и слугамъ,
Давалы въ пекли добру хльору,—
Всимъ по заслужи, якъ котамъ.
Тутъ всякіи булы цехмыстры
И ратманы, и бургомыстры,
Судди, пидсудкы, пысари,
Яки по правди не судылы
Та тилько грошыкы лупылы
И одбиралы хабари.

И вси розумни фылозопы,
Що въ свити вчылысь мудрувать;

Ченци, попы и протопопы,
Мырянъ щобъ знали научать,
Щобъ не ганялысь за гривнямы,
Щобъ не возылысь зъ попадамы,
Та знали церкву щобъ одну;
Ксьондзы до бабъ щобъ не иржалы,
А мудри звиздъ щобъ не знималы—
Булы въ огни на самимъ дну.

Жинокъ своихъ що не держалы
Въ рукахъ, а волю имъ дали,
По весилляхъ ихъ одпускалы,
Щобъ часто въ прыданкахъ булы
И до пивночи тамъ гулялы,
И въ гречку де-колы скакалы,—
Таки сыдили вси въ шапкахъ
И зъ превелькымы рогамы,
Зъ зажмуреннымы вси очамы,
Въ кыпячыхъ сиркой казанахъ.

Батькы, яки сынивъ не вчылы,
А гладылы по головахъ
И тилько знай, що ихъ хвалылы,—
Кыпили въ нефти въ казанахъ,
Що черезъ ихъ сынкы въ ледащо
Пустылыся, пишлы въ ни на що,
А послы чубылы батькивъ,
И всею сылою бажалы,
Батькы щобъ швидче умиралы,
Щобъ имъ прынятысь до замкивъ...

Булы тамъ купчыкы проворни,
Що йиздылы по ярмаркамъ,
И на аршынецъ на пидборный
Поганый продавалы крамъ.

Тутъ всякіи булы пронозы,
Перекупкы и шмаровозы,
Жыды, миняйлы, шынкари,
И ти, що фыгы-мыгы возять,
Що въ баклагахъ „горячый“ носять,—
Тамъ вси пеклыся крамарии...

Тамъ вси невірні й хрыстіяне,
Булы паны и мужыкы,
Була тутъ шляхта и мищане,
И молоди, и старыкы;
Булы багати и убоги,
Прямы булы и кривоноги,
Булы выдющи и слипи,
Булы и штатськы, и военни,
Булы и панськы, и казенни,
Булы мыряне и попы.

Гай! Гай! та нигде правды диты,—
Брехня жъ наробыть лыха бильшъ,—
Сыдили тамъ скучни пѣты,
Пысарчуку поганыхъ виршъ,
Велькіи терпилы муку,—
Имъ звязани булы и руки,
Мовъ у татаръ терпилы плинъ.
Оттакъ и нашъ братъ попадеться,
Що пыше, не остережется...
Якый же втерпыть його хринъ?...

III.

Мослы Энеевы у Латына.

Посливъ ввели къ царю зъ пыхою,
Якъ се водылось у Латынъ;

Неслы подарки предъ собою:
Пыригъ завдовжки изъ аршинъ,
И соли крымкы и бахмуткы,
Лахмиття ризного тры жмуткы,
Эней Латыну що прыславъ.
Послы къ Латыну прыступылись,
Тры разы нызько уклонились,
А старшый рацію сказавъ:

„Энеусъ ностерь маинцъ панцъ
„И славный *Троянорумъ* князь,
„Шмыглявь по морю, якъ цыганцъ,
„*Адъ те, о рексъ!* прыславъ нункъ насъ.
„*Рогауцъ, бодине Латыне.*
„Нехай нашъ *капутъ* не загыне,
„*Пермитте* жыть въ земли свой,
„Хочъ за *пекуннн*, хочъ *фратисъ*,—
„Мы дякуваты будемъ *сатисъ*
„*Бенефицици* твой.

„*О Рексъ!* будь нашимъ *Меценатомъ*
„И *ласкамъ туамъ* покажы:
„*Энеусу* зробыся братомъ,
„*О, оптиме,* не одкажы!
„*Энеусъ принцесъ* есть моторный,
„Вродливый, гарный и проворный,
„Побачышь самъ, *инномине!*
„Велы *акципере* подарки
„Зъ ласкавымъ выдомъ и безъ сваркы,
„Що прыслани черезъ мене:

„Се кылымъ самолють чудесный,—
„За Хмеля выткався царя,—
„Лита пидъ облака небесни,
„До мисяця и—де зоря;

„И можна стиль нымъ застыляты,
„И передь лижкомъ простылаты,
„И тарадайку закрывать;—
„Царивни буде винъ въ прыгоду
„И то найбільшъ для того году,
„Якъ замижъ прыйдеться давать.

„Ось скатерть Шльонская нешпетна,—
„Ии у Лыпську добулы;
„Найбільше тымъ вона прыкметна,
„На стиль якъ тилько настелы
„И загадай якои стравы,
„То всяки вродятыся потравы,
„Яки на свити тилько йесть:
„Пывце, вынце, медокъ, горилка,
„Рушныкъ, нижъ, ложка и тарилка,—
„Царыци мусымъ сю пиднести.

„А се сапьянци самоходы,
„Що въ ныхъ ходывъ ище Адамъ;
„Въ старынній пошыты годы,—
„Не знаю, якъ досталысь намъ;
„Лыбонь досталысь одъ Пендосивъ,
„Що въ Трои намъ утерлы носивъ,—
„Про те Эней зна молодець;
„Сю ричъ, якъ ридку и старынну,
„Пидносимо царю Латыну,
„Съ поклономъ нызыкымъ на ралець“.

Царыця, царь, дочка Лавына
Зглядалыся про-мижъ себе,
Изъ рота покотылась слына,
До себе всякий и гребе,
Яки досталысь имъ подаркы;
Насылу обійшлоь безъ сваркы.

Якъ-ось Латынъ сказавъ посламъ:
„Скажите вашему Энею:
„Латынъ изъ цілоу симбею,
„Крый Боже, якъ вси ради вамъ!

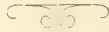
„И вся моя маетность рада,
„Що Богъ васъ навернувъ сюды;
„Мни мыла ваша вся громада,
„Я не пущу васъ никуды;
„Прошу Энею поклонятысь
„И хлиба—соли не цуратысь,
„Кусокъ остатній роздилю.
„Дочка у мене одыначка,
„Хазяйка добра, пряха, швачка,
„То може и въ ридню вступлю“.

И заразь попросивъ до столу
Латынъ Энеевыхъ боярь;
Пылы горилку до изволу
И йилы бублыкы, кавьярь;
Бувъ борщъ до шпундривъ зъ бурякамы,
А въ ющци потрохъ зъ галушкамы,
Потимъ до соку каплуны;
Зъ отрибки баба, шарпанына,
Печена зъ часныкомъ свынына,
Крохмаль, якый йидять паны.

Въ обидь пылы заморськи вына,—
Не можна всихъ ихъ розсказать,
Бо потече изъ рота слына
У де-кого, якъ описать;
Пылы сикызку, деренивку
И крымську вкусную дуливу.
Що то айвовкою зовуть.
На *вивать*—зъ мущыривъ стріялы,

Тциг—гримко трубачи играли,
А *многолитг*—дякы ревать.

Латынъ по царському звычайу
Энею дары одрядывъ:
Лубенского шмать короваю,
Корыто *Опшнлянскихъ* сльвъ,
Орихивъ *Кыивскихъ* смаженихъ,
Полтавскихъ пундыкивъ пряженихъ
И гусячихъ пять кипъ яецъ;
Рогатого скота зъ *Лыбянки*,
Сывухы видерь зъ пять *Будянки*,
Сто *Решетливскихъ* овецъ...

IV.

Латынцы лагодяться въ похидъ на Энея

Р, музо, панночко Парнасска!
Спустысь до мене на часокъ:
Нехай твоя научить ласка,
Нехай твѣй шепче голосокъ,
Латынъ къ вѣйни якъ знаряжалась,
Якъ армія ихъ набиралась,
Якый порядокъ въ вѣйську бувъ;
Вси опышы мундыри, збрую
И казку мни скажы такую,
Якои ще нихто не чувъ.

Бояры въ мыть скомпонувалы
На аркушъ манихвестъ кругомъ,
По всихъ повитахъ розислалы,
Щобъ вѣйсько йшло пидъ коруговъ;
Щобъ головы вси обголялы,
Чупрыны довги оставлялы,

А усъ въ пивлокоть-бы стырчавъ;
Щобъ сала и пшона набрали,
Щобъ сухаривъ понапикалы,
Щобъ ложку, казанокъ всякъ мавъ.

Все вѣйсько заразъ роспысалы
По разныхъ сотняхъ, по полкамъ,
Полковныкивъ понаставлялы,
Далы патенты сотныкамъ.
По городамъ всякъ полкъ назався,
По шапци всякій розлычався,—
Впысалы вѣйсько пидъ ранжырь;
Пошылы сыни всимъ жупаны,
На спидъ же биліи каптаны,
Щобъ бувъ козакъ, а не мугырь.

Въ полкы людей распредилывшы,
И по квартирямъ розвели,
И всихъ, въ мундыри нарядывшы,
Къ прысязи заразъ привели.
На коняхъ сотныкы фынтылы,
Хорунжи усыкы крутылы,
Табаку нюхавъ осаулъ;
Урядныкы зъ отаманамы
Новымы чванылысь шапкамы,
И ратныкъ всякій губу дувъ.

Такъ, вичной памѣяты, бувало
У насъ въ Гетьманщыни колысь
Такъ просто вѣйсько шыкувало,
Не знавшы: „стой, не шевелысь!“
Такъ славніи полкы козацкы
Лубенскый, Гадяцкый, Полтавскый
Въ шапкахъ, було, якъ макъ, цвितуть.
Якъ грянуть, сотнямы ударять,

Передъ себе спысы наставлятъ,—
То мовъ митлоу все метуть...

Не хмара сонце заступыла,
Не выхоръ порохоми вертыть,
Не галичъ чорна поле вкрыла,
Не буйный витерь се шумыть:
Се вѣйсько йде всима шляхамы,
Се ратне брязкотыть збруямы,
Въ *Ардею* *) городъ поспиша.
Стовпъ пороху пидъ небо вьеться,
Сама земля, здаеться, гнеться:
Энею! де теперь душа?

Туть вѣйсько киннее валылось
И дуже руччее було;
Отаманъ звався Покотыллось,
А осауль Караспуло.
Се Греческѣи проскиносы,
Изъ Биломорья все пендосы,
Зъ Мореа, Дельта, Кефалось;
Везлы зъ собою лагомыны,
Опыву, мыло, рыжъ, маслыны
И *капама, кебабъ калось*.

Цекуль **) Пренестскѣи коваленко
Въ Латію зъ вѣйскомъ также пхавсь;
Такъ Сагайдачный зъ Дорошенкомъ
Козацкымъ вѣйскомъ велычавсь.
Одынъ зъ бунчукомъ передъ ратью,
Позаду другый пьяну братью
Донскымъ нагаемъ пидганявъ.
Рядочкомъ йихалы гарненко,

---

*) Ардея—столичный Рутульскѣи городъ.

**) Цекуль—сынъ Вулкана.

Зъ люлюкъ тютюнъ тяглы смачненько,
А хто на коньку кунявъ.

За сьмы плентавсь розбышака,
Нептунивъ сынъ, сподарь Мезапъ,
До бою бувъ самый собака
И лобомъ бився такъ, мовъ цапъ.
Боець, ярунъ и задырака,
Стрилець, кулачныкъ и рубака
И дужый бувъ зъ його хлопакъ;
Въ выскы було кому якъ впнетсья,
Той на-сухо не оддереться;
Такый ляхамъ бувъ Зализнякъ...

Не можна далеби зличыты,
Яки народы тутъ плелысь,
И на папиръ сей положыты,
Якъ, зъ кымъ, колы, видкиль взялысь.
Виргилій, бачъ, не намъ бувъ ривня,
А выдно, що начухавъ тимья,
Покры дрибненько опысавъ.
Булы Рутульци и Сиканци,
Аргывци, Лабыкы, Сакранци,
Булы таки, що врагъ ихъ зна.

Така-то збирныця валылась,
Энея щобъ побыты въ пухъ;
Уже Юнона де озлылась,
То тамъ запы крипкенько духъ.
Жаль, жаль Энея неборака,
Колы його на миль, якъ рака,
Зевесъ допустыть посадыть!...

*Петро Петровычъ
Гулакъ-Артемовськый.*

Гулакъ-Артемовськый Петро Петровычъ, поповычъ, уродывся 1790 р., бувъ професоромъ и ректоромъ Харьковського универсытегу; умеръ 1 жовтня 1866 р. Почавъ пысаты р. 1818; найбільшь видома сатыра його

„Панъ та собака“; окримъ того, напысавъ чы-мало перекладивъ на мову украинську, переважно зъ Горація.

Ы Б А Л К А.

Украинська балада.

Das Wasser rauscht, das Wasser schvull,
Ein Fischer sass daran,
Sah nach dem Angel ruhevoll,
Kühl bis ans Herz hinan.

Gothe.

Вода шумыть!... вода гулять!...
На берези *Рыбалка* молоденькый
На поплавецъ глядыть и прымовля:
Ловиться, рыбонькы, велькы и маленькы!

Що рыбка смыкъ, то сердце тьохъ!...
Серденько щось *Рыбалочки* вищуе:
Чы то тугу, чы то переполохъ,
Чы то коханячко?... не зна винъ, а сумуе.

Сумуе винъ,—ажъ ось реве,
Ажъ ось гуде!—и хвыля утикае...
Ажъ—гулькь!... зъ воды дивчынонька плыве,
И косу счисуе, и бривкамы моргае...

Вона й морга, вона й спива:
„Гей! Гей! не надь, *Рыбалко* молоденький,
„На зрадный гакъ ни шуку, ни лына!...
„На що ты нивечышь мій ридъ и плидъ любенький?

„Колы-бъ ты знавъ, якъ *Рыбалкамъ*
„У мори жыть изъ рыбкамы гарненько,
„Ты-бъ самъ пирнувъ на дно къ лынамъ
„И парубоцькее отдавъ-бы намъ серденько!

„Ты жъ бачывъ самъ,—не скажешъ: ни,—
„Якъ сонечко и мисяць червоненький
„Хлюпошуться у насъ въ води на дни
„И изъ воды на свить выходять веселеньки!

„Ты жъ бачывъ самъ, якъ въ темну ничъ
„Блыщать у насъ зиронькы пидъ водою:
„Ходы жъ до насъ, покынь ты удку причъ—
„Зо мною будешъ жыть, якъ братъ живе зъ сестрою!

„Зырны сюды!... чы се жъ вода?...
„Се дзеркало: глянь на свою уроду!...
„Ой, я не зъ тымъ прыйшла сюда,
„Щобъ намовлять зъ воды на парубка незгоду!“

Вода шумыть!... вода гуде!..
И ниженькы по кисточки займае...
Рыбалка вставъ, *Рыбалка* йде,
То спыныться, то впятъ все глыбшенько пирнае!...

Вона жъ морга, вона й спива....
Гулькы!... приснулы на сынимъ мори скалкы...
Рыбалка хлюпъ!... За нымъ шубовсть вона!..
И бильше вже нигде не бачылы *Рыбалкы*....

* * *

Aequam memento rebus in arduis
Servare mentem, non secus in bonis.
Ab involenti temperatam
Laetitiam, moriture Delli!

(Dib. II, od. III).

Пархоме! въ щасти не брыкай!
Въ нудзи прытьмомъ не лизь до неба,
Людей пытай, свій розумъ май!
Якъ не мудруй,—а вмерты треба!
Чы коротаешъ викъ въ журби,
Чы-то за поставцемъ горилкы
Въ шынку наризують тоби
Цымбалы, кобзы и сопилкы;
Чы пьяный пидъ тыномъ хропешъ,
Чы до господы лизешъ рачкы,
И жинку макогономъ бьешъ,
Чы самъ товчешся на-вкулачкы:
Оры и засивай ланы,
Косы шыроки перелогы,
И грошыкы за баштаны
Лупы,—та все одкынешъ ногы!...
Покынешъ все: стижкы й скурты,
Вси ласоци: паслинъ, цыбулю....
Загарба иншый все,—а ты
Зйисы за гирку працю дулю!
Чы соцькымъ батько твій въ сели,
Чы самъ на панщыни працюе:
А смерть зривняе всихъ въ земли,—
Ни зъ кымъ скажена не жартуе!...
„Чы чить, чы лышка?“—загука;
Ты крыкнешъ: „чить!“... Ба брешешъ, сыну!“
Озветься паплюга зъ кутка,
Та й сцупыть зъ печи въ домовыну!

ТАНЬ ТА СОБАКА.

Та землю злизла ничь... ниде а ни шышырхне,
Хиба-то де-куды кризь сонь що-небудь пырхне.

Хочь въ око стрель тоби,—такъ темно на двори:
Уклався мисяць спать, нема а ни зори,
И ледве крадькома яка маленька зирка
Зь-за хмары выгляне, неначе мышь зь засика.
И небо, и земля—усе одпочыва,
Все ничь пидь чорною запаскою хова.

Одынъ Рябко, одынъ якъ палець, не дримае:
Худобу панську, мовь братъ ридный, доглядае,
Бо дарма йисты хлибъ Рябко нашъ не любывъ:
Йивъ за пятьохъ, але те йивъ, що заробывъ.
Рябко на панському двори не спыть всю ничку.
Колы-бъ тоби на смихъ було де выдно свичку,

Або въ сели де на опичку

Маячывъ каганець!

Вси сплять, хропуть,

А де-яки сопуть.

Уже и панотець,

Прылизшы изь хрестынъ, до утрени попхався...
А нашъ Рябко, кажу, все спаткы не вкладався:
Знай, неборакъ, ганя то въ той, то въ сей кутокъ;
То зазырне въ курныкъ, то—дейко до свынокъ,—
Спыта: чы вси такы жывеньки поросятка,
Индыкы та качкы, курчатка й гусенятка?

То звидтиль навпростець

Махае до овецъ,

До клуни, до стижживъ, до стани, до обору;
То зновъ назадъ чымъ-дужчъ,—щобъ часомъ москали
(А ихъ тоди було до хрина на сели),

Щобъ москали, мовлявъ, не вбралысь до коморы.
 Не спыть Рябко, та все такъ гавка, скавучыть,
 Що, сучый сынъ, колы ажъ въ ухахъ не лящыть!
 Все дума: якъ бы-то пиддобрыться пидъ пана?
 Не зна жъ, що не мыне Рябка обрадованна!
 Якъ гавъ, такъ гавъ, поky свинуло на двори;
 Тоди Рябко простягсь, захрипъ въ свой нори.
 Чому жъ Рябку не спать? чы знавъ винъ, що зъ нымъ буде?
 Заснувъ винъ смачно такъ, якъ сплять вси добри люде,
 Що щиро стережуть добра своихъ панивъ...
 Якъ ось—трусъ, галасъ, крыкъ!... весь двиръ загомонивъ:
 —Цу-цу, Рябко! на-на! скуды Рябка клыкните!—
 —Ось-ось я батечкы!... чого вы тамъ, скажите!—
     Стрыба Рябко, вертыть хвостомъ,
     Неначе помеломъ,
     И знай, дурненькый, скалыть зубы
     Та лыже губы.
 —Уже жъ бачъ, дума винъ, не дурно це въ двори
     Одъ самой тоби зори
     Вси панькаються коло мене:
 Мабуть самъ Панъ звеливъ виддаты Рябку печене
     И що зосталося варене,
 За те, що, бачъ, Рябко всю божу ничъ не спавъ,
 Та гавкавъ на весь ротъ, злодiивъ одганявъ.
 „Цу-цу, Рябко!“ ще разъ сказавъ одынъ псяюха...
     Та й хапъ Рябка за уха!
 „Кладить Рябка!“—гукнувъ... Ажъ ось и Панъ прыбигъ.
 „Лупить Рябка,—сказавъ,—чухрайте, ось батигъ!“
 —За що?—спытавъ Рябко; а Панъ крычыть: „Чухрайте!
 —Ой, йой, йой, йой!—а Панъ имъ каже:—„Не вважайте!“
 —„Не буду, батечку! За що жъ се честь така?“—
 „Не слухай!“ Панъ крычыть: „лупить, дерить Рябка!“
     Деруть Рябка, мовъ пирья.
     На галасъ збиглась двирня:
 „Що? якъ? за що? про що?“ Не знае ни одынъ.

— „Пустить!“ — кричить Рябко: — „не будь я песькый сынъ,
Колы вже вдержу бильшь!“ —

Рябко нашъ хочъ не бреше,
Такъ що жъ? Явтухъ Рябка все знай по жыжкахъ чеше.
„Пустить, швыдчій пустить!“ Панъ на весь ротъ гукнувъ.

Та й зъ хаты самъ умкнувъ.
„Пустить! — гукнули вси: „Рябко вже вдовольнявся!“
— „Чымъ, люде добри, такъ осе я провинувся?
За що жъ глузуете?“ — сказавъ нашъ неборакъ, —
„За що знущаетесь вы надо-мною такъ?
За що, за що?“ — сказавъ та й попустывъ патьоки,
Патьоки слизъ гиркыхъ, узявшыся за боки.
„За те,“ — сказавъ одинъ Рябкови зъ наймытивъ,
„Щобъ не колошкавъ ты въ-ночи своихъ панивъ;
За те... але жъ що тутъ?... ходимъ, Рябко, лышь зъ хаты:
Не дуже, бачу, ротъ тутъ можна роззявляты.
Ходимъ, Рябко, на двирь.“

Пишлы.

„Се не пuste,“ —
Сказавъ Явтухъ Рябку: „осе тебе за те
По жыжкахъ, бра Рябко, такъ гарно пошмагалы,
Шо Панъ изъ Панею сю цилу ничъ не спалы.“
— „Чы выненъ я сьому? чы ты, Явтухъ, здуривъ?“ —
„Гай, гай!“ — сказавъ Явтухъ: — „Рябко! ты знависнивъ!
Ты выненъ, бра Рябко, що ниччю розбрехався:
Ты жъ знавъ, що вчора нашъ у карты Панъ програвся!

Ты жъ знавъ,

Що хто програвъ,

Той чорта (не теперь на спомынкы) здримае, —
Той батька ридного, розсердывшысь, програе!
Ты жъ знавъ, кажу, Рябко, що Панъ не буде спать?
До чого жъ гавкавъ ты? на що жъ було гарчать?
Нехай бы гавкавъ самъ, а ты-бъ уклавъ тыхенько,
Забравшысь въ ожередъ, та й спавъ бы тамъ гарненько.
Теперь ты бачышь самъ, що мокрымъ винъ рядномъ

Напався на тебе и знай верзе прытьмомъ,
Що грошей вчора винъ процындрывъ шось не трохи;
Що Паню черезъ те всю ничь кусалы блохи;
Що будимъ вчора винъ гратъ въ карты-бъ не сидавъ,
Колы-бъ сьогондншню бувъ ничь хочъ закунявъ;
Що будимъ ты, Рябко, такъ гавкавъ, якъ собака;
Що будимъ по тоби походитъ ще й ломака;
Що, бачься, ты йому остывъ, надосолывъ,
И, бачься, винъ тебе за те й прохворостывъ.
А бачъ, Рябко, а бачъ! не гавкай, не ганяйсь;
Ляжъ, хырный, та й мовчы, изъ Паномъ не ривняйсь;
Чого брехать? нехай нашъ Панъ здоровый буде,
Винъ самъ и безъ собакъ сю панщыну одбуде“.

Послухавъ нашъ Рябко порады Явтуха:

—Нехай тяжка йому година та лыха,—

Сказавъ,—щобъ за мое, якъ кажуть, жыто

Та ще мене и быто?

Колы мое не въ ладь,

То я зъ своимъ назадъ.

Чы баба зъ воза—що жъ? велика дуже вада?

Кобыли легшый визъ—сьому кобыла й рада,—

Оттакъ сердяга нашъ Рябко помирковавсь,

Та й спать на цилый день й на цилу ничь попхавсь.

Заснувъ Рябко, захрипъ, ажъ ожередъ трясеться;

Рябку й не snyться, й не верзеться,

Що вже москалыкы въ комори й на двори

Скризь нышпорять, мовъ тутъ воны господари;

Що вовкъ ягнять, а тхирь курчатокъ убирае.

Ажъ тутъ и на двори тужъ-тужъ уже свитае.

„Цу-цу, Рябко!“ тутъ вси, повыбигавшы зъ хать,

„Цу-цу, Рябко! на-на!“ гукнули якъ на гвалть.

А нашъ Рябко тоби и усомъ не моргае;

Хочъ чуетъ, та мовъ спыть и мовъ не дочувае.

—Теперь-то,—дума винъ,—мій Панъ всю ничку спавъ,

Бо не будывъ його Рябко и не брехавъ;

Теперь-то винъ мени свою покаже дяку;
Теперь уже не втре мени, якъ вчора, маку.
Нехай цуцукають, мене сымъ не звездуть,
Поки самы сюды обидь не принесуть.
Та ще й тоди, не бійсь, поскачуть коло мене,
Поки визьму я въ ротъ хочъ страву, хочъ печене!—
„Цу-цу!“ сказавъ ище Рябкови тутъ Явтухъ;
„Цу-цу!“ задыхавшысь, мовъ зъ його перло духъ.
„Ходимъ, Рябко!“

—Эге, ходимъ! не дуже квапся!
Самъ принеси сюды!—„Иды жъ хутчій, не бався!“
—Ба, не пиду, Явтухъ!—

„Иды, бо клыче Панъ!“

Сказавъ та й зашморгнувъ на шыи винъ арканъ.
„Чешить Рябка!“—гукнувъ... ажъ тутъ ихъ щось зъ десятокъ
Влипылы зъ сотеньку кыивъ Рябку въ завдатокъ.
„Лупить Рябка!“—крычыть тутъ Панъ, якъ нависный,
Рябко жъ нашъ тилько вже що теплый та живой.
Разивъ изъ шистъ Рябка водою одльвали,
И стилько разъ його, одлившы, зновъ шмагалы,
А потимъ пересталы.

Рябко спытать хотивъ, але Рябкивъ языкъ
Бувъ въ роти спутаный, неначе пугомъ зъ лыкъ,
И геркготаваъ щось, якъ на сїдали индыкъ.
„Постій!“—сказавъ Явтухъ Рябкови,—„не турбуйся,
Я правду всю скажу: ото, Рябко, шануйся,
Добра своихъ Панивъ, якъ ока, стережы,
Зараня спать не квапсь, въ солому не бижы,
Злодіивъ обганяй та гавкай на звирюку.
Не гавкавъ ты, Рябко,—за те жъ мы, бачъ, въ науку,
Изъ ласкы, зъ мылости Панивъ,
Влипылы сотеньокъ изъ пять тоби кыивъ.“
—Чорты-бъ убывъ твого, Явтухъ, зъ Панамы батька
И дядыну, и дядька
За ласку ихъ!—сказавъ Рябко тутъ на одризь—

—Нехай имъ служить бильшь рябый въ болоти бись!
Той дурень, хто дурнымъ иде Панамъ службыты,
А бильшый дурень—хто имъ дума догодыты!

Годывъ Рябко имъ, мовъ боляцци й чыряку;
А що жъ за те Рябку?
Споролы батогамы,
А за выслугу—палюгамы.

Чы гавкае Рябко, чы мовчки ниччю спыть,
Все выпада такы Рябка прытьмомъ побыть.
Уже мени, бачу, чы то туды—высоко,

Чы то сюды—глыбоко;

Повернесся сюды—и тута горяче;

Повернесся туды—и тамъ-то боляче.

Хочъ-бы я тисто внись псяюси изъ дижею,

То-бъ винъ ростовкь и ту надъ спыною моею.

Зъ ледачымъ все беда: хочъ верть круть, хочъ круть-верть,

Винъ найде все тоби хочъ въ черепочку смерть.

1818 р.

Левко Миколаевичъ

Боровыковський.

Боровыковський Левко Миколаевичъ, дидичъ зъ Полтавщины, уродився 1804 р., учывся въ Харьковському университети, а потимъ бувъ учителемъ у Харьковській гимназіи; почавъ писать украинською мовою р. 1829, переклавшы баладу Жуковского „Свѣтлану“ („Маруся“); р. 1852 надрукована його книжка байокъ.

ЧОРНОМОРЕЦЬ.

То не сирый туманъ
Съ Чорноморья пиднявъ,—
Пиднимаються гусы то сиріи;
То не хмару снигивъ
Буйный витерь навивъ,—
Пиднимаються лебеди биліи,
Крычать гусы: гель! гель!
А за нымы орель
Ипускається зъ хмары високои.
„Не тикайте вгори,
Гусы сири мои!
Пидождите орла, мои любіи!

Я не быты лечу,
Роспытаты хочу:
Чы не бачылы яснаго сокола?
Чы не стритылы вы
Богатырь-головы
Съ Чорноморіи добраго молодця?“
„Коло моря убыць
Чорноморець лежыць;
Його ручки лежать на тры штученькы,
Його ніжкы на зглядь
Край дороги лежать;
Крызъ реберця—трава пробываецься.
Середъ степу того
Нихто къ тилу його
Изъ живої души не ласкаецься;
Только ластивкы тры,
Зь-пидь сидої горы,
Прыгортаюцься: першая ластивка
Маты ридна рыда,
А другая—сестра;
Третья ластивка—жинка покійнаго.
Де матуся рыда,
Тамъ кровава рика
Протикае до моря глыбокаго;
Де ридненька сестра,
То вже ричка пройшла
И просохла, не вльвышыся до моря;
А де жинка була—
И росыци нема,
И завьяла трава край покійнаго.

В О Л О Х Ъ .

За моремъ степь, край моря степь,
Въ степахъ волохъ зъ шатрамы ходить;
Крива коса, зубатый серпъ
Волоха въ поле не выводить.
Волохъ не иде въ полкы служить,
Волохъ живе, якъ набижить.

Шырокий степь—його постиль,
Кругомъ стина—изъ небомъ горы;
Не жатый хлибъ, не брана силь,
Пивъ-голый самъ и диты голи;
За те жъ татарынъ, немецъ, ляхъ
Не грилы рукъ въ його шатрахъ.

Паны въ будынкахъ сплять безъ сна;
Купецъ моря переплывае;
Въ води тука рыбалка дна;
Мужыкъ въ судахъ поригъ змитае,—
Волохъ соби въ шатри сыдыть,
Охоче йистъ, спокойно спыть.

Зима—биля вогню въ шатрахъ;
Весна—лежить винъ пидъ зорямы,—
А литомъ ходыть по степахъ
Зъ шырококрылымы шатрамы:
Безъ хлиба—сыть, безъ хаты—панъ,
Густый туманъ—його жупанъ.

В Е Ч И Р Ъ.

(Черешневъ).

Фура въ хмари небо крые,
Сыпле снигъ, якъ зъ рукава,
То звирюкою завые,
То застогне, якъ сова;
То, солому закрутывшы,
По-пидъ стрихою шумыть,
То въ викно, мовъ прыпизнывшысь
Подорожній торохтыть.

* *
*

Вся промокла наша хатка;
Тыхо въ хати и темно;
Що-жь на лавци пани-матка
Зажурылась пидъ викномъ?
Чы пидслукуешъ, якъ свыще
Витерь, вые и шумыть?
Чы якъ дзыгою на дныщи
Веретено задзычыть?

* *
*

Выпьемъ, добра пани-матко!
Ну, по одній! Налывай!
Выпьемъ зъ горя? Де-жь кухлятко?
За почынкомъ не дримай!
Заспивай, якъ сына маты
Выганяла до орды,
Якъ до зиронькы дивчына
Неньци прынесла воды.

* *
*

Буря въ хмари небо крые,
Сыпле снигъ, якъ зъ рукава,
То звирюкою завые,
То застогне, якъ сова!
Выпьемъ, добра пани-матко!
Ну, по одной! Налывай!
Выпьемъ зъ горя? Де-жь кухлятко?
За почынкомъ не дримай!

А Й К Ы.

1.

До ДРУКАРЯ.

Друкарю! не дримай: де треба точку ставъ,
Шобъ мокрымъ насъ рядомъ злый крытыкъ не напавъ:
Бо йе й таки: не найде толку—буде тыхо;
Не найде жъ точки—лыхо....

2.

К Л Ы М Ъ.

Спыталы Клыма разъ, яка найлучча птыця:
Чы чыжъ, чы соловей, чычитка, чы сыныця?
Голодный Клымъ озвавсь зъ-басá:
„Найлучча птыця—ковбаса!“
Голоднй, бачъ, куми—
Хлибъ на уми.

3.

К Р Ы Л А У ВИТРЯКА.

Разъ крыла въ витряка гудилы й герготалы,
Що все село воны засушнымъ годувалы;
А каминь, пятирня и колесо... мовчалы.

Прыказують, що хто мовчыть,
Той двоухъ навчыть.

*Евгенъ Павловичъ
Гребинка.*

Гребинка Евгений Павловичъ, сынъ дидыча зъ Полтавщины, уродывся 21 сичня 1812 р., учывся въ Нижиньскому Лицеи, учительовавъ у Дворянськимъ Кадетськимъ Корпуси въ Петербурзи; почавъ писа-

ты украинською мовою 1831 р.; головнйши творы його—прыказкы, лирычни поэзи та перекладъ Пушкинковой „Полтавы“. Умеръ 4 грудня 1848 р.

УКРАИНСЬКА МЕЛОДИЯ.

Ни, мамо, не можна нелюба любить—
Нещасная доля изъ нелюбомъ жыть.
Охъ, тяжко! охъ, важко зъ нымъ ричь розмовляты!
Хай лучче я буду весь викъ дивоваты!“

—Хыба жъ ты не бачышь, яка я стара?
Мени въ домовыну лягаты пора;
Якъ очи закрю, що буде зъ тобою?
Останешся, доню, одна, сыротою!

—А въ свити якее жыття сыроти?
И горе, и нужду терпитемешъ ты.
Я дочку пустывшы, мовлявъ, на поталу,
Стогнуть пидъ землею, якъ горлыця, стану.

„О, мамо, голубко, не плачь, не рыдай,—
Готуй рушныкы и хусткы вышивай!
Нехай за нелюбомъ я щастя утрачу:
Ты будешъ весела, одна я заплачу!“

Генъ тамъ, на могыли, хрестъ Божый стоить,
Пидъ нымъ рано й вечеръ матуся квылыть:
„О, Боже мій мылый, що я наробыла!
Дочку, якъ схотила, изъ свита згубыла!“

1840.

О В Е Н Ъ.

Заграло, запинылось сынее море
И буйніи витры по морю шумлять,
И хвыля гуляе, мовъ чорніи горы
Одна за одною бижать.
Якъ темная ничка, насупылись хмары,—
Въ тыхъ хмарахъ, мовъ голосъ небесной кары,
За громомъ громы гуркотять.

* *
*

И грае, и пинуться сынее море;
Хтось човенъ на море пустывъ;
Бурхнувъ винъ по хвыли, ныряе по-воли,
Одъ берега геть покотывъ;
Хытається, бидный, одынъ безъ весельця.
Охъ, жаль мени човна! охъ, жаль мого сердца!
Чого винъ пидъ бурю поплывъ?

* *
*

Ущухнуло море, и хвыли вляглыся;
Пустують по пини мавкы;
Упять забилилы, упять простяглыся
По морю кругомъ байдакы.
Де жъ човенъ подився? де плавле мій мылый?
Мабуть винъ не плавле, бо онъ-де по хвыли
Биліють изъ його трискы.

* *
*

Якъ човнови море,—для мене свить билый
Измалку здавався страшнымъ;
Да якъ заховаться? Не можна жъ вискъ цилый
Пробуты зъ собою однимъ!
Прощай, мій покою,—пускаюсь у море!
И може недоля и лютее горе
Пограються зъ човномъ моимъ.

1833 р.

 А Й К Ы.

1.

СОНЦЕ ТА ХМАРЫ.

Рсь Сонечко зійшло и свитыть намъ, и гріе,
И Божый мыръ, якъ макивка, цвите:
На неби чыстому, гень хмара бовваніе,—
Та хмара надулась и ричъ таку гуде:
„Що вже мени се Сонце надойило!
Чого воно такъ землю весельть?
Хочъ я насуплюся, воно такы блыщыть.
Я полечу йому на зустричъ смило,
Я здужаю його собою затемныть!“
Дывлюсь—и хмарами пивъ неба замостыло,
На сонечко мовъ ниччю налягло;
А сонце выще підплыло
И хмары ти позолотыло.

2.

ВЕДМЕЖЫЙ СУДЪ.

Лысычка подала у судъ таку бомагу:
Що бачыла вона, якъ попиластый виль
На панській вынныци пивъ, якъ мошениккъ, брагу,
Йивъ сино и овесь, и силь.
Суддею бувъ Ведмидь, Вовкы булы підсудкы.
Давай воны його по своему судыть
Трохы не цили суткы!

„Якъ можна грихъ такой зробить!
Воно було-бъ зовсимъ не дыво,
Колы-бъ винъ йивъ соби м'ясыво“,—
Ведмидь сердыто ставъ ревить.
„А то винъ сино йивъ!“ вовкы завылы.
Виль щось почавъ бувъ говорыть,
Та судди ричъ його съ початку перебылы,—
Бо винъ сытенькый бувъ,—и такъ опредилылы
И приказалы запысать:

„Понеже виль признався попиластый,
Що винъ йивъ сино, силь, овесь и всяки сласты,
Такъ за таки грихы його четвертувать
И м'ясо розидрать суддыамъ на ривни часты,
Лысычци жъ ратыци оддать.“

3.

Ячминь.

Сынъ.

Скажи мени, будь ласкавъ, тату,
Чого ячминь нашъ такъ порисъ,
Що колоскивъ прямыхъ я бачу тутъ багато,
А де-яки зовсимъ схылылыся у-нызъ,
Мовъ мы, неграмотни, передъ велькымъ паномъ,
Мовъ передъ судовымъ на стійци козаки?

Батько.

Оти пряміи колоскы
Зовсимъ пустисиньки, ростуть на ныви даромъ;
Котри жъ поклякнулы—то Божа благодать:
Ихъ зерно гне, воны насъ мусять годувать.

Сынъ.

Того жъ то голову до неба зволыть драть
Нашъ пысаръ волосный, Онысько Харчовытый!
Ажъ винъ, бачу...

Батько.

Мовчы! почують,—будешъ бытый.

4.

БУДЯКЪ ТА КОНОПЛЫНОЧКА.

„Чого ты такъ мене, ледащо, въ боки пхаешъ“?
На коноплыночку въ степу будякъ гукавъ.
—„Та якъ росты мени? и самъ здоровъ ты знаешъ,
Що въ мене землю ты съ-пидъ коринця забравъ!“—

Бува и чоловикъ съому колючци пара:
Людей товче, та й жде, щобъ хто його кохавъ.
Я бачывъ самъ такихъ и може-бъ показавъ,
Та цуръ йому! боюсь,—розсержу комысара.

Ы Б А Л К А .

Хто знае Оржыцю? А ну-те, обзывайтесь!
Уси мовчать. Гай—гай, яки шолопаи!
Вона въ Сулу тече, у нашій сторони.
(Вы, братця, все-таки домивкы не цурайтесь!)
На ричци тій жылы батькы мои,
И панства чортывъ тыскъ: Васыль, Иванъ, Мыкола,—
Народъ пысьменный—страхъ!
Бувавъ у всякыхъ школахъ,
Одынъ балакае на сотни языкахъ;
Арабську цыхвиру, мовлявъ, законъ турецькый,
Все тямлють, джеркотять, якъ гусы, по немецькый.
Подумаешъ, чого-то чоловикъ не зна!
Да не про те, бачъ, ричъ. Усю торишню зиму
Рыбалка ятиромъ ловывъ въ тій ричци рыбу;
Рыбалка байдужэ, ажъ ось прыйшла весна,
Прыгрило сонечко и съ поля снигъ погнало;
У ричку снигъ побигъ, и Оржыця заграла,
И ятирь, граючы, водою занесла.
„Уже жъ вона мени оттутъ сыдыть въ печинкахъ,
Ся ричка каторжна!“ Рыбалка ставъ казать.
„Куць выгравъ, куць програвъ,—ось слухай лышень, жинко:
Пиду я до Сулы скажену позывать!“
И ризни де-яки казавъ сердега речи,
Изъ злосты, якъ москаль, усячыну гукавъ;
А дали почепывъ соби саквы на плечи,
У люльку пхнувъ огню, ципокъ у руки взявъ
И ричку позывать до ричкы почвалавъ.
Чы довго винъ ишовъ, чы ни,—того не знаю;
А тилько винъ дойшовъ, якъ слидуе, до краю.
Сула шумыть, гуляе по степамъ.

Рыбалка дывыться и очи протырае:

Не вирыть самъ своимъ очамъ,

Бо по Сули—чорты-бъ ихъ мучывъ матирь!—

Плывуть хливци, стижки, дижки, усякый крамъ,

И бидного його ныряе ятирь!

Зитхнувъ рыбалочка, та и назадъ попливсь.

А що, земляче, поживывсь?

Ось слушайте, паны, бувайте вы здорови!

Эге, Охрименко дурный:

Лишовъ прохатъ у повитовый,

Що обидравъ його нашъ пысаръ волосный!

Маркіянъ Шашкевичъ.

Шашкевичъ Маркіянъ, уродився 1811 р., въ Галычини, скінчивъ Львівський Университетъ, бувъ священикомъ; першый въ Галычини почавъ писати народною мовою, працювавъ надъ перекладомъ Евангелія на народню мову, видавъ р. 1837-го збир-

никъ: „Русалка Днѣстрова“—першу въ Галычини укр. кнжку; писавъ переважно лирични поезіи. Умеръ 7 червня 1843 р.

* * *

Руська маты насъ родыла,
Руська маты насъ повиыла,
Руська маты насъ любила,—
Чому-жь мова їй не мыла?
Чомъ стыдатысь їи маемъ?
Чомъ чужую полюбляемъ?...

М

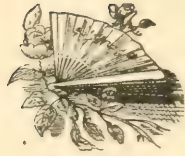
ТУГА ЗА МЫЛОЮ.

(Уршакъ).

Изъ-за горы, изъ-за лиса
Витрець повивае;
Скажи, скажи, тыхый витре,
Якъ-ся мыла мае?
Чы здорова, чы весела,
Лычко румьяненьке;
Чы сумуе, чы горюе,
Чы лычко блиденьке?
Бо я тужу, бо я плачу,
Сльозамы вмываюсь,
Веселой годынонькы
Вже не сподиваюсь!
Якъ-бы мени крыльця маты,
Соколомъ злетиты,—
Тяжку тугу изъ серденька
Пры мылій розбыты!
Ой литавъ бы-мъ, ой литавъ бы-мъ
Що-день и що-ночи,
Щобы мылій у сывеньки
Надывытысь очи;
Ой литавъ бы-мъ, ой литавъ бы-мъ
Свитомъ билесенькымъ,
Щобы мени натишытысь
Лычкомъ румьяненькымъ;
Ой литавъ бы-мъ, ой литавъ бы-мъ
Лисамы, горама,
Щобы мени натишытысь
Мылымы словама...

ПИДЛИССЯ.

(Урводкъ).

Шумы, витре, шумы, буйный.
На лисы, на горы,
Мою журну несы думу
На пидлиськи двѣры.

Тамъ спочынешъ, моя думко,
Въ зеленій сосныни,
Журбу збудышъ, натишышся
У лыхій годыни.

Тамъ ти'*) скаже дубъ старенькый,
И одынъ, и другый,
Якъ я живъ тамъ ще маленькымъ,
Безъ журбы и тугы.

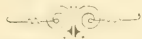
*)—тоби.

Яківъ Головацькій.

Головацькій Яківъ уродився р. 1814 въ с. Чепеляхъ, Золочивського повиту, вчився у Львівському та Пештському университетахъ. Перши творы його надруковани р. 1837 у „Русалци Днѣстровій“. Зъ р. 1843 бувъ священникомъ, зъ р. 1848 професоромъ украинської мовы и литературы у Львівському университети. 1867 р. перейшовъ у Росію. Зъ поезій його найкращи ти, що наблыжаються до характеру народнои писни. Умеръ р. 1884.

ДВА ВИНОЧКЫ.

По-пидъ гаємъ зелененькимъ
Чыста ричка тече,
На явори зелененькимъ
Соловей щибече.

Сыдыть дивча надъ ричкою,
Два виночки ввыла
И ручкою биленькою
На воду пустыла.

Одынъ винокъ зъ барвиночку,
А другый зъ рутонькы,—
Одынъ винокъ козаченька,
Другый—дивчынонькы.

Поплывъ винокъ изъ барвинку,
Хвыля'го *) сипае,
А остався изъ рутонькы,
Бо берегъ спыняе...

— „Пойихавъ мій козаченько
Въ далеку дорогу,
Мене лышывъ молоденьку
Самую небогу.

Вернысь винку изъ барвинку,
Прыплынь къ береженьку!
Вернысь мылый зъ Украины,
Прыстань ко серденьку!

Колы-жъ, винку изъ барвинку,
Сплынешъ къ береженьку?
Колы вернешъ зъ Украины,
Мылый козаченьку?“

Закувала зозуленька
Въ гаю, въ середыни,
Ажъ ся стало страшно, сумно
Молодїй дивчыни:—

— „Въ Украины на могыли
Зацвила калына:
Тамъ лежыть твій козаченько,
Бидна сыротыно!

А колы ся воды вернуть,
Що за симъ литъ вплылы,
Тоди вернешъ **) зъ Украины
Козаченько мылый!“

*) --його.

**) --вернется.

* * *

Рй сѹмна-сь, сѹмна темна ниченька,
А ще сумнише мое серденько.
Журюся, тѹжу—никому сказаты,
Не маю ненькы жаль розважаты;
Ни въ мене ненькы, щобъ попестыты,
Ни въ мене сестры, зъ кымъ потужыты;
Лышь в'день *) мыленькый, й той далеченькый,
Доки дойиде, й пивничъ мынае;
Доки прыбуде, й пивень спивае;
Зъ разъ поцилуе—стане свитаты:
Чась вже, мыленька, дѹмивъ вертаты.

---

*)—одень.

* * *

Доки була въ матинкы маленька,—
Красно мени розваджала*) ненька:
Щобъ не пыты вына червоного,
Не носыты винка зеленого,
Й не любыты хлопця молодого.
Якъ, небога, теперь розгадаю,—
То всю красу видъ вынця я маю,
Всю утиху зъ винка зеленого,
А всю любисть зъ хлопця молодого.

---

*)=навчала.

*Мыкола Ивановычъ
Костомаровъ.*

Костомаровъ Мыкола Ивановычъ, сынъ дидыча, видомый украинскый исторыкъ, уродывся 4-го мая 1817 р. у Воронижщани, скінчывъ харькывскый университетъ, професорувавъ у Кывьскымъ та Петербурзьскымъ универытетахъ; почавъ писаты 1838 р. и, окримъ лирычныхъ та драматычныхъ творивъ на мови украинскый, писавъ росыйською мовою исторычни монографіи та повисти. Умеръ 7 квитня 1885 р.

ДОБРА-НИЧЬ.

(Урывокъ).

На добра-ничъ усимъ на ничъ,—
Годи вже блукаты;
Одынокый, безталанный
Ляжу спочываты.

Холодная постилонька
У темній диброви;
Буду ждаты, сподиватысь
Любои обновы.

Усе небо блакитнее
Покрыла темнота,
Безпросвітна, нерозумна,
Давняя дримота...

Не намъ, Боже, розгадаты
Небесни глаголы;
Суды, Боже, нашу долю
Та по Твоій воли.

И холодно, и боязко,
Туга серце гнитыть,
Всюды темно и не видно,
Тилько зирка свитыть.

Свиты, зоре, на всю землю,
Поки сонце зйде,
Поки Божый день на землю
Красотворный прыйде.

О Р И.

Выйду ниччю на могылу,—
Гробы бовваніють,
Погляжу я въ ясне небо,—
Тамъ зори зоріють,

Ривнымъ рухомъ, живымъ духомъ,
Вичною красою,
Безъ упыну и безъ лику
Плынуть надо мною;

Плынуть зори въ ладнимъ хори
Вичнымы шляхамы...
Не намъ, не намъ, дитямъ праха,
Любоваться вами!

Насъ неволя, наша доля,
На свить породыла,
Подражнула свободою
Та й не вдовольныла...

Свитять зори, якъ свитылы,
И будутъ свитыты,
А мы, на ихъ надыбывшысь,
Ляжемъ въ землю тлиты...

ВРЕЙСЬКА СПИВАНКА.

Жныва вбралы; смутно въ поли;
Пожовтили вже лиски;
И збираються по-воли
Въ ырій литній пташкы.

* * *

Ой, чому я не вродився
Птахомъ быстрымъ та швыдкымъ!
Полетивъ-бы, опынввся
Въ краи риднимъ, дидивськимъ.

* * *

Полетивъ-бы, окомъ звивъ-бы
На замулений Кедронъ
И голову прыхылывъ-бы
На покынутый Сіонъ.

* * *

Хочъ населенъ ворогамы
Край для мене доси свій,—
Все до тебе думонькамы
Рвусь, Сіоне мій святий!

* * *

И далеко на чужыни
Объ тоби гадать я звыкъ,
Привитать хочъ на годыну—
Зъ мене буде на весь виль.

1841 р.

УРБА ЕВРЕЙСЬКА.

Рй, плачте такъ, якъ плакалы диды
Надъ вавылонськымы рикамы!
Розбренъ храмъ, родыны въ насъ нема—
Чужи знущаються надъ нами!
Ой, плачте люде! Отъ ии трискы...
Розбылася святая арфа Юды!
У тій землі, де Богъ нашъ панувавъ,
У тій землі пануе ворогъ лютый!
Куды теперь Израель помандруе?
Чы ще сіонську писню винъ почуе?
Чы ще музыка Юды задзвеныть?
Чы ще вона намъ серце звеселыть?
Нещасный люду! сырота—народе!
Куды бижыть винъ? Де винъ оддыхае?
Ма' прыпутень гнздо, лысыця—„скоту“,
Родыну—чоловикъ,—винъ и труны не мае!

Мыхайло Мыхолаевычъ

Петренко.

Петренко Мыхайло Мыхолаевычъ, родився у Славянську, Изюмського повіту, скінчивъ Харькiвський университетъ, писавъ лиричні поезіи.

* *
*

Дивлюся не небо, та й думку гадаю:
Чому я не сокиль, чому не летаю,
Чому мени, Боже, ты крылля не давъ?
Я-бъ землю покынувъ и въ небо злитавъ...

Далеко за хмари, чымъ-дали видъ свиту,
Шукать соби доли, на горе прывиту,
И ласки у сонця, у зирокъ прохати,
И въ свити ихъ яснымъ себе показати;

Бо доли ще змалку здаюсь я нелубий,—
Я наймытъ у неи, хлопцюга прыблудный:
Чужый я у доли, чужый у людей...
Хиба хто кохае неридныхъ дитей?...

Кохаяся лыхомъ и щастя не знаю,
И гирко безъ доли свѣй вѣкъ коротаю,
Й у гори спизнався, що тилько одна—
Далекее небо—моя сторона...

И гирко на свити! Якъ стане ще гирше,—
Я очи на небо—мени веселише,
И въ думкахъ забуду, що я сирота,—
И думка далеко—высоко лита!

Такъ дайте же крылля, орлячого крылля!
Я землю покыну—и на новосилля
Орломъ быстрокрылымъ у небо польну
И въ хмарахъ видъ свиту на вѣки загыну.

ЯКЪ ВЪ СУМЕРКЫ...

Якъ въ сумерки вечерній дзвинъ,
Пидь темный вечерь, сумно дзвоне,
Якъ зъ витромъ въ поли плаче винъ,
А у диброви тяжко стогне,—

Тоди душа моя болыть
Видь смутку, плачу по невірній,
А думка все туды летыть,
Де впершъ почувъ я дзвинъ вечерній,

Де вперше такъ я полюбивъ
Поля привольни та дибровы,
Де вперше свить и радисть вздривъ,
Та кари очи й чорни бровы!

Проснеться все въ души тоди,—
Вечерній дзвинъ усе розбуде,—
Сльоза пробье, и видь нудьгы
Душа вси радости забуде!

О, тяжкый, дзвоне, твій привить
Тому, хто мылого не мае!
Душа болыть и меркне свить,
А сердце гирше занывае...

ВЕСНА.

Весна, весна, година мыла!
Якъ гарно ты, якъ пышно ты
Долыны, горы звеселыла,
Скризь-скризь роскынула квиты!

Усе кругомъ зазеленило....
Чого жъ очамъ моимъ немыло
Дывытыся на Божый свить?
У мене серденько болыть,

А слъозы ныжуться на ви.
Се одъ того, що бачъ лита мои,
Ще ранни та молоді,
Не бачылы, не чуялы весны.

Викторъ Олександровичъ

Забилъ.

Забилъ Викторъ Олександровичъ, дидычъ, уродився въ початку сього вику; учывся въ Нижинському Лицеи, служывъ въ гусарахъ, а потимъ живъ у власнимъ хутори въ Борзенському повити, де и вмеръ 1869 р. Почавъ пысаты лирычны поэзии 1840 р.

О СОЛОВЕЙКА.

Не щибечы, соловейку,
На зори раненько,
Не щибечы, малюсенькый,
Пилъ викномъ близенько!

Твоя писня дуже гарна,
Ты гарно спиваешъ,
Ты щасливый—спаруався
И гниздечко маешъ...

А я бидный, безталанный,
Безъ пары, безъ хаты,
Не досталось мени въ свити
Весело спиваты.

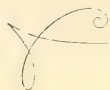
Сонце зійде,—я нужуся,
А заходять—плачу:
Яку люблю дивчиноньку,
Тієї не бачу.

Давно чутки я не маю
Про свою дивчину,
Цілий вихъ свій усе плачу
На льоху годьну.

Не щечечы, соловейку,
Якъ сонце прыгріе,
Не щечечы, малюсенькый,
Якъ витьеръ повіе.

Ты лыты, спивай тимъ людымъ,
Котри веселяться,—
Воны писнею твоею
Будуть забавляться;

Мени писенька такая
Серце розрывае,
Дужче бьеться мое серце,
Ажъ духъ замыре.

Амеросій Лукьяновичъ

Метлинскій.

Метлинскій Амвросій Лукьяновичъ (псевд. Могыла), поповычъ, уродився въ Гадяцькому повіти у Полтавщини 1814 р., професорувавъ у Харьковськимъ и Кийвськимъ университетамъ. Окримъ поезій, пысавъ драматычни творы, займався етнографією и выдавъ 1847 р. „Южно-русскій сборникъ“ въ Харькови и 1854 р. „Народныя южно-русскія пѣсни“ въ Кийви. Умеръ въ Ялти 1870 р.

ДЫТНА-СЫРОТНА.

1.

Якъ тилько гулькъ на свить свята недиля,
То й стане заразъ веселишый свить,
И выйде сонечко, мовъ на весилля,
Червоне й гарне, якъ та рожа квить.
Дытна бия церквы смутна, тыха:
Хиба одній їй яке лыхо?

2.

Старе й мале до церквы знай пыльнуе,
Бо дзвинъ давно вже клыче: бовъ та бовъ!

Спивае дякъ, ажъ все сусидство чуе,
Съ кадыла дымъ по церкви вже пишовъ...
Однымъ—одна на вулыци дытына,
    Й старенькая на йй свытына.

3.

Посыпалы вже зъ церкви чоловікы,
Хлопьята, молодыци и дивкы;
Ось по дворахъ пишлы старци, каликы;
Частуються, кому кого зъ руки...
Дытыну щось ниhto не привитае,
    И на пыригъ не заклыкае.

4.

И сонечко вже пиднялось, палае...
Пань зачыновъ викно, мухъ выгнавъ, спыть...
Хто лущыть соняшныкъ, орихъ кусае,
А де-хто такъ пидъ хатою сыдыть...
Дытына жъ та по-пидъ тыномъ блукае:
    Чы то й хатыночки не мае?

5.

Въ писку на сонци дитвора гуляе
Въ биленькыхъ сорочкахъ... прыйшло воно...
Ниhto його и словомъ не займае,—
Мижъ нымы все соби однимъ-одно...
Чы мырь тому, мовъ травка, зеленіе,
    Кому, мовъ сонце, щастя гріе?

6.

Онъ, бия церквы, впять, бачу, дытына...
Перехрестылася, та й дальшь бреде,—
Тымъ шляхомъ дякъ та домовына,
Та пипъ съ кадыломъ инколы иде...

Прийшло та й сило собі на могылу;
А ихъ багацько зеленило!

7.

Въ вечирню дзвони вже людей склыкалы,
И ажъ по-за селомъ гуло: бовъ, бовъ!
Надъ гробовыщемъ ластивки литалы,
Витрець на його зъ поля йшовъ...
Воно къ земли, мовъ къ ридній, прылягало,
Зъ могылою мовъ розмовляло...

8.

Й радесенька дытына уставала,
Мовъ ридныхъ, батька й матинку, знайшла;
На сонечко вечирне поглядала,
Мовъ ридная тамъ хатонька була...
А слизоньки яснаськи, якъ скло,
Капъ, капъ зъ очыць... и въ церкву йшло.

РАДНЫКЪ.

Хто тебе, родыно, ридный зневажае,
Хай той на чужыни серця не мае,
Та щобъ до кого въ гóри прытулыться,
Та щобъ було зъ кымъ горемъ подылыться.

Хто свою виру, хто край свй покыне,
Хай той безъ роду на чужыни згыне,
Згасне його око, душа почорніе,
Замре його голось, серце зотліе;

Винъ одъ Бога доли не знатыме,
Только одъ Бога кары винъ ждатыме!
Де винъ стане, де винъ гляне—
Й чорный воронъ литать стане!

Фуря вые, завывае,
И сосновый бирь трищыть,
Въ хмарахъ блискавка палае,
Гримъ за громомъ грюкотыть;
То, якъ вугиль, ничь зчорніе,
То, якъ кровъ, зачервоніе.

Днипръ клыкоче, стогне, плаче,
Гриву сывую трясе;
Винъ реве й на каминь скаче,
Каминь рве, грызе, несе...
Гримъ що гримне, въ беригъ гряне,—
Съ пуши полумья прогляне.

Запалало и стемнило,
Застогнало въ небесахъ;
Дощъ лынувъ... Загомонило
На горахъ, поляхъ, въ лисахъ,
И зъ дощами та зъ громами
Днипръ реве мижъ берегами.

*Олександръ Степановичъ
Аванасьевъ.*

Аванасьевъ (псевд. Чужбинський) Олександръ Степановичъ, сынъ дидыча зъ Лубенського повіту, уродився 1817 р., скінчивъ Ниженьський Лицей, служивъ въ гусарахъ; почавъ писати 1838 р.

и, окрімъ поезій на мові українській, писавъ повисти и романы мовою російською; досить популярни його подорожни спогады—„Поїздка въ южную Россію“ (два томы). Умеръ въ Петербурзі 1875 р.

РЕБИНЦИ.

Скажи мени правду, мій добрый козаче,
Що діяты серцю, колы заболыть,
Якъ серце застогне и гирко заплаче,
И дуже безъ щастя воно защемыть?

Якъ горе, мовъ терень, всю душу поколе,
Колы одцуралось тебе вже усе,
И ты, якъ сухее перекоты-поле,
Не знаешь, куды тебе витерь несе?

Э, ни! кажешъ мовчки: скосывшы былыну,
Хочъ рано и вечеръ водою полый,—
Не зазеленіе;—кохай сыротыну,
А матери й батька не бачыты ій.

Оттакъ и у свити: хто рано почуе,
Якъ сердце заплаче, якъ сердце зитхне,
Той рано й заплаче... А доля шуткуе—
Помануть, помануть та й геть полыне.

А можна жъ утерпить, якъ яснее сонце
Блысне и засяе для мыру всего,
И гляне до тебе въ убоге виконце?..
Ослипнешъ, а дывышся все на його.

Рй у поли на раздолли
Шовкова травця,—
Середъ неи, край тополи,
Чыстая крыныця;

Тилько туды коныченька
Мени не водыты,
Изъ тїеи крыныченькы
Водыци не пыты.

Травка звьяне, травка зсохне
Коню вороному,—
Отрутою вода стане
Мени молодому.

На тїй шовковїй травци
Багато отруты:
А зъ тїеи крыныченькы
Пывъ мїй ворогъ лютый.

Гивоцька правда.

Сонце вставало; скризь на неби чысто;
Де-не-де хмарка гуляла по-воли;
Тыхо въ диброви, тилько ледве lystомъ
Щось розмовляла висока тополя.

„Слухай, козаче!“ говорыть дивчына:
„Якъ одно сонце у неба святого,
Такъ ты, мій любый, вирная дружно,
Одынъ у мене, и нема другого!“

Сонце сидало; скризь на неби чысто;
Мисяць з-за гаю выплывавъ по-воли;
Тыхо въ диброви, тилько ледве lystомъ
Щось розмовляла висока тополя.

А вже другòму казала дивчына:
„Якъ одынъ мисяць у неба святого,
Такъ ты, козаче, вирная дружно,
Одынъ у мене, и нема другого“...

* * *

(Уривокъ).

Мовъ сыняя стричка, Донецъ пидъ горою,
Кругъ його лисы та шыроки лугы;
Мовъ кылымъ шовковый, здаються весною
У кватахъ пахучыхъ його берегы;

А тамъ зеленіе гора за пискамы,
Черезъ гору стежечка геть простяглась,
Пишла по байракахъ, горами, степами,
И въ двирь ажъ до панськихъ будынкивъ якъ-разъ.

За ти будынки ховається сонце—
Далеко ихъ тинь полягла по луци;
И дивчына гарна стоить край виконця,
И перстень ажъ сяе на билій руци.

Д Е В Ч Е Н К О В И .

Д арно твоя кобза грае,
Любый мій земляче!
Вона голосно співає,
Голосно и плаче.

И сопилкою голосить,
Бурею лютує,
И чогось у Бога просить,
И чогось сумує.

Ни, не люде тебе вчылы—
Мабуть сама доля,
Степь, та небо, та могила,
Та шырока воля!

Мабуть часто думка жвава
Труны розкрывала,
И козацька давня слава,
Якъ сонечко, сяла;

И вставалы зъ домовыны
Закути въ кайданы
Вирни диты України—
Козаки й гетьманы;

И святы кисткы билилы
Спаленыхъ въ Варшави,
И могилы кровавылы
Прадида безглави.

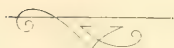
Мабуть ты учывсь спиваты
На руинахъ Сичи,
Де ще ридна наша маты
Заырае въ вичи,

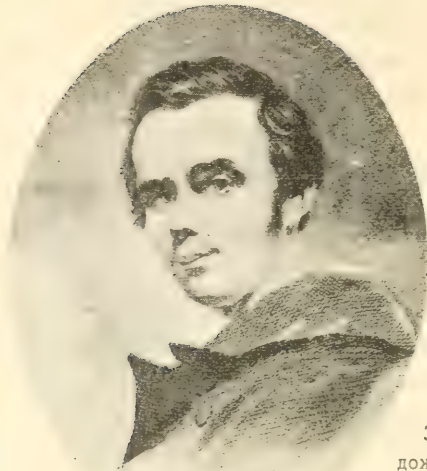
Де та бидна маты просыть
Кожну душу щыру,
Хто по свиту кобзу носыть,
Щобъ спивалы мыру

Про козацство незабутне,
Вирне, стародавне,
Про жыття козацьке смутне,—
Смутне, але славне.

Знаю-жь, братику ридненькый,
Якъ учывсь ты граты:
Ты послухавъ теи ненькы—
Та й ставъ намъ спиваты.

1841 р.

*Тарасъ Григоровычъ
Шевченко.*

Шевченко Тарасъ Григоровычъ, сынъ крипака, уродывся 25 лютого 1814 р. въ с. Морынцяхъ, Звенигородського повиту, художникъ Императорської Академіи Художествъ, найталановитійшый поэтъ украинскый; почавъ пысаты не пизнійшъ 1838 р.; напысавъ збирникъ поэзій „Кобзарь“, драму „Назаръ Стодоля“ та килька повистей мовою росыйською; умеръ въ Петербурзи 26 лютого 1861 р., похованый біля Канива, надъ Днипромъ.

*
*
*

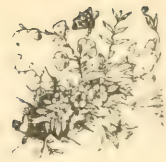
Якъ-бы вы знали, панычи,
Де люде плачуть жывучы,
То вы-бъ идилій не творылы,
Та марне Бога-бъ не хвалылы,
На наши слёзы сміючысь.
За що, не знаю, называть
Хатыну въ гаи тыхымъ раемъ?
Я въ хати мучывся колысь,

Мои тамъ слѣзы проплылись,—
Найперши слѣзы! Я не знаю,
Чы йесть у Бога люте зло,
Щобъ у тій хати не жыло?
А хату раемъ называють!
Не называю иі раемъ,
Тіи хатыночки у гаи,
Надъ чыстымъ ставомъ край села.
Мене тамъ маты повыла
И, повываючы, спивала,
Свою нудгу перелывала
Въ свою дытыну; въ тимъ гаю,
У тій хатыни—у раю,
Я бачывъ пекло... Тамъ неволя,
Робота тяжкая; никола
И помолытысь не дають;
Тамъ матиръ добрую мою,
Ще молодую, у могылу
Нужда та праця положиылы;
Тамъ батько, плачучы зъ дитьмы,
(А мы мали булы и голи)
Не вытерпивъ лыхои доли,—
Умеръ на панщыни!... а мы
Розлизылыся межи людмы,
Мовъ мышенята. Я до школы—
Носыты воду школярамъ,
Браты на панщыну ходылы,
Пока лобы имъ поголылы.
А сестры!... сестры! Горе вамъ,
Мои голубкы молодіи!
Для кого въ свити живете?
Вы въ наймахъ вырослы, чужіи,
У наймахъ косы побиліють,
У наймахъ, сестры, й умрете!
Мени ажъ страшно, якъ згадаю

Отту хатыну край села:
Такіи, Боже нашъ, дила
Мы твoryмо у нашимъ раи!
На праведній Твоїй земли
Мы въ раи пекло розвели,
А въ тебе другого благаемъ;
Зъ братамы тыхо живемо,
Ланы братамы оремо
И ихъ сльозамы поливаемъ...

*
* *

Мени тринадцатый мынавъ.
Я пасъ ягнята за селомъ.
Чы то такъ сонечко сіяло,
Чы такъ мени чого було—
Мени такъ любо, любо стало,
Неначе въ Бога . . . . .
Уже проклькалаы до паю,
А я соби у бурьяни
Молюся Богу; и не знаю,
Чого маленькому мени
Тоди такъ прыязно молылось,
Чого такъ весело було.
Господне небо и село,
Ягня, здаецься, веселылось,
И сонце грило—не пекло.

Та не довго сонце грило,
Не довго молылось:
Запекло, почервонило
И рай запалыло.
Мовъ прокынувся! Дывлюся:
Село почорнило,
Боже небо голубее—
И те помарнило.
Поглянувъ я на ягнята—
Не мои ягнята;

Обернувся я на хаты—
Нема въ мене хаты.
Не давъ мени Богъ ничего!
И хлынули слёзы,
Тяжки... А дивчына,
Пры самій дорози,
Недалеко коло мене,
Плоскинъ выбирала,
Та й почула, що я плачу;
Прийшла, прывитала,
Утырала мои слёзы
И поцилувала...
Неначе сонце засіяло,
Неначе все на свити стало
Мое—ланы, гай, сады...
И мы, жартуючы, погналы
Чужи ягнята до воды.

Брыдья!... а й доси, якъ згадаю,
То сердце плаче, та болыть.
Чому Господь не давъ дожить
Малого вику у тимъ раю!
Умеръ-бы, орючы на ныви,
Ничого-бъ на свити не знавъ,
Не бувъ-бы въ свити юродывымъ,
Людей-бы не проклявъ.

Р. КОЗАЧКОВСЬКОМУ,

Давно те діялось! Ще вь школи,
Таки вь учителя дяка,
Гарненько вкраду пятака
(Бо я було трохи не голе,
Таке убоге!), та й куплю
Паперу аркушъ, и зроблю
Маленьку книжечку; хрестамы
И везерункамы зъ квиткамы
Кругомъ листочки обведу,
Та й списую Сковороду,
Або „Тры царіе со дары“;
Та самъ соби у бурьяни,
Щобъ не почувъ хто, не побачывъ,—
Выспивую було та плачу...

И довелося зновъ мени
На старистъ зъ виршамы ховатысь,
Мережать книжечкы, спиваты
И плакаты у бурьяни,
И тяжко плакати!... и не знаю,
За що мене Господь карае...
У школи мучылось, росло,
У школи й сывить почало,
У школи дурня й поховають;
А все за того пятака,
Що вкравъ маленькымъ у дяка,
Мабуть, Господь мене карае...

Ось слухай же, мій голубе,
Мій орле-козаче,

Якъ канаю я въ неволи,
Якъ нужу я свитомъ!
Слухай, брате, та научай
Своихъ малыхъ дитокъ,
Научай ихъ, щобъ не вчылись
Змалку виршуваты;
Колы-жъ яке поквапаться,
То ныщечкомъ, брате,
Нехай соби у куточку
И виршуе, й плаче
Тыхесенько, щобъ Богъ не чувъ,
Щобъ и ты не бачывъ,
Щобъ не довелося, брате,
И йому каратысь,
Якъ я теперь у неволи
Караюся, брате...
Неначе злодій, по за валамы
Въ недилу крадуся я въ поле,
Таламы выйду по-надъ Ураломъ
На степь шырокий, мовъ на волю.

И болящее, побыте
Серце стрепенеться,
Мовъ рыбонька надъ водою;
Тыхо усмихнеться
И полыне голубкою
По-надъ чужымъ полемъ—
И я нибы оживаю
На поли, на воли...
И на гору высокую
Выхожу, дывлюся—
И згадаю Украину—
И згадать боюся...
И тамъ степы, и тутъ степы.
Та тутъ не такі—

Руди, руди, ажъ червони,
А тамъ голубій,
Зеленіи, мережани
Нывама, ланама,
Высокымы могыламы,
Темнымы лугама...

А тутъ бурьянъ, пискы, талы,
И хочъ-бы на смихъ де могыла
О давнимъ давни говорыла:
Неначе люде не жылы.
Одъ споконъ-вику и до ныни
Ховалась одъ людей пустыня,
А мы такы іи знайшлы...
Уже й твердыни поробылы,
Затого будутъ и могылы—
Всього наробымо колысь!...

О, моя доле! моя Краино!...
Чы я-то вырвусь зъ ціи пустыни?...
Чы може (крый Боже!)
Тутъ и загыну...
И почорніе червоне поле...

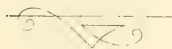
Айда въ казармы, айда въ неволю!
Неначе крыкне хто надо мною,—
И я прокынусь. По-за горою
Вертаюсь, крадуся по-надъ Ураломъ,
Неначе злодій той, по за валама.
Оттакъ я, друже мій, святкую
Оттутъ недиленьку святую!
А понедилокъ! Друже-брате!
Прыходыть ничъ въ смердячу хату,
Осядуть думы; розибъють
На сто кратъ серце и надію,

И те, що вымовить не вмюю—
И все на свити проженуть,
И спынять ничь: часы—литамы,
Викамы глухо потечуть...
И я кровавымы сльозамаы
Не разъ постелю омочу.
Переличу и дни, и лита,
Кого я, де, колы любовьъ,
Кому яке добро зробывъ?
Никого въ свити, никому въ свити!
Неначе по лису ходывъ.
А малась воля, малась сыла!
Та сылу позычкы зносылы,
А воля въ гостяхъ упылась,
Въ степу, небога, заблудыла
Та й упываться зареклась.
Не поможе, мылый Боже!
Якъ то кажутъ люде:
„Буде каяття на свити—
Вороття не буде“...

Благаю Бога, щобъ свитало;
Мовъ воли, сонця, свиту жду...
Цвиркунъ замоквне, зорю бьютъ—
Благаю Бога, щобъ смеркало!
Бо на позорыще ведутъ
Старого дурня муштруваты,
Щобъ знавъ, якъ волю шануваты,
Щобъ знавъ, що дурня всюды бьютъ...

Мынають лита молодіи,
Мынула доля, а надія
Въ неволи знову за свое,
Зо мною знову лихо діе
И серцю жалю завдае:

А, може, ще добро побачу,
А, може, лихо переплачу,
Воды Днипровои напьюсь,
На тебе, друже, подивлюсь?
И, може, въ тыхій твой хати
Я буду знову розмовляты
Зъ тобою, друже мій... Боюсь!...
Боюся самъ себе спытаты,
Чы се колы сподіється?
Чы може вже зъ неба
Подивлюсь на Украину,
Подивлюсь на тебе...
А иноди такъ буває,
Що й сльозы не стане—
И благовъ-бы я о смерти—
Такъ тая Украина
И Днипро крутоберегий,
И ты, друже-брате,
Не даете мени Бога
О смерти благаты!

* * *

Готово! Парусъ распустылы;
Посунулы по сынй хвыли,
По-мижъ кугою, въ Сыръ-Дарью,
Байдару та баркасъ чымалый.
Прощай, убогий Кось-Арале!
Нудьгу заклятую мою
Ты розважавъ такы два лита.
Спасыби, друже! Похвалысь,
Що люде и тебе знайшлы,
И знали, що зъ тебе зробыть...
Прощай же, друже! Ни хвалы,
А ни ганьбы я не сплитаю
Твой пустыни; въ иншимъ краю,
Не знаю, може й нагадаю
Нудьгу колышнюю колысь...

И небо невмыте, и заспани хвыли.
И по-надъ берегомъ геть-геть,
Неначе пьяный, очереть
Безъ витру гнеться. Боже мылый!
Чы довго буде ще мени
Въ осій незамкнутой тюрми,
По-надъ осимъ никчемнымъ моремъ,
Нудыты свитомъ?... Не говорять—

Мовчыть и гнеться, мовъ жыва,
Въ степу пожовкляя трава;
Не хоче правдонькы сказать,
А бильше ни въ кого спытать...

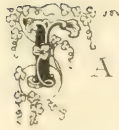

И АРКУ ВОВЧКУ.

(На память 24 Января 1859 року).

И недавно я по-за Ураломъ
Блукавъ и Господа благавъ,
Щобъ наша правда не пропала,
Щобъ наше слово не вмирало—
И выблагавъ! Господь пославъ
Тебе намъ, кроткого пророка
И облычителя жестокихъ,
Людей несытыхъ. Свите мій,
Моя ты зоренько святая!
Моя ты сыло молодая!
Свиты на мене, и огрій,
И оживы мое побыте,
Убоге сердце, неукрыте,
Голоднее!—И оживу,
И думу вольную на волю
Изъ домовыны воззову!
И думу вольную... О, доле!
Пророче нашъ! Моя ты доне!
Твоею думу назову.

А М А Л І Я.

Рй нема, нема ни витру, ни хвыли
Изъ нашої України!
Чы тамъ раду радять, якъ на турка статы,—
Не чуюмо на чужыни!“

„Ой повій, повій, витре, черезъ море
Та зъ Велького Лугу,
Сушы нашы сльозы, заглушы кайданы,
Розвій нашу тугу!“

„Ой заграй, заграй, сынесеньке море,
Та пидъ тымы байдакамы,
Що плывуть козаки, тилько мріють шапки,
Та на сей бикъ за намы!“

„Ой, Боже нашъ, Боже! хочъ и не за намы,
Неси Ты ихъ зъ України:
Почуюмо славу, козацькую славу,
Почуюмо, та й загынемъ!“

Оттакъ у Скутари козаки спивалы;
Спивалы сердегы, а сльозы лылысь,—
Лылыся козацьки, тугу домовлялы.
Босфоръ ажъ затрясся, бо зъ-роду не чувъ
Козацького плачу; застогнавъ шырокий
И шкурою, сирый бугай, стрепенувъ,
И хвылю, ревучы, далеко-далеко
У сынее море на ребрахъ пославъ.
И море ревнуло, Босфорову мову
У Лыманъ погнало, а Лыманъ Днипрови
Тую журбу-мову на хвыли подавъ.

Зареготався дидь нашъ дужый,
Ажъ пина зъ уса потекла.
„Чы спышъ, чы чуешъ, брате Луже?
Хортыце сестро?“

Загула

Хортыця зъ Лугомъ: „Чую, чую!“
И Днипръ укрылы байдакы,
И заспывалы козаки:

„У туркени, по тимъ боци,
Хата на помости.

Гай, гай! море, грай!

Ревы, скели ламай!

Пойидемо въ гости“.

„У туркени у кышени
Таляры, дукаты.

Не кышени трусытъ,

Йидемъ ризать, палыть,

Бративъ вызволяты!“

„У туркени янычары
И баша на лави.

Гой-гы, ворогы!

Мы не маемъ вагы!

Наша воля й слава!“

Плывуть соби спиваючы.

Море витерь чуе.

Попереду Гамалія

Байдакомъ керуе.

— Гамаліе, сердце мліе:

Сказылося море!

Не злякае!—и сховалысь

За хвыли—за горы.

Дримае въ хареми—въ раю Византія,
И Скутарь дримае; Босфоръ клыкотыть,

Неначе скаженный; то стогне, то вые:
Йому Византію хочеться збудуть.
„Не буды, Босфоре: буде тобі горе!
Твои били ребра пискомъ занесу,
У муль поховаю (реве сыне море),—
Хиба ты не знаешь, якыхъ я несу
Гостей до султана?“

Такъ море спыняло
(Любыло завзятыхъ чубатыхъ славянъ).
Босфоръ схаменулся. Туркенья дримала,
Дримавъ у хареми ледачый султанъ.
Тилько у Скутари, въ склепу, не дримаютъ
Козаки сердегы. Чого вони ждуть?
По-своему Бога въ кайданахъ благають,
А хвыли на той бикъ идуть та ревуть.

„О, мылый Боже Украины!
Не дай пропасты на чужыни,
Въ неволи вольнымъ козакамъ!
И соромъ тутъ, и соромъ тамъ—
Вставать зъ чужой домовыны,
На судъ Твій праведный прыйты,
Въ зализахъ руки прынести,
И передъ всимы у кайданахъ
Стать козакови“...

„Рижъ и бый!
Мордуй невиру бусурмана!“
Крычать за муромъ.—„Хто такый?...“
Гамалію, сердце мліе:
Скутарь скаженіе!

„Рижте, быйте!“ на фортеци
Крычать Гамалія.

Реве гарматамы Скутара,
Ревуть, лютують ворогы;

Козацтво преться безъ вагы—
И покотылысь янычары.
Гамалія по Скутари—
По пеклу гуляе,
Самъ хурдыгу розбивае,
Кайданы ламае.

„Вылитайте, сири птахы,
На базаръ до паю!“
Стрепенулысь соколята,
Бо давно не чулы
Хрещенои ти мовы.

И ничъ стрепенулась:
Не бачыла, стара маты,
Козацькой платы.
Не лякайся, подывыся
На бенькетъ козачый.
Темно всюды, якъ у-будень,
А свято чымале.
Не злодіи зъ Гамаліемъ
Иидять мовчкы сало
Безъ шашлыка. „Засвितымо!“
До самои хмары
Зъ щоглыстымы кораблямы
Палае Скутара.
Вызантія пробуркалась,
Вытрищае очи,
Переплыва на помогу,
Зубамы скрегоче.

Реве, лютуе Вязантія,
Рукамы беригъ достае;
Достала, зыкнула, встае—
И на ножахъ въ крови ниміе.
Скутарь, мовъ пекло те, палае;
Черезъ базары кровъ тече,

Босфоръ широкий доливае.
Неначе птахи чорни въ гаи,
Козацство смилыво литае.
Нихто на свити не втече!
Огонь запеклыхъ не пече.
Руйнують муры, срибло-злото
Несуть шапкамы козаки
И насыпають байдаки.
Горыть Скутарь, стыха робота,
И хлопци сходятся; зійшысь,
Люльки зъ пожару закурылы,
На байдаки,—та й потяглы,
Рвучы червони горы-хвыли.
Плывуть соби, нибы зъ дому,
Такъ буцимъ гуляють,
Та, звычайне Запорозци,
Плывучы спивають:

„Нашъ отаманъ Гамалія,
Отаманъ завзятый,
Забравъ хлопцивъ та й пойихавъ
По морю гуляты,—
По морю гуляты,
Славы добуваты,
Изъ турецької неволи
Бративъ вызволяты.
Ой прыйихавъ Гамалія
Ажъ у ту Скутару,—
Сыдятъ браты Запорозци,
Дожыдають кары.
Ой якъ крыкнувъ Гамалія:
„Браты, будемъ жыты,—
Будемъ жыты, выно пыты,
Янычара быты,
А курени кылымамы,

Оксамытомъ крыты!“
Вылиталы Запорозци
На лань жыто жаты;
Жыто жалы, въ копы клалы,
Гуртомъ заспивалы:
„Слава тоби, Гамаліе,
На весь свить великый,—
На весь свить великый,
На всю Украину,
Що не давъ ты товарыству
Згнуть на чужыни!“

Плывуть спиваючы; плыве
Позадъ завзятый Гамалія:
Орель орлятъ мовъ стереже.
Изъ Дарданеливъ витерь віе,
А не женеться Византія:
Вона боиться, щобъ чернець
Не засвитывъ Галату знову,
Або гетьманъ Иванъ Пидкова
Не клыкнувъ въ море на ралець.
Плывуть соби, а изъ-за хвыли
Сонце хвылю червонить;
Передъ нымы море мыле
Гомонить и клыкотыть.

Гамаліе, витерь віе...
Ось-ось наше море!...
И сховалыся за хвыли—
За рожеви горы.

ЕРНЕЦЬ.

(И. А. Кулиш).

У Кйиви, на Подоли,
Було колысь, и николы
Не вернетсья, що діялось,
Не вернетсья сподиване...
Не вернетсья... А я, брате,
Тагы буду сподиватсья,
Тагы буду выгядаты,
Серцю жалю завдаваты.

У Кйиви, на Подоли,
Братерськая наша воля,
Безъ холопа и безъ пана,
Сама соби у жупани,
Розвернулась весела:
Оксамытомъ шляхы стеле,
И едвабомъ застылае,
И никому не звертае.

У Кйиви, на Подоли,
Козаки гуляють:
Якъ ту воду, видромъ-цебромъ
Выно розлывають;
Льохы, шынкы зъ шынкаркамы,
Зъ вынамы, медамы
Закупылы Запорожци
Та й тнуть корякамы!
А музыка реве, грае,
Людей звеселяе,
А изъ Братства те бурсацтво
Мовчкы выгядае:

Нема голій школи воли.
А то-бъ догодила!...
Кого жъ то тамъ зъ музыкамы
Люде обступылы?

Въ червоныхъ штаняхъ оксамытныхъ
Матнею улыцю мете—
Иде козакъ... Охъ, лита, лита!
Що вы творыте? На то те жъ
Старый ударывъ въ закаблуку,
Ажъ встала курява. Оттакъ!
Та ще й приспивуе козакъ:

„По дорози ракъ, ракъ,
Нехай буде такъ, такъ!
Якъ бы такы молодыци
Посіяты макъ, макъ!
Дамъ лыха закаблукамъ,
Закаблукамъ лыха дамъ,
Достанеться й передамъ!
А вже жъ тїи закаблуку
Набралыся лыха, муку...
Дамъ лыха закаблукамъ,
Дамъ лыха закабламъ,
Достанеться й передамъ!“

Ажъ до Межыгорського Спаса
Протанцювавъ сывий,
А зъ нымъ и товариство,
И весь святой Кыйвъ.
Дотанцювавъ ажъ до брамы,
Крыкнувъ: „пугу, пугу!...
Прывитайте, святы ченци,
Товарыша зъ Лугу!“

Свята брама одчынылась—
Козака впустилы;

И зновъ брама зачынылась,
На вѣкъ зачынылась
Козакови.

Хто жъ се сывый
Попрощався зъ свитомъ?
Семень Палій—запорожець,
Лыхомъ недобытый.

Ой високо сонце сходыть,
Низенько заходыть:
Въ довгій ряси по келію
Старый чернець ходыть.
Иде чернець у Вышгородъ
На Кывъ дывытысь,
Та посидить на прыгори,
Та хочъ пожурытысь;
Иде чернець дзвонковую *)
У яръ воду пыты,
Та згадуе, якъ-то тяжко
Було въ свити жыты;
Иде чернець у келію
Мижъ стины ниміи,
Та згадуе лита свои—
Лита молодіи;
Бере пысьмо святе въ руки,
Голосно чытае,
А думкою старый чернець
Далеко литае...
И тыхнуть Божіи слова...
И въ келіи, неначе въ Сичи,
Братерство славне ожива,
А сывый гетьманъ, мовъ сова,
Ченцеви зазырае въ вичи!

---

*) Дзвонковою крыныця прозывается недалеко одъ монастыря.

Музыки... танци... и Бердычивъ...
Кайданы брязкають... Москва...
Боры, снигы и... Енысей...
И покотылысь изъ очей
На рясу слезы...
„Бый поклоны
И плоть старечу усмырай,
Святе пысаніе чытай!
Чытай, чытай, та слухай дзвона,—
А сердцеви не потурай:
Воно тебе въ Сибирь водыло,
Воно тебе весь викъ дурыло,
Прыспы жъ його, и занехай
Свою Борзну и Хвастовщину:
Загыне все, ты самъ загынешъ,
И не згадають—щобъ ты знавъ“...

И старецъ тяжко зарыдавъ,
Чытать пысаніе покынувъ,
Ходывъ по келіи, ходывъ,
А потимъ сивъ и зажурывся:
„Для чого жъ я на свить родывся,
Свою Украину любывъ?“

До утрени завывъ зъ дзвиници
Велькый дзвинъ; чернецъ мій вставъ,
Надивъ клобукъ, взявъ патырыцю,
Перехрестывся, чоткы взявъ...
И за Украину молытысь
Палій-чернецъ пошкандыбавъ.

1848. Орська крипость.

ЧЫГРЫНЪ.

Чыгрыне, Чыгрыне!
Все на свити гине.

И святая твоя слава,
Якъ пылына, лыне
Зъ витрамы холоднымы,
Въ хмари пропадае.
Надъ землею летять лита,
Днипро высыхае,
Розсыпаються могылы,
Высоки могылы—
Твоя слава; и про тебе,
Старче малосылый,
Нихто й слова не промовыть,
Нихто й не покаже,
Де ты стоявъ, чого стоявъ....
И на смихъ не скаже.

За що-жъ боролысь мы зъ ляхамы!
За що-жъ мы ризалысь зъ панамы!
За що скородылы спысамы
Татарськи ребра!... Засивалы,
И рудою польвалы,
И шаблямы скородылы.
Що-жъ на ныви уродыло?
Уродыла рута, рута—
Воли нашої отрута.

А я, юродывый, на твоихъ руинахъ
Марно слъозы трачу. Заснула Украина,
Бурьяномъ укрылась, цвиллю зацвила,
Въ калюжи, въ болоти, серце прогноила

И въ дупло холодне гадюкъ напустила,
А дитямъ надію въ степу оддала.

А надію

Витерь по полю розвіявъ,
Хвыля моремъ рознесла.

Нехай же витерь все розносить
На неокраенимъ крыли,
Нехай же сердце плаче, просить
Святои правды на земли.

Чыгрыне, Чыгрыне,

Мій друже едѣный!

Проспавъ есы степы, лисы
И всю Украину!

Спы-жь, повиытый жыдовою,
Покы сонце встане!

.....
.....
Помолывшысь, и я-бъ заснувъ....

Такъ думы прокляти
Рвуться душу запалыты,
Серце розирваты.

Не рвить, думы, не палите!
Може, верну знову
Мою правду безталанну,
Мое тыхе слово.

Може, выкую я зъ його
До старого плуга
Новый лемишь и чересло,
И въ тяжки упругы,
Може, зъорю перелигъ той,
А на перелози
Я посию мои сльозы,
Мои щыри сльозы;
Може, зійдуть и виростуть

Ножи обоудни;
Роспанахають погане,
Гныле сердце, трудне;
И выцидять сукровату,
И наллють живою
Козацькой тиі крови,
Чыстою, святою.

Може, може... а мижъ тымы,
Мижъ ножами рута
И барвинокъ розивьється;
И слово забуте,
Мое слово тыхе, сумне,
Богобоязлыве
Згадається,—и дивоче
Серце боязлыве
Стрепенеться, якъ рыбонька,
И мене згадае...
Слово мое, слъзы мои,
Раю ты мій, раю!

. . . . .
. . . . .
. . . . .
. . . . .

Москва, 19 февраля 1844 р.

Я Х А М Ъ.

(Бр. Залеському).

Ще якъ були мы козаками,
А унії не чуть було,
Оттамъ-то весело жылось:
Браталысь зъ вольными ляхамы,
Пышались вольными степами;
Въ садахъ кохалыся, цвилы,
Неначе лыліи, дивчата;
Пышалася сынамы маты,
Сынамы вольными. Рослы,
Рослы сыны и веселылы
Старіи скорбніи лита,—
Ажъ поky именемъ Хрыста
Прыйшлы ксьондзы и запалылы
Нашъ тыхый рай, и розлылы
Шыроке море слизь и крови;
А сырить именемъ Хрыстовымъ
Замордувалы, роспялы.
Поныклы головы козачи,
Неначе стоптана трава;
Украйна плаче, стогне-плаче;
За головою голова
До-долу пада. Катъ лютуе,

А ксьондзъ скаженимъ языкомъ
Крычить: „Te Deum! Allelujah!“
Оттакъ-то, ляше, друже, брате!
Несыти ксьондзы, магнаты
Насъ поризнылы, розвелы,
А мы-бъ и доси такъ жылы!
Подай же руку козакови,
И сердце чыстее подай,
И знову именемъ Хрыстовымъ
Возобновимъ нашъ тыхий рай!

О Н Ъ.

Иду я тихою ходою,
Дивлюсь—ажъ онъ передо мною,
Неначе дыва, вырываютъ:
Обрывъ высокий, гай, байракъ;
Хатки биленьки выглядятъ,
Мовъ диты въ билыхъ сорочкахъ
У пижмурки въ яру гуляютъ;
А доли сывый нашъ козакъ—
Днипро зъ лугамы wygravae;
А онъ-де, онъ-де, за Днипромъ,
На прыгори, нибы каплычка,
Козацька церква невелычка
Стоить зъ похыленнымъ хрестомъ.
Давно стоять: выглядаетъ
Запорожця зъ Лугу,
Зъ Днипромъ своимъ розмовляе,
Розважае тугу.
Оболонкамы старымы,
Мовъ мертвецъ, очыма
Зеленымы pozyрае
На свить зъ домовыны.
Може, чаешъ оновлення?
Не жды ти славы:
Твои люде окрадени,
А панамъ лукавымъ
На що здалась козацькая
Велькая слава?..
И Трахтемыривъ геть горою
Нечепурни свои хатки
Роскыдавъ зъ долею лыхою,
Мовъ пьяный старецъ торбынки.

А онъ—старе Манастырыще,
Колысь козацькее село.

Чы те воно тоди було?

Та все пишло . . . на грыще:

И Запорожже, и село,

И манастыръ святой, скарбныця—

Все, все несѣти рознесли,

А вы, вы, горы, оддали...

Бодай никола не дывыться

На васъ, проклятіи... Ни, ни!

Не вы прокляти, а гетьманы,

Усобныкы ляхы погани...

Простить, высокій, мени,

Высокій и голубіи,

Найкраци въ свити, найсвятіи!

Простить!.. Я Богу помолюсь...

Я такъ ии, я такъ люблю,

Мою Украину убогу...

За неи душу погублю!

Надъ Трахтемыровымъ високо

На кручи, нибы сырота

Прийшла топытыся въ глыбокимъ

Въ Днипри широкому,—оттакъ

Стоить однимъ-одна хатына.

Зъ хатыны выдно Украину

И всю Гетьманщину кругомъ.

Пидъ хатю дидусь сывенькый

Сыдыть; и сонечко низенько

Уже спустьлось надъ Днипромъ.

Сыдыть, и дывыться, и дума,

А слъозы капають... „Гай-гай!“

Старый промовывъ: „недоумы!“

Занапастылы Божый рай!

* * *

Село! и сердце одпочыне.
Село на нашій України—
Неначе писанка. Село
Зеленымъ гаемъ поросло;
Цвितуть сады; биліють хаты,
А на гори стоять палаты,

Неначе дыво; а кругомъ
Шыроколыстіи тополи,
А тамъ и лисъ, и лисъ, и поле,
И сыни горы за Днипромъ...
Самъ Богъ витае надъ селомъ!

Село! село! Весели хаты!
Весели здалека палаты—
Бодай вы терномъ порослы,
Щобъ люде й слиду не найшлы,
Щобъ и не знали, де й шукаты!

Въ тому господньому сели,
На нашій славній України,
Не знаю, де вони взялысь,
Прыблуда князь, була й княгыня.
Ще молоди соби булы,
Жылы сами; булы багати:
Высоки на гори палаты,

Чымалый у яру ставокъ,
Зеленый на гори садокъ,
И вербы, и тополи,
И витрякы на поли,
И доломъ геть-соби село
По-надъ водою простяглось.

Колысь тамъ весело було:
Бувало литомъ и зимою
Музыка тне; выно рикою
Гостей несытыхъ налива;
А князь ажъ сынїй похожае,
Та самъ несмылымъ наливае,
Та ще й покрыкуе: „вивать!“
Гуляе князь, гуляють гости—
И покотылысь на помости...
А завтра знову ожива,
И знову пье, и зновъ гуляе...
И такъ за днямы день мынае...
Мужыцьки души ажъ пыщать;
Судовыкы благають Бога...
Пьяныци, знай соби, крычать:
—„И патріотъ! и братъ убогихъ!
Нашъ славный князь! вивать! вивать!“
А патріотъ, убогихъ братъ,
Дочку й тельчку однамае
У мужыка....

О Н Ъ.

(М. А. Марковичи).

На панщыни пшеницю жала;
Втомылася; не спочывать
Пишла въ снопы,—пошкандыбала
Ивана сына годувать!
Воно сповытее крычало
У холодочку за снопомъ;
Росповыла, наговувала,
Попестыла,—и нибы сномъ,
Надъ сыномъ сыдя, задримала.
И сныться їй: той сынъ Иванъ—
И уродливый, и багатый,
Не одынокый, а жонатый
На вольнїй, бачыться, бо й самъ
Уже не панськый, а на воли,
Та на своимъ веселимъ поли
У-двохъ соби пшеницю жнуть,
А диточки обидъ несутъ...
Та й усмихнулася небога...
Прокынулася—нема ничего!
На йвана глянула; взяла
Його, гарненько сповыла,
Та, щобъ дожать до ланового,
Ще копу дожынатъ пишла...
Остатню, може; Богъ поможе,
Той сонъ твій справдыться...

13 Іюля 1858.

ПРАВДЫНА ЗЪ „ПОСЛАНИЯ“.

Схаменитесь! будьте люде,
Бо лихо вамъ буде:
Розкуються незабаромъ
Заковани люде,
Настане судъ, заговорять
И Днипро, и горы,
И потече сто рикамы
Кровъ у сыне море
Дитей вашихъ: и не буде
Кому помагаты,—
Одцурається братъ брата
И дытыны маты;
И дымъ хмарою заступить
Сонце передъ вами,
И на-вики прокльнетесь
Своими сынамы.
Умойтєся, образъ Божый
Багномъ не скверните;
Не дурите дитей вашихъ,
Що вони на свити
На те тилько, щобъ панувать:
Бо невчене око
Загляне имъ въ саму душу
Глыбоко, глыбоко...
Дознаються небожата,
Чїя на васъ шкура,
Та й засудять, и премудрыхъ
Немудри одурять.

Якъ-бы вы вчылысь такъ, якъ треба,
То й мудристь-бы була своя;
А то зализете на небо:
„И мы—не мы, и я—не я.
И все те бачывъ, все те знаю:
Нема ни пекла, а ни раю,
Немае й Бога, тилько я,
Та куцый немецъ узлуватый,
Та й бильшъ никого...“

Учитесь, браты мои,
Учитесь, читайте,
И чужому научайтесь
Й свого не цурайтесь:
Бо хто матирь забувае,
Того Богъ карае,
Чужи люде цураються,
Въ хату не пускають,
Свои диты—мовъ чужии,
И немае злomu
На всій земли безконешній
Веселого дому.

Я рыдаю, якъ згадаю
Дила незабутни
Дидивъ нашихъ: тяжки дила!
Якъ-бы ихъ забуты,
Я оддавъ-бы веселого
Вику половыну!
Оттака-то наша слава.
Слава Украины!...
Оттакъ и вы прочытайте,
Щобъ несоннымъ снылысь
Вси неправды, щобъ раскрылысь
Высоки могылы
Передъ вашымы очыма,

Щобъ вы роспыталы
Мученыкивъ: кого, колы
Й за що роспыналы?
.....

Обнимите жъ, братья мои,
Найменьшого брата,—
Нехай маты усмихнется,
Заплакана маты;
Благословить дитей своихъ
Твердымы рукамы
И обмытыхъ поцилуйте
Вольнымы устамы!
И забудеться срамотня
Давняя годына,
И оживе добра слава,
Слава Украины,
И свить ясный не вечерній
Тыхенько засяе...

Обнимиться-жъ, братья мои,
Молю васъ, благаю!

1845 р. 14 Декабря.

Вьюныше, Полтав. губ., Переяславськ. п., недалеко видъ Канева.

* * *

Не нарикаю я на Бога,
Не нарикаю ни на кого;
Я самъ себе, дурный, дурю,
Та ще й співаючы... Орю
Свій перелигъ—убогу ныву,
Та сію слово: добри жныва
Колысь-то будуть!... И дурю
Себе такы, себе самого,
А бильше, бачыться, никого.

Орыся жъ ты, моя ныво,
Доломъ та горою,
Та засійся, чорна ныво,
Волею ясною!
Орыся жъ ты, розверныся,
Полямъ розстелыся,
Та посійся добрымъ жытомъ,
Долею полыйся!
Розверныся-жъ на вси боки,
Ныво-десятыно!
Та посійся не словами,
А розумомъ, ныво!
Выйдуть люде жыто жаты...
Веселіи жныва!..
Розверныся-жъ, розстелыся-жъ,
Убогая ныво!

Чы не дурю себе я знову
Своимъ хымернымъ добрымъ словомъ?...
Дурю! Бо лучче одурыть
Себе такы, себе самого,
Нижъ зъ ворогомъ по правди жыть
И всуе нарикати на Бога!

5 Октября 1860. Петербургъ.

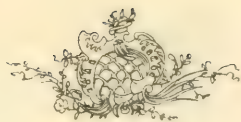
МАТЫ ПОКРЫТКА.

У нашимъ раи, на земли,
Ничого кращого немае,
Якъ тая маты молодая
Зъ своимъ дытяточкомъ малымъ.
Бувае, иноди дывлюся,
Дывуюсь дывомъ—и печаль
Охватить душу, стане жаль
Мени ии... и зажурюся,
И передъ нею помолюся,
Мовъ передъ образомъ святымъ
Тіеи матери святои,
Що въ мыръ нашъ Бога прынесла.

Теперь ій любо; любо жыты!
Вона середъ-ночи встае,
И стереже добро свое,
И дожыдае того свиту,
Щобъ зновъ на його подывытысь,—
Наговорытысь... „Се мое,
Мое...“—и дывытыся на його,
И молытыся за його Богу,

И йде на улыцю гулять
Гордише самой цырыци,
Щобъ людямъ, бачте, показать
Свое добро... „А подывиться—
Мое найкраще надъ всима“!
И ненарокомъ иншый гляне,—
Весела, рада,—Боже мій!
Несе до дому свого Йвана,
И йй здається—все село
Весь день дывылося на його,
Що тилько й дыва тамъ було,
А бильше не було ничего...
Щаслывая!...

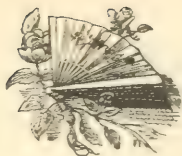

* * *

И доси сныться: пидь горою,
Мижь вербамы, та надь водою,
Биленька хаточка; сыдыть,
Неначе й доси, сывый дидь
Коло хатыночки, и бавыть
Хорошее та кучеряве
Свое маленькое внуча.
И доси сныться: вышла зь хаты
Веселая сміючысь маты,
Цилуе дида и дытя—
Ажъ трычи весело цилуе,
Прыйма на руки и годуе,
И спать несе; а дидь сыдыть
И усмихається,—и стыха
Промовыть нышкомъ: „де-жъ те лыхо?
Печали тиі; ворогы?...“
И ныщечкомъ старый чытае
Перехрестывшысь „Отче-нашъ“.
Кризь вербы сонечко сіае
И тыхо гасне... День погасъ,—
И все почыло... Сывый вь хату
И самъ пишовъ опочываты.

В Е Ч И Р Ъ.

(Аф. Ал. Лазаревскій).

Садокъ вышневый коло хаты;
Хрущи надъ вышнями гудуть;
Плугатари зъ плугамы йдутъ;
Спивають идучы дивчата,
А матери вечераць ждуть.

Семья вечераць коло хаты;
Вечирня зиронька встае;
Дочка вечераць подае;
А маты хоче научаты,—
Такъ соловейко не дае.

Поклала маты коло хаты
Маленькыхъ диточокъ своихъ,
Сама заснула коло ихъ;
Затыхло все... тилько дивчата
Та соловейко не затыхъ.

* * *

За сонцем хмаронька плыве,
Червони полы розстылае,
И сонце спатонькы зове
У сыне море; покрывае
Рожевою пеленою,
Мовъ маты дытыну...
Очамъ любо... годиночку,
Малую годину
Нибы серце одпочине,
Зъ Богомъ заговорить...
А туманъ—неначе воровъ—
Закривае море
И хмароньку рожевую;
И тьму за собою
Розстылае туманъ сывый,
И тьмою нимою
Оповые тоби душу,
Й не знаешъ, де дитысь.
И ждешъ його, того свиту,
Мовъ матери диты...

Мынають дни, мынають ночи;
 Мынае лито; шелестыть
 Пожовкле лыстя... гаснуть очи;
 Заснулы думы, сердце спыть;
 И все заснуло,—и не знаю,
 Чы я живу, чы дожываю,
 Чы такъ по свиту волочусь,
 Бо вже й не плачу, й не сміюсь...

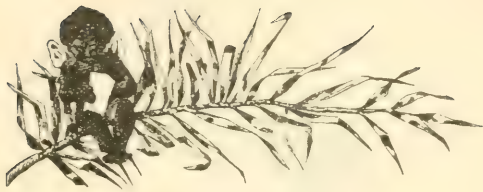
Доле, де ты? доле, де ты?
 Нема ніякои!
 Колы доброй жаль, Боже,
 То дай злои, злои!

Не дай спаты ходячому,
 Серцемъ замираты,
 И гнылою колодою
 По свиту валятысь;
 А дай жыты—серцемъ жыты
 И тебе хвалыты,
 И Твій свить нерукотворный
 И людей любыты...

Страшно впасть у кайданы,
 Умирать въ неволи;
 А ще гирше—спаты, спаты,
 И спаты на воли,
 И заснуты на вискъ-вики,
 И слиду не кынуть
 Ніякого!... однаково—
 Чы живъ, чы загынувъ.

Доле, де ты? доле, де ты?
 Нема ніякои!
 Колы доброй жаль, Боже,
 То дай злои, злои!...

* * *

И день иде, и ничъ иде...
И, голову схопывши въ руки,
Дывуешся—чому не йде
Апостоль правды и науки?!

5 Ноября 1860 р. Петербургъ.

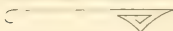

О Л Я.

Ты не лукавила зо мною,
Ты другомъ, братомъ и сестрою
Сиромѣ стала. Ты взяла
Мене, маленького, за руку
И въ школу, хлопця, одвела
До пьяного дѣка въ науку:
„Учыся, серденько! колысь
Зъ насъ будуть люде,“ ты сказала.
А я й послухавъ, и учывсь,
И вывчывсь. А ты збрехала:
Яки зъ насъ люде?... Та дарма!
Мы не лукавылы зъ тобою,
Мы просто йшли; у насъ нема
Зерна неправды за собою...

Ходимо жъ, доленько моя,
Мій друже вбогый, нелукавый!
Ходимо дальше,—дальше слава,
А слава—заповидь моя.

1858. Петербургъ.

УЗ А.

А ты, пречыстая, святая,
Ты, сестро Феба молодая!

Мене ты въ пелену взяла
И геть у поле однесла;
И на могыли середь поля,
Якъ тую волку на роздолли,
Туманомъ сывымъ сповыла,
И колыхала, й сповывала,
И чары діяла... И я...

О, чаривныченько моя!

Мени ты всюды помагала,

Мене ты всюды доглядала.

Въ степу, безлюдному степу,

Въ далекій неволи

Ты сіяла, пышалася,

Якъ квиточка въ поли!

Изъ казармы нечыстои

Чыстою, святою

Пташечкою вылетила

И по-надо мною

Полынула, заспывала,

Ты, золотокрыла,

Мовъ живущою водою

Душу окропыла.

И я живу, и надо мною

Зь своею Божою красою

Горышъ ты, зоренько моя,

Моя порадонько святая!

Моя ты доле молодая!

Не покидай мене. Въ-ночи,
И въ день, и въ-вечери, и рано
Витай зо мною и учи,
Учы неложными устами
Сказаты правду. Поможи
Молытву діяти до краю,
А якъ умру, моя святая,
Моя ты мамо! Положи
Свого ты сына въ домовыну,
И хочъ едыную слёзыну
Въ очахъ безсмертныхъ покажи.

Л А В А.

А ты, задрипанко, шынкарко,
Перекупко пьяна!
Де ты въ ката забарылась
Зъ своими лучамы?
У Версали надъ злодіемъ
Наборъ распустыла,
Чы зъ кымъ иншымъ мизкаешся
Зъ нудьгы та зъ похмилля?
Горнысь лышень ты до мене,
Та вытнемо зъ лыха;
Гарнесенько обіймемось,
Та любо, та тыхо
Пожартуемъ, чмокнемося,
Та й поберемося,
Моя крале мальована,
Бо я такы й доси
За тобою чымчыкую.
Ты хоча й пышалась
И зъ пьянымы кесарямы
По шынкахъ хылялась...

Та мени про те байдуже!
Мени, моя доле,
Дай на себе подывытысь,
Дай и прыгорнутысь
Пидъ крыломъ твоимъ любенько,
Въ холодку заснуты.

* * *

Мынули лета молодіи...
Холоднымъ витромъ одъ надіи
Уже повіяло... Зима!...
Сыды одынъ въ холодній хати...
Нема зъ кымъ тыхо розмовляты,
А ни порадытысь... Нема!
А никогисинько нема!
Сыды жъ одынъ, поky надія
Одурыть дурня, осміе...
Морозомъ очи окуе,
А думы гордіи розвіе,
Якъ ту снижыну по степу...
Сыды жъ одынъ-соби въ кутку,
Не жды весны—святои доли!
Вона не зійде вже николы
Садочокъ твій позеленыть.
Твою надію оповыть
И думу вольную на волю
Не прыйде выпустыть... Сыды—
И ничогисинько не жды!...

15 Октября 1860 р. Петербургъ.

Чы не покынуть намъ, небого,
Моя сусидонько убога,
Вирши никчемни виршувать,
Та заходыться рещтувать
Возы въ далекую дорогу?
На той свить, друже мій, до Бога
Почымчыкуемъ спочывать...
Втомылыся и пидтопталыся
И розуму такы набрались—
То й буде зъ насъ!—ходимо спать,
Ходимо въ хату спочывать...
Весела хата, щобъ ты знала!...

Ой не йдимо, не ходимо,
Рано, друже, рано;
Походимо, посыдымо—
На сей свить поглянемъ!
Поглянемо, моя доле...
Бачъ, який шырокий,
И шырокий та веселый,
Ясный та глыбокий...
Походимо жъ, моя зоре!
Зійдемо на гору—
Спочынемо... А тымъ часомъ
Твои сестры—зори
Безвичніи, по-пидъ небомъ
Поплывуть, засяють...

Пидождимо жъ, моя сестро,
Дружно святая!
Та нескверными устами
Помолимось Богу,
Та й рушымо тыхесенько
Въ далеку дорогу...
Надъ Летою бездонною
Та каламутною
Благословы мене, друже,
Славою святою!..

А поky те, да се, да оне,
Ходимо просто—навпростецъ
До Ескулапа на ралець—
Чы не одурыть винъ Харона
И Парку-прялку?.. И тоди,
Поky-бъ хымерывъ мудрый дидъ,
Творылы-бъ скрызъ по-надъ землею—
На все-бъ гексаметры плелы,
Та на горыще-бъ однеслы
Мышамъ на снидання... А потимъ
Спивалы-бъ прозу—та по нотахъ,
А не якъ-небудъ...

Друже мій,
О, мій сопутныче святый!
Поky огонь не захолонувъ,
Ходимо лучче до Харона—
Черезъ Лету бездонную,
Та каламутную
Переплывемъ, перенесемъ
И славу святую,
Безвичную, молодую...
Або—цуръ їй, друже!
И безъ неи обїйдуса—

Та якъ буду здужать,
То надъ самымъ Флегетономъ,
Або надъ Стыксомъ у раю,
Неначе надъ Днипромъ широкымъ,
Въ гаю, предвичному гаю,
Поставлю хаточху, садочокъ
Кругомъ хатыны насажу;
Прылынешъ ты у холодочокъ,
Тебе, мовъ кралю, посажу!
Днипро, Украину згадаемъ,
Весели селыща въ гаяхъ,
Могылы-горы на степахъ—
И веселенько заспываемъ...

14—26 Февраля 1861 р. Петербургъ.

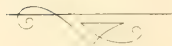

А П О В И Т Ъ .

Якъ умру, то поховайте
Мене на могили,
Середъ степу шырокого,
На Вкраини мылій;
Щобъ ланы шырокополи,
И Днипро, и кручи
Булы выдни, було чуты,
Якъ реве ревучый...

.....
.....

*Пантелеймонъ
Олександровичъ
Кулишъ.*

Кулишъ Пантелеймонъ
Олександровичъ, сынъ ко-
зака, родився 27 лыпня
1819 р. у м. Воронижи,
Черныг. губ., учывся въ
Кыивськимъ университети.
Почавъ пысаты 1840 р.;

окримъ поэзій, пысавъ повисти, романы, исторычни монографіи, драма-
тычни творы, переклавъ на мову украинську Святе Письмо та значну
частыну творивъ Шекспира, Байрона, Шиллера, Гете и другыхъ евро-
пейськихъ класыкывъ; умеръ въ своимъ хутори Мотронивци Борзен-
ського повиту 2 лютого 1897 р.

А С П И В Ъ.

У - досвита вставъ я... темно ще на двори;
Де-не-де по хатахъ ясне свитло сяе;
Сяе ясне свитло, якъ на неби зори...
Дывуюсь, радію, у серця пытаю:
„Скажы, вище серце, чы скоро свить буде?“

—Ой, скоро свить буде,
Прокрынуться люде,—

У всяке виконце
Засіяе сонце..."

Ой ударю жь зразу
У струны живіи:
Прокыньтесь, вставайте,
Старіи й маліи!

Вищуваннямъ новымъ
Серце мое бьється,—
Черезъ край изъ серця
Ридне слово льється.

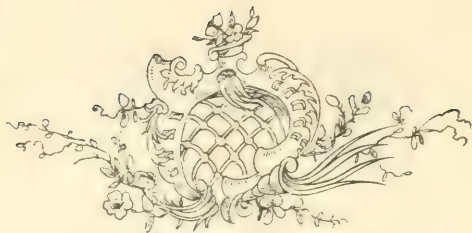
О КОБЗЫ.

Кобзо моя, непорочна утихо!
Чомъ ты мовчышь? Задзвоны мени стыха,
Голосомъ правды святои дзвоны,
Наши прыгоды мени спомьяны.
Може чіе ще не спидлене серце,
Тяжко забьеться, до сердца озветься,
Якъ на бандури струна до струны.

Хто не здоліе озватись словами,
Хай обизветься дрибными сльозама;
Ты жъ свое слово дзвоны-промовляй,
Душамъ братерськымъ заснуть не давай.
Хай недовирки твои камьяніють,
Хай ворогы твои зъ жалю ниміють,—
Ридну семью ты до-купы зывай.

Гей, хто на сумъ благородный багатый!
Сходьтесе мовчки до вбогои хаты,
Мовчки сидайте по голыхъ лавкахъ,
Мовчки сумуйте по вбогихъ братахъ.
Темно на двори, зоря не зоріе,
Витерь холодный одъ пивночи віе,
Квылять вовкы по степахъ-облогахъ.

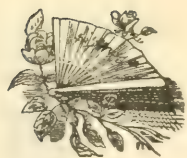
Кобзо! ты наша видрада едына...
Поки прокынеться сонна краина,
Поки диждеться живои весны,
Ты намъ по хатахъ убогихъ дзвоны!
Стыха дзвоны, нехай мучене серце
Важко забьеться, до сердца озветься,
Якъ на бандури струна до струны.

У З А.

Музо, безхитростна, проста дивчыно стыдлива,
Вбога селяночко, спивомъ та смихомъ щаслива!
Ты до менé, сироты, якъ сестра прыгорнулась,
На почынання блага въ тыхимъ серци почувлась.
Вдвохъ мы зъ тобою обходимо всю Украину,
Словомъ спасеннымъ вытаемо добру людыну.
И, де слова наши въ душу святу западають,
Тамъ виковично пахуци квіткы процвітають,
Раемъ Господнимъ намучене серденько віють
И животворни, вельки надіи въ ныхъ сіють.

О Э Т Ъ.

Поэтъ, не дорожи любовію народной.

Пушкинъ.

Кобзарю! Не дывысь ни на хвалу темноты,
Ни на пысьменныцьку огуду за писни,
И ласки не шукай ни въ дукивъ, ни въ голоты,—
Дзвоны соби, спивай въ святій самотыни.

Не ярмарку тебе гучному зрозумиты
Середъ своихъ тривогахъ, або пустыхъ утихъ...
Нехай турбуються и граються, мовъ диты:
Ты на высокій ладъ не перестроишь ихъ.

Ихъ небеса—базаръ, ихъ божество—мамона;
Купують, продають, миняють крамъ на крамъ,
И буквою свого жытейського закона
Готови зруйнувать святои правды храмъ.

Готови,—и не разъ на торжыщахъ велькихъ—
„Роспны, распны його!“—выгукое народъ;
Та не смущається твій духъ одъ крикивъ дыкыхъ:
Ты—невмирущий царь, ты славень зъ рода въ родъ!

НЕВИДЫМЫЙ СПИВЕЦЬ.

Якъ сонечко зйде ясне, мовъ надъ раемъ,
Надъ садомъ моимъ,—
Въ саду невидымый спивецъ заспивае,
Святой херувимъ.

Спивае винъ, грае всима голосама
Про ту красоту,
Що землю сповняе и море, и дывну
Небесъ высоту.

Спивае, намъ сердце трудне розважае,
Що втратило рай:
„Не втратывъ той раю, кому я спиваю
Про садъ и про гай,

Про сушу и воды, роскоши прыроды,
Про все, чымъ цвилы
Вельки й дрибненьки племиння й народы
На лони земли;

Не втратывъ той раю, кого пидймаю
Надъ горе й биду,
И сяевомъ вичнымъ його просвищаю,—
Господню звизду.“

НА ЧУЖІЙ ЧУЖЫНИ.

И тебе вже осе не побачу до вику, мій крає коханий,
Не побачу степивъ тыхъ роскишныхъ, гаивъ тыхъ
спивучыхъ,

И поляжу безъ славы въ могыли нимій и никому незнаній,
И забудуть мене на Славуті-Днипри, на порогахъ ревичыхъ!
Не забудешъ мене, поky вику твого, моя нене Украино,
Поky мова твоя голосна у писняхъ, якъ сриблѣ чысте,
дзвонить.

На що глянешъ—усюды згадаешъ свого бидолашного сына:
Видь тебе, моя нене, його туподумство людське не заслонить!

ТА ЧУЖЫНИ.

(Lago Maggiore).

Хожу берегамы,
Та й не нахожуся;
Дывлюсь на сады зелени
Та й не надывлюся.

Сады-вынограды
Въ воду порынають;
Поузъ беригъ ясни смугы,
Якъ срибло, сіяють.

Шукаю-пытаю
Зеленой руты,
Щобъ тебе, мій ридный краю,
Навикы забуты....

ПРЕМУДРИСТЬ.

Но въ законѣ Господни воля его и
въ законѣ Его поучится день и ночь.

Псаломъ I, 2.

I.

Я въ школи ажъ у трьохъ дякивъ учывсь,
Закиль навчывсь читання та писання;
Тоди вже въ свитѣ, мовъ пташеня, пустывсь,
Що пробуе широкого литання;
Та—лышенько!—въ неволи опынывсь,
Бурлацького дизнавшы бидовання.
Зъ Неволею за брата живъ Обмань,—
Надъ усима пысьменными гетьмань.

II.

Премудросты вони учылы вдвохъ,
Да не тій, що день и ничъ въ закони
Своимъ велыть намъ поучатысь Богъ
Пры тыхому гусель священныхъ дзвони.
Златый телець бувъ Богомъ увъ обохъ,
Мовъ истуканъ Деирський въ Вавилони...
Премудрый—той у нихъ, що й надъ отця
Й надъ матирь чтыть бездушного тельця.

III.

Но я... о ни! йому не поклонявсь,
Я гордувавъ лукавымъ Вавилономъ;
Премудросты ехидной цуравсь,
И любыхъ струнъ втишався тыхимъ дзвономъ.
И надъ Обмань, и надъ Неволю знявсь:
Бо знехтувавъ-бы й ихъ потужнымъ трономъ,—
Въ святимъ труди й розумній ныщети
Я не корывсь безбожній суети.

САЛОМЪ LXVII.

Боже, змылуйся надъ нами,
Дай намъ щасну долю,
Освиты своимъ облыччямъ
Нашу тьму-неволю.

Освиты насъ, щобъ мы знали
Твою стежку праву,
Щобъ хвалылы вси народы
Чысту твою славу;

Щобъ зрадили вси языци
Правдою святою,
Що Ты судъ свій на всимъ свити
Судышь правотою;

Щобъ хвалылы Тебе, Боже,
Вси земни народы,
Бо щедротою твоею
Садъ и ныва родыть.

Господь зъ неба усымъ добрымъ
Насъ благословляе;
Вся земля Його боиться
Одъ краю до краю.

ТО ЕСТЬ МНѢ И ТЕБѢ, ЖЕНО?

Іоанна гл. II, ст. 4.

Дорогому землякови Зинченкови.

Р, якъ тебе, Спасе, у тимъ слови бачу!
О, якъ твое сердце моимъ сердцемъ чую!
Чытаю завить твій:—чытаючы плачу,—
Высоко пиднявъ ты натуру людськую.

Чужа тобі стала и ридная маты,
Зоставсь ты безъ роду, безъ хаты на свити,
Щобъ родомъ коханимъ жыття не сковаты,
Хатнимъ упокоемъ духа не вгасыты.

О, знаю я, знаю, якъ те сердце былось,
Якъ той духъ высокій злитавъ надъ землею!...
Що дитямъ на лони у матери снылось,
Чого мертви чають—обнявъ ты душею.

Снылись дитямъ райськи виковични квити;
Чають мертви жызни грядущого вику...
Справдышь ты, що бачуть чыстымъ сердцемъ диты;
Справдышь, що дорожче всього чоловіку.

Уже зъ раю твоимъ духомъ
На насъ повивае;
Уже знову твое слово
Мертвыхъ воскрешае.

Вырастають, прыблыжають
Твое царство диты.
Ой, не дурно жылы й гыблы
Праведныкы въ свити!

Вырастають,—твоимъ слидомъ
Зъ матернього лона
Утикають роспынатысь
Середъ Вавылона.

„Жено! маты! що тоби я?
Ты свое вчыныла,
Якъ, радючы, пидъ серцемъ
Дытыну носыла.

„Мынулыся ти радости,
Мынулыся й муки...
Не вмистыты тоби въ сердце
Новои науки!

„Спочывай, спасенна душо,
У тихій господи,
А мы будемъ святу правду
Сіяты въ народи.

„Дай намъ, маты, те справдыты,
Що на чыстимъ лони
Сныться дитямъ непорочнымъ
Въ гришнимъ Вавылони.

„Дай намъ, маты, доказаты,
Що мы—ридни диты
Тыхъ велькыхъ, що за правду
Гынули на свити“.

Т Е П Ъ.

Блакитне небо, мовъ дугасте море,
Безоднею порожньою стоить.

Пидь сонцемъ степь, козацьке Дыке Поле,
Огнемъ перелывається, жахтыть.

Гарячий витерь хылыть-нахыляе
Траву хвылясту стыха до земли,
И въ прѳозирній золоченій имли
Даль степова мовъ тоне, пропадае.

По-надъ безкрайнымъ полемъ жарь нимый
Перелывачысь плыве високо;
Ростоплюється воздухъ осяйный,
Тисныть у грудяхъ духъ и слипыть око.

Дывлюсь кругомъ: не фарбама,—огнямы
Картына свитоискрява горыть;
Надъ нею любо по-пидь небесамы
Музыка, мовъ срибло тонке, дзвеныть.

То жайворонокъ, лирныкъ одынокый,
Зайнявъ одрадну серцю высшыну
И звеселяе свить шумношырокий,
Спиваючы про волю та весну.

Нимуе степъ: йому байдуже воля,
Се немовлятко сонне въ сповытку':
Судылась велетню дримлыва доля
На довгому, порожньому вику.

Закутавь у свои зелени шаты,
Пахуци мовчки нюхае квиткы;
Надъ нымъ по витру носяться крылати
Метелькы, якъ марево, лехки!

* * *

Жагулялося по небу
Весняному сонце,
Зазирає на добра-ничъ
У низьке виконце

И проминячкомъ угору
Огнянымъ стріляє;
Хрестъ на церкви ростопленимъ
Золотомъ сіяє.

Закотылося, сховалось
За степы, за море;
По-надъ моремъ кровъ палає,
Хмара хмару боре.

Стало темно по садочкахъ,
Тыхо пыль сїдає,
И село у прохолоди
Нибы оживає.

* * *

Квиты зъ сльозамы,
Сльозы зъ квиткамы
Не розлучаються, сестро, николы.

Скроплюють сльозы
Пышніі розы,
Свои роскишни, вельчни престолы.

Благоухають,
Землю скропляють
Пышни престолы праведныхъ слизь—розы;

Имъ же видрада,
Выща награда—
Чысти та щыри, та праведни сльозы.

ОЗАЦЬКА ХАТА.

Хто святи церкви муруе,
Пнеться зъ ныхъ до раю,—
Я гуляю по Дунаю,
Стыха въ кобзу граю.

* *
*

Хто людськи хаты руйнуе,
Не боиться пекла,—
На Дунаи, мовъ у раи,
Хата въ мене тепла.

* *
*

На Дунаи сонце гріе,
Витерь подыхае,—
До струны струна на кобзи
Дзвонить—промовляє.

* *
*

На Дунаи сонце гріе,
Гріе—прыпикае,—
Въ мене хата, мовъ палата,
Сяевомъ сіяе.

* *
*

Тепло, пышно и вельчно
У козацькій хати,
А просторамъ не зривнятысь
И царській палати.

* *
*

Вквитчано іи гаямы,
Выслано лугамы
И зукрашено Дунаемъ,—
Його берегамы.

* * *

Середъ хаты соловейко
Тьохкае раненько,
Розважае душу вбогу,
Нуждене серденько...

* * *

Ой не тьохкай, соловейку,
Про ту ничъ темненьку,
Якъ на вики я покынувъ
Матинку ридненьку....

* * *

Ой не тьохкай, соловейку,—
Нехай воронъ кряче,
Нехай пугачъ квылыть—плаче
Про жыття козаче.

М

ЗАВОРОЖЕНА КРЫНЫЦЯ.

Вертоградъ моей сестры.

Пушкинъ.

У сестры моеи тыхо
Процвитае садъ въ огради.
Кынамонъ, моя утиха,
Нардъ, алоэ въ любимъ сади.
Тамъ квиткы, якъ въ Божимъ раи,
Що на Тыгри и Евфрати,
Зорямы въ трави зоріють,
Тонуть—плавлють въ аромати.
Тамъ гранаты наливніи
Солодошивъ дывныхъ повни...
Гудуть бджолы золотіи,
Мовъ зъ Эдему тихи дзвоны.
Середь саду—вынограду
Въ крынахъ схована крыныця...
Мойму серцю на видраду
Заворожена водыця.
Заворожена й заклята,
Щобъ не знали люде ходу:
Бо призначено для брата
Чысту воду—прохолоду.
Витре тихый видъ заходу!
Вволю волю мого серця:
Повій чарамы на воду,
Нехай ллеться, нехай ллеться.
Витре буйный, Аквылоне!
Подмы чарамы, крылатый,
На ти нарды, кынамоны,
Нехай каплють ароматы.

— ◆ ◆ —

И Л Е Я.

I.

Дилуются зъ тобою вси, лилее,
Хто свить побачывъ у твой огради,—
Метелыкы лехки, жуку важкіи,
Пиддаючысь красы прынади.
Я-жъ, мовъ чужый въ прынаднимъ вертогради,
Виддалеки дывлюсь на цилування
И мовчки виддаюсь мойй досади:
Яке безрозумне надъужывання
Святыхъ любовы правъ и жызни занедбанья!

II.

Ципкымы лапкамы стебло тоненьке,
Хыбке, твій станъ высокый обіймають;
Твое, якъ снигъ уранишній, биленьке
Лыце жорсткымы вусамы торкають
И поцилункамы пьютъ—выпывають
Кадыло райське—запашне дыханья,
Що нымъ уста твои благоухають.
Яке безрозумне надъужывання
Святыхъ любовы правъ и жызни занедбанья!

III.

Дывлюсь оддалеки... Такъ видъ земного
Земля бере свое, бере байдужно;
Вона не знае вышого, святого,
И нивечыть лилею благодушно.
Метелыкы й казюкы всяки дружно
Пречысту душу зъ неи выпывають,
Смакуючы въ ии краси бездушно...
Чи-жъ розумни, чесни очи знають,
Про що таки квиткы цвितуть—благоухають.

Серце мое тыхе,
Пташко полохлыва!
Ой про що я народылась
Бидна, нещаслыва.

Людямъ щастя—доля,
А мени неволя...
Ни зайисты, ни запыты
Бидування-горя.

Дайте мени руты
Щырои й отруты,
Щобъ мени мого нелюба
Серденькомъ забуты.

Ой не хочу жыты—
Нелюбу годыты!
Лучче тоби, мое серце,
На ножи кыпиты....

ДУКАННЕ-ВЫКЛЫКАННЕ.

Де любо дывляться на мене кари очи,
И била рученька въ мой руци тремтыть,
И видъ ричей моихъ середъ нимои ночи
Дивоче серденько и мліе, и болыть.

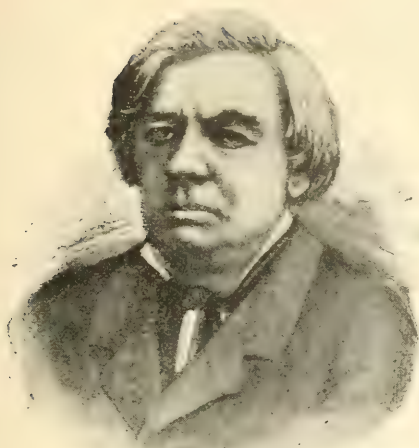
Дивчыно, горлыце! шкода твого кохання,
Шкода ночей безъ сну, зитханья, сумовання:
Жыву я розумомъ, а серце тыхо спыть.

Мынули любощи: душа моя жадае
Кохання иншого... Глянь, крале, на орла,
Якъ витромъ на його видъ пивночи бурхае,
А винъ дзвеныть перомъ, Зевесова стрила.

То духъ мій, горлычко, то розумъ мій буяе...
Кого-жъ винъ по свитахъ шукае-выклькае?
Орлицю смилыву, крылатшу надъ орла.

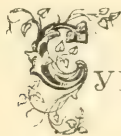

Якивъ Ивановычъ

Щоголивъ.

Щоголивъ Якивъ Ивановычъ, уродывся у Ахтырци, въ Харьковщыни, 1824 р.; скинчывшы Харьковський универсытетъ, служывъ у Харькови въ суди. Почавъ пысать

1843 р.; його творы выдано двома збирныкамы: „Вѣрскло“ (1883) и „Слобожанщына“ (1898). Умеръ 26 мая 1898 р.

УВОТЫ СВ. ДМЫТРА.

Фувъ день осинній. Сира мла
Габоку землю одягла,
И сiявъ дощъ, ишла пора
Передъ суботамы Дмытра.
А й доси нашъ веселый край
Шануе щыро той звычай,
Зъ котрымъ ще праиды жылы
Й нащадкамъ въ ридъ передалы,
Щобъ въ ти суботы помынатъ,
Кого намъ прыязно згадать.

И, взявши карту, щобъ на ій
Пысать сиомынныкъ дорогій,
Я въ думци вразъ перелетивъ
Ряды похованыхъ годивъ.
Якъ въ темну ничъ, въ таемнимъ сні,
Тоди побачылось мени,
Що зъ шырокоханыхъ могылъ
Встають ряды безсмертныхъ сыль,
И безборонно ти ряды
Идутъ невидомо куды...
Онъ ветхи деньмы. Въ о́чахъ ихъ,
Колысь блыскучыхъ и живыхъ,
Утома, горе и годы
Зробылы буриння слиды.
Надій въ ихъ серци не живе,
Нищо ихъ дали не зове,
Нищо не клыче ихъ назадъ,—
Недбало йде оджившыхъ рядъ...
О, помьяны, мій Боже, ихъ
У жытлахъ праведныхъ Твоихъ!
Дывлюсь,—въ краси и мочи литъ,
Якъ въ день весняный первоцвितъ,
На зоряхъ щастя, зоряхъ сыль
Встають юнаки изъ могылъ.
Въ ихъ чыстыхъ душахъ тѣплинь мрій,
Въ ихъ очахъ свитыты блыскъ надій;
Воны мынулымъ не живутъ,
Воны чогось видъ доли ждуть;
А те й увагы имъ нема,
Що ихъ дорогу перейма
Нещадно смерты гризна тинь,
И жеде въ земли холодна тлинь...
О, помьяны, мій Боже, ихъ
У жытлахъ праведныхъ Твоихъ!
Изнову падають важки

На землю зъ пышныхъ трунъ крышки;
Встають зъ ихъ лады. О, не тамъ,
Царыци свита, жыты-бъ вамъ,
Огрядни, постаттю гинки;
На чолахъ мраморныхъ винки;
Билійшь одъ мату билыхъ шатъ
На рамахъ ихъ прозирный матъ.
Я бачу искры ихъ очей,
Я чую голось ихъ ричей;
Я памьятаю гризный часъ,
Якъ ихъ останній поглядъ гасъ;
Якъ не хотилось кыдать имъ,—
Тоди безсумно-молодымъ,—
Те, що любылось на земли,
Й чого нема въ могыльній мли...
О, звеселы, мій Боже, ихъ
У жытлахъ праведныхъ Твоихъ!
И тыхъ, хто тутъ безъ смутку живъ,
И тыхъ, хто страждавъ и терпивъ,
И хто бувъ гришний, хто святой,—
Ихъ діи мылостью покрый!...

1886.

САЛЬМА ДАВЫДОВА 136.

Иа чыстыхъ рѣкахъ Вавылона
Сыдили ѿ плакалься мы,
Якъ стины ридного Сіона
Згадамы зъ нашои тюрмы.

На вербахъ выслы арфы наши;
А ти, що насъ взяли въ полонъ,
Казалы: „грайте писни ваши,
Спивайте намъ про вашъ Сіонъ!“

Хиба-жъ, якъ ниемъ по родыни,
Такъ тутъ Господню писню намъ
Спиваты можна на чужыни,
Якъ мы колысь спивалы тамъ?

Колы тебе, Йерусалыме,
Забуду я теперь хочъ разъ,
Нехай Господь мени одниме
Правыцю въ той проклятый часъ!

Нехай прысхне языкъ лукавый
До устъ зневиреныхъ моихъ,
Колы я днивъ твоеи славы
Не помьяну на рикахъ сыхъ.

Запамьятуй, Господь, на-викеы
Той день Эдомовымъ сынамъ,
Той день, якъ галасъ ихъ велькый
Зъ кинця въ кинець рознисся тамъ:

„Руйнуйте камени Сіона,
Несить йому огонь и дымъ!“
Дочка зневисна Вавылона,
Згубывша намъ Йерусалымъ!

Блаженъ той буде, хто заплаче
Тоби за ти твои дила,
Що ты, безжальна и проклята,
Намъ на погыбель принесла.

Блаженъ, хто силою рукою
Колысь дитей твоихъ малыхъ
Объ стины вдарить головою
Й побье на каминяхъ твердыхъ!

1881 р.

К А Ч Ъ.

Фережно знявъ я зъ верстату основу,
Людямъ роботу рознисъ и роздавъ;
То жъ мій спочынокъ; теперечкы знову
Берда направывъ, ниткы наснувавъ.
Отъ и роблю я. Застукала ляда;
Бигае човныкъ видтиль и видсиль...
Човныкъ и ляда—ткачеви порада;
Берда и цивкы, вы—хлибъ мій и силь!
Добре багатому: винъ, колы схоче,
Знайде початокъ роботи й кинець;
Въ хати жъ у бидного ляда стукоче,
Поки до дна догорыть каганецъ.
Вчиться вы, диткы, у мене робыты;
Вывчитесь—будете добри ткачи;
Дасть вамъ верстатъ вашъ и йисты, и пыты,
Тилко жъ робить вы и въ-день и въ-ночи!
Схочете спаты,—а лыхо прыснуться,
Зъ лижка зжене васъ воно до зори;
Ляжте жъ тихенько та спить, поки спытсья,
Спить, мои диты, въ тепли та въ добри!
Отъ и заснулы по лавахъ хлопьята;
Крыкнувъ цвиркунъ, догора каганецъ;
Трохы прытыхло; побильшала хата;
Швыдко вже буде й роботи кинець.
Швыдко, а все-таки стукае ляда,
Бигае човныкъ видтиль и видсиль...
Човныкъ и ляда—ткачеви порада;
Берда и цивкы, вы—хлибъ його й силь.

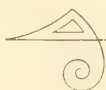
1877.

ЛЯЛКА.

Щыра и мыла, сама зъ тею лялькою схожа,
Граешся зъ лялькою ты, моя дивчынка гожа!
Чорни ій косы розчешешъ, у сукню вдягаешъ,
Въ стьожкы червони, въ намысто ясне убираешъ;
Вдинешъ ій въ уши сережки, обуешъ ій нижкы,
То ій головку пиднимешъ, то схылюешъ тришкы;
Стыснешъ до лонь своихъ, щыро и щыро мылуешъ,
И въ оченята, и въ губкы рожеви цилуешъ;
Гратся жъ обрыдне тоби,—такъ играшокъ никчемный
Схопышъ за нижку, та й кынешъ у закутокъ темный.

Я прозыраю, дытыно, далеко, и дуже
Жаль мени й ляльки, и нянькы, маленький мій друже.
Ты и не бачышъ, якъ роки за рокамы плынуть...
Щырому серцю на свити не довго загынуть!
Зъ ляльки малои ты станешъ огрядна дивчына;
Зачервоніе твій выдъ молодой, якъ калына;
Очи, мовъ сонце на сходи, огнемъ загорятыся...
Люде захочуть зъ тобою, якъ зъ лялькою, гратся:
Свита по правди й завчасу тоби не покажуть;
Думъ, що почнуть полошыты тебе, не розважуть;
Въ любляче серце твое заглядаты не будутъ,
Сылъ, що даремно дримають въ души, не розбудють;
Лѣстытыся стануть и стануть до нигъ твоихъ лынуть,
Щобъ, якъ обрыдне, у закутокъ ляльку закынуть!

О К И Р Н А .

Хоче мене маты
За нелюба даты...
Ой, изовьянь, винку,
Винку изъ барвинку!

Каже мени маты:
„Йды, доню, гуляты;
Ой будь веселенька,
Бо ты молоденька.“

„И, вже, моя маты,
Мени не гуляты!
Треба мени маты
Про инше гадаты...“

„Мусышъ мени, маты,
Худибоньку дбаты.
Не дбай мени, мамо,
Ніякого краму,—“

Купы мени скрыню,
Скрыню-домовину:
Вищує серденько,
Що швидко загыну!“

ЧЕРЕВЫЧКЫ.

Якъ до мылого ходыла,
Черевычкы я купыла.
Черевычкы съ пидкивкамы,
Та й натерпилась я зъ вамы!

Чорнобрыва й билолыця
Якъ прыйду, було, до Грыця,
Черевычкы тилько рыпнуть,—
Вже у його й двери скрипнуть.

Винъ ти двери видчыняе,
А на мене поглядае.
Черевычкы съ пидкивкамы,
Та й натерпилась я зъ вамы!

Якъ иты, було, зберуся,
Все, немовъ чогось боюся;
А моя, тымъ часомъ, маты
Почына мени казаты:

„Доню, доню, въ темни ничкы
Знапастышъ ты черевычкы!“
Маты правдоньку казала:
Черевычкы я стоптала.

Вже жъ у ихъ не стало рыпу,
А у Грыця въ дверяхъ скрыпу;
Що жъ подіялося зъ вамы,
Черевычкы съ пидкивкамы?

Поки вы були новеньки,
Бувъ до мене й Грыць любенький;
Съ того жъ часу, якъ стопталысь,
Щось то инше зъ Грыцемъ сталося.

Черевычки невелычки,
Вы стопталысь въ темни ничкы,
Та и все стопталось зъ вами,
Черевычки съ пидкивкамы!

ВІНОКЪ.

Не велику й не багату
Чоловикъ построивъ хату,
Та й поставивъ у сели,
Коло миста, на шпыли.

Потимъ винъ, якъ въ клитци пташку,
Надъ викномъ повисывъ пляшку,—
И, якъ витерь похытне,
Пляшка визьме та й кывне.

И хйба-жъ воно одъ-вику
Тее можна чоловику,
Щобъ, якъ пляшка закыва,
Не здурила голова?

Отъ якъ пляшка закывае,
Винъ до шынку й повертае;
Сяде, гляне въ поставецъ,
Та й потягне гаманецъ,—

И вже грошей и не личе...
Чоловиче, чоловиче!
Що въ тій бочци онде йе,—
Все воно до дна твое!

Тамъ сыдыть твій заробитокъ,
Тамъ лежить худоба дитокъ;
Сино те, що ты косывъ;
Жыто те, що Богъ вродывъ;

Тамъ твоя свытына сира,
Хамуты, ярмо, сокыра;
Дрова ти, що ты продавъ,
Садовына, що збиравъ;

Сылы ти, що ихъ не стало,
Те здоровья, що пропало;
Сльозы жинкы, серця мичъ,
Пьяна лайка день и ничъ...

Все воно туды пирнуло,
Все въ тій бочци потонуло;
А вона все те-жь одна—
И безъ верху, и безъ дна!

Чую:—витерь повивае,
Пляшку хылыть та хытае;
А вона соби кыва,
Та до шынку зазыва.

1881 р.

ОПІЗНИВСЯ.

У недобрую годину
Та вподобавъ я дивчину;
А вона якъ позирнула,
Каже: „геть!“ та й видипхнула.

Гей, покынувъ я дивчину,
На плече бурхнувъ свытыну,
Трычи свыснувъ потыхеньку,
Пыхнувъ люльку коротеньку,

Похожаю у хатыну,—
А ни хвиртки, а ни тыну!
Ставъ свого пытаты роду,
Що його не малось зроду;

А ни роду, ни родыны,
Ни дворыща, ни хатыны:
Те въ земли давно потлило,
Те зъ пожежою злетило.

Та про все йе воля Божа!...
Кынувсь я до Запорожжя;
А про те соби й не дбаю,
Що нема,—чого шукаю.

Воля Божа, воля Божа....
Гей, пропало Запорожжя!
Йду та й бачу: степъ шырокий,
Стугонить Днипро глыбокий;

Стугоньть, обь скели бьеться,
Зь скель до моря подаеться...
Я Днипра давай пытаты,
Де-бъ те вйсько одшукаты;

А Днипро реве—гуркоче,
Говорыть мени не хоче
И сердытый въ скели бьеться,
Зь скель до моря подаеться...

Зь моря витерь повивае,
Матерынку колыхае,
Матерынка важко плаче:—
„Опизнывся ты, козаче!“

1884 р.

ОЗАКЪ.

Р и поповычъ молоденькый
Кныжки не чытае:
У шынкаркы медъ изъ чаркы
Зъ вечора кружае.

Та й выбылы поповыча
Дрибнымы ризкамы..
„Бодай же вы погынулы,
Префекты зъ кныжкамы!“

Зъ-за калыны, зъ-за ялыны
Витерь повивае;
Молоденькый паныченько
Зъ бурсы утикае.

„Приймы, каже, мене, Сиче!
Приймы мене, маты:
Буду тоби, моя нене,
Вирно працюваты!“

Взяла Сича прыгорнула
Грыця молодого..
Выряжае на Турчына
Козака нового.

Иде козакъ на Турчына,
Иде, выгравае,
Матирь свою велькую,
Сичу вельчае.

ВІЗРИДНИ.

Сидлай коня вороного,
Ой брате-козаче!
По насъ въ свити широкому
Нихто не заплаче,—
Хиба воля, стара неня,
Та серце-рушныця;
Хиба коныкъ-братко мылый,
Та шабля-сестрыця.
Ой брязнемо кышенею
Зь гришмы золотымы,—
Де й визьметься родынонька,
Сестры й побратымы.
Ой ляжемо видъ Турчына
На поли, якъ треба,—
Одно тилько й побачыть насъ
Сонечко изъ неба;
Стане жалибно куваты
Зозуленька вранци;
Стануть выты, голосыты
Вовкы-сироманци.
Доле жь моя, доле жь моя!
Тяжко въ свити жыты;
А ще жь такы не хочеться
Рученькы зложыты.—
Туманъ съ поля пидійметься,
Й сонечко прогляне,
И мынеться негодонька,
Й доленька настане.

Е В О Л Я.

Дайте мени коня мого,
Дайте вороного,
Пустить мене, пустить мене
Въ поле на дорогу.
Я уздою золотою
Коня загнуздаю,—
Витромъ буйнымъ пронесуся
До ридного краю.
Кинь козачый неледачый—
Полететь до стана,
Мижъ хатамы, куринямы,
Якъ вкопаний, стане.
Та й скочу я зъ вороного,
Землю поцилюю,
Зъ горилкою до губъ моихъ
Чарку прытулю я.

Тыхо, тыхо... нема коня,
Нема вороного,—
Не пускають козаченька
Въ поле на дорогу.

Понесеться панъ кошовый
    Безъ мене на сичу;
Зйде сонце въ чыстимъ поли—
    Я його не стричу.
Буде буйно шабля гостра
    Ляха, Турка быты,
Будуть зъ гукомъ Запорожци
    По морю летиты...
Ой колы-бъ хто подавъ мени
    Коня вороного,
Ой колы-бъ хто пустывъ мене
    Въ поле на дорогу!...

П О Л И.

Гей у мене бувъ коняка,
Бувъ коняка—розбишака;
Мавъ я шаблю и рушныцю,
Ще й дивчыну—чаривныцю!

Гей коняку Туркы вбылы,
Ляхы шаблю пощербылы,
И рушныця поламалась,
И дивчына видцуралась.

За Буджацькымы степами
Йидуть наши зъ бунчукамы;
А я зъ плугомъ, зъ бороною
По-надъ нывою сухою!

Гей, гей, гей, мій чорный воле!
Ныва довга, вь стерняхъ поле...
Витерь віе-повивае,
Казаночокъ закипае.

Ой хто вь лузи—озовыся!
Ой хто вь поли—одклькныся!
Скоро все засне пидь млою,
Йды вечеряты зо мною!

Зву... Луна за лугомъ гыне,
Изъ-за хмары мисяць плыне;
Витерь віе-повивае,
Казаночокъ простыгае...

*****

ВЕЧИРЪ.

Вечоріе и темніе,
По земли лягае мла,
И не зійде срибный мисяць:
Хмара небо затыгла.

Хукны ты, моя дружно,
У виконечко на скло:
Подывысь, якъ замитае
Снигъ и церкву, и село.

Винъ подме й на нашу хату
И по стриси до краивъ
И шырокихъ, и высокыхъ
Понамитуе горбивъ.

Стане холодно на-двори,
И беда тому, кого
Хуртовына въ чыстимъ поли
Та настыгне одного!

Тилько ты, моя голубко,
Не журысь, що зайде ничъ:
Я внесу соломы й хмызу,
Затоплю у хати пичъ.

Затрищыть сыра лищина,
Розгорыться, запала,—
И нехай тоди на двори
Свыще витерь, пада мла.

ОСАРИ.

Ще роса зъ жытивъ не спала,
Мы взяли бруску й клепала
И зъ зори

Гострымъ косы, въ ручку йдемъ,
Колось пидъ ноги кладемъ

До зори.

Пройдемъ гоны, други й трети,

А жыта, якъ очереты,—

Не пробьемъ;

Тягнемъ косы—такъ блящать,

Вдарымъ въ жыто—ажъ бряжчать,—

Мы все йдемъ.

Жовте жыто переспило,

Тымъ и спыну надломыло,—

Ажъ болыть;

Нуте жъ, нуте, косари,

Недалеко до зори,—

Потягнуть!

День заходыть, сонце сяде,

Кашоваръ таганъ наладе

Надъ вогнемъ;

Сядемъ мы до казана,

Пойимо кулишь до дна

Й оддыхнемъ.

На покосы впалы росы,

Не бряжчать объ жыто косы

На ланакъ,

И до ранньої зори

Вси заснули косари

На стерняхъ.

.....

Леонидъ Ивановичъ

Глибовъ.

Глибовъ Леонидъ Ивановичъ, урод. 19 лютого 1827 р. у с. Веселый-Подоль, Хорольскаго повиту; скинчывшы Ничынскый Лицей, бувъ учителемъ у Чорнимъ-Острови на Подиллю, а потимъ у Черныгови, де и вмеръ

1894 р.; почавъ пысать 1848 р. байкы; окримъ того, пысавъ лирычни поэзи и напысавъ жартъ „До мырового“.

У Р В А.

Стоить гора высокая,
По-пидь горою гай,
Зеленый гай, густесенький,
Неначе справди рай.

Пидь гаемъ вьеться риченька:
Якъ скло вона блыщыть,—
Долыною зеленою
Кудысь вона бижыть.

Край берега, у затышку
Прывязани човны;
А тры вербы схылылыся,
Мовъ журяться воны,

Що пройде любе литечко,
Повіють холода,
Осыплеться ихъ лыстячко,
И понесе вода.

Журюся й я надъ ричкою...
Бижуть вона, шумуть,
А въ мене бидне серденько
И мліє, и болыть.

Ой, ричечко, голубонько!
Якъ хвылечкы твои,—
Пробиглы дни щасльвіи
И радости мои!

До тебе, любя риченько,
Ще вернется весна;
А молодисть... не вернется,
Не вернется вона!...

Стоить гора высокая,
Зеленый гай шумуть;
Пташкы спивають голосно,
И ричечка блыщыть.

Якъ хороше, якъ весело
На билимъ свити жыть!...
Чого-жь у мене серденько
И мліє, и болыть?

Болыть воно та журыться—
Що вернется весна,
А молодисть.... не вернется,
Не вернется вона!...

СТЕПУ,

Присвята Ол. Ам. Тыщынському.

Хочь доля привела у городъ суетливый,
Добра и зла прикрашенный вертепъ,
Я все такы люблю синожати и нывы,
Люблю широкий, тыхый, ридный степь.
Тамъ ясная зоря, якъ радисть, привитала,
Литала на кони тамъ молодисть моя,
Про щастя, про любовь надія тамъ шептала,
И любо слухалось, и щиро вирывъ я.
Даль степова кругомъ, якъ море, тамъ сынила
И здалеку бренивъ густый зеленый гай;
Чы добрый чоловыкъ, чы доля насадыла,—
То бувъ нашъ тыхый, невеличкый рай.
Була тамъ пасика, стоявъ куринь маненькый,
И пасишныкъ-дидокъ тамъ вику доживавъ;
И дуже я любывъ його кутокъ тихенькый:
Тамъ, оддыхаючы, про все я забувавъ.
И о-пивдни, и ввечери, бувало,
На таганку кыпыть маленький казанокъ,
И прыязно мени, прытовкуючы сало,
Про давню давнину розказувавъ дидокъ.
Збиралася туды гулять молодежи наша;
До пивночи въ гаю писни луналы, смихъ;
Вечерялы гуртомъ; и дидусева каша
Була смашниша намъ прысмачокъ дорогыхъ...
Та... не бува, сказавъ хтось, двичи лита...
Прыйшла беда—и часъ смутный наставъ:
Пидкралася кышеня грошовыта,
Хтось безъ жалю веселый гай зрубавъ.
Понивечыло все чіесь жыття ледаче!

И дуже, дуже жаль теперь мени,
Душа болыть... теперь тамъ воронъ кряче,
Та ятилъ прылита довбать гныліи пни.
Де пасика була—трава зазеленила,
И не курыть уже тамъ любый таганокъ;
Въ густій трави сховалася могила,
Въ могили тій забутый спыть дидокъ.
Колысь не такъ було: ще ранньою весною
Злиталысь пташечкы и соловьи спивать...
Осталася одна береза сыротою
Самотньои могилы доглядать.
Схылылася вона; до-долу виття гнуться,
У головахъ старенькый хрестъ стоить;
Настане ничъ—зъ березы слезы ллються,
И витрыкъ по трави тыхенько шелестыть...
О, сколько ѳе могылъ, де спыть жыття козаче!
Та де жъ воны? Де ихъ тецерь шукать?
Нихто, нихто надъ нымы не заплаче:
И плакать никому, и плакать не велять.

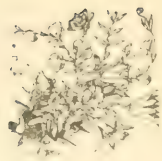

В Е Ч И Р Ъ.

Уы згадуешь, дивчынонько моя,
Якъ згадую безъ тебе я
Той вечирь тыхий надъ водою,
Якъ сумовалы мы зъ тобою,
Що Богъ намъ доленьки не давъ?...
Въ садочку соловей спивавъ,
За гай спускалось сонце яснє,
Плескалась рыбка на води....
„Отъ, скоро й Божый день погасне“,—
Сказала ты тоди—
И загадалась й зажурылась,
Головкою на рученьку схылылась,—
И на рукавця изъ очей
Сльоза тыхенько покотылась....

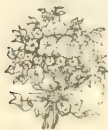
Бажавъ я бачыть свить, людей,—
Та й бачывъ свить, зъ людьмы спизнався;
А все туды не разъ душею рвався,
Де соловей въ садку спивавъ,
Въ той вечирь тыхий надъ водою,—
Де сумовалы мы зъ тобою,
Що Богъ намъ доленьки не давъ...
Неначе тамъ я щастя поховавъ!

НЕ ПЛАЧЪ. ПОЭТЪ!

Не плачь, поэтъ! хочъ якъ тамъ трудно, тяжело буде,
Не плачь, не треба слизъ твоихъ;
Плаксывыхъ душъ теперъ нигде не люблять люде,
И лышенько чуже—имъ смихъ.
Всимъ веселійше жыть, колы кругомъ сміються,
Бо горя скризь доволи йе,
И черезъ золото, онъ кажутъ, слёзы ллються,—
На що-жъ ще горенько твое?
Не плачь, поэтъ! жалійсь про все соби самому,
Неси въ могыльный свій скытокъ;
„Винъ,—скажутъ,—горенькомъ не докучавъ никому,
Йому хвала, йому винокъ!“

OSTURNO.

На неби ничъ и всюды ничъ чорніе,
И мисяць десь въ далекиѣмъ неби спыть...

Чого-жъ квылыть душа и сердце мліе?
И ничъ мовчыть, и все кругомъ мовчыть.

Не знае ничъ, що діялось учора,
Не видае, якіи бачыть сны
Померкшый день Содома и Гомора...
Засны-жъ и ты, перо мое, засны!

А Й К Ы.

1.

ГОРЛЫЦЯ Й ГОРОБЕЦЬ.

Воркувала Горлыця у садку,
У куточку тихенькому, на бузку;
Жалкувала сызокрыла, що вона
Не чулася, якъ минула и весна,
Не вглядила, якъ одцвився и садокъ,
И черешни, и вышенькы, и бузокъ;
Сумувала, що прыйдеться въ-осени
Десь шукаты ще иншої стороны.
Пидлабузнывся до Горлыци Горобець,
Наче справди запорозькый молодець:
„Ой послухай, голубонько, не журысь;
Ты на мене, молодчыка, подывысь!
Чы йе въ свити де такіи молодци,
Якъ мы, славни та весели горобци?
На все вдатни—до любощивъ, до писень,—
Цвиринькаемъ, жартуючы, увесь день!
Ты не бійся, голубонько, що зима
Посыплеться билымъ снігомъ... то дарма!
Нась съ тобою тее лыхо не зляка:
Перебудемъ пидъ стрихою въ козака.
А якъ гляне ясне сонце на весну—
Забудемо тую зиму нависну.
Поростають ти биліи снігы,
Покрываются травцею вси лугы,
Розивьється калынонька и садокъ,
Росцвитуться и вышенькы, и бузокъ;
Заспивають уси пташкы, якъ въ раю,
Прывитатымутъ голубоньку мою;

А ты, сердце-голубонько, не журысь
Та до мене молодчыка прыхылысь "...
— „Бодай тоби, Горобчыку, не брехать,
А Горлыцямъ твоихъ брехень не чувать.
Не до-пари голубоньци Горобецъ,
Хочь якый винъ прехорошый молодець:
Треба мени, сызокрылій, голубка,
Якъ хорошій дивчыноньци козака“.—
Де не взявся сызокрылый голубокъ—
Якъ ухопыть Горобчыка за чубокъ,
Помнявъ його, понивечывъ, якъ хотивъ,
Оскубъ його, молодчыка, та й пустывъ:
„Оце тоби, Горобчыку,—такъ не вчысь,
До чужой голубоньки не тулысь!“
Якъ дремене Горобчычокъ у садокъ,—
Болыть його головонька и чубокъ.
Регочуться проклятіи горобци:
„Оттакъ наши добувать молодци!“
Засоромывсь осміяный Горобецъ
Та й покынувъ риднесенькый табунець,
Полетивъ винъ свить-за-очи у садку
Видшептывать головоньку и боки.

Я выгадавъ, лежачы на печи,
Для васъ сюю баечку, панычи!
Ой не будьте, паныченьки-молодци,
И вы таки, якъ оттіи горобци;
Прыгортайтесь, козаченьки, до дивчатъ—
Хиба мало йе хорошыхъ бровеняць?
Дивчынонька, якъ квиточка,—зъ нею рай,—
А чужой молодыци не займай,
Бо налетыть часомъ сывый голубокъ—
Болитыме головонька и чубокъ!

Основа. 1861 р., № 4.

Х
М А Р А .

Надъ селама, надъ нывама,
 Лугама та долынама
 Велька хмара йшла.
 Ни жыта, ни пшеныченькы,
 Ніякои травыченькы
 Дошемъ не польла.
 Видъ степу видъ шырокаго
 До моря до глыбокаго
 За витромъ потяглась.
 Надъ моремъ гуркотаючы,
 Всесь день не оддыхаючы,
 Дошемъ вона лылась.
 Диждала ничкы темнои—
 И до горы зеленои
 Присунулась спочыть.
 Бачъ,—каже,—гóро мылая,
 Дошу не пожалила я,
 Нехай теперь шумыть!“
 —„Шкодá—гора озвалася:—
 Сього не сподивалася
 Одъ тебе, сестро, я!
 Надъ селама, надъ нывама,
 Надъ тыхыма долынама—
 Тамъ славснька твоя!
 На кожную стеблыночку
 Пошлешъ одну росыночку—
 И вику додасы,—
 А морю шыроченному,
 Глыбокому, сыленному,
 Воды не наддасы!“

Гора сказала правдоньку;
А я вамъ дамъ порадоньку—
Якъ жыты до-пуття:
Кохайте щыро правдоньку—
И дасть вамъ Богъ одрадоньку
Щаслывого жыття.

- - - >

3.

Хазяинь та Шкапа.

Хазяинь сiявъ овесець,—
Була у його нывка невелька.
Отъ, бачыть Шкапа та й базика:
„И на якый се винь кинець
Овесь у поли розсыпае?
Мабуть и самъ гараздъ не знае...
А я чувала, та й не разъ,
Якъ про людей гукають всюды,
Що люде розумниши насъ...
Кый чортывъ-батько—брешуть люде!
Якый тутъ розумъ—землю рыть
Та розкыдать пашню безъ дила?
Неначе никуды подить!...
Стрыжчати-бъ давъ, то й я-бъ пойила:
А хочъ индыкамъ, хочъ качкамъ;
Усе-бъ було выднице намъ,
Що робыть винь хочъ трохи гарно
И що пашни не тратыть марно...
Або нехай-бы й заховавъ,—
Сказалы-бъ, що скупенькый ставъ...
А то—що зробыть—все дурныця,
Вже ажъ не хочеться дывыться!“—

Мынуло лито; писля жнывъ
Овесъ Хазяинъ змолотывъ
И шкапу ту, що вередуе,
Винъ и шануе, и годуе.

Такъ иншый зъ-дуру неборакъ
Надъ Божымъ диломъ вередуе:
„И се не такъ, и те не такъ:
Чого се сонце дуже гріе,
Або не видтиль витерь віе“...
Головонька його дурна
Того й не зна,
Що Богъ насъ лучче розуміе.

Нижынъ, 1853 р.

4.

ЛЫСЫЦЯ И ХОВРАХЪ.

Куды се ты, кумасенько, бижышь?
Даешъ неначе зъ-ляку драла,—
Гука Ховрахъ,—ни на-що не глядышь,
Мене-бъ-то й не пизнала?
—„Охъ, голубе!“ Лысыця застогнала:
„Бодай бы вже й не жыть,
Якъ оттаке терпить!“—
—„Що-жъ тамъ таке? Яка прычына?“
Ховрахъ допытуе куму.
А та йому:
„Напастъ мени! Лыха година!
Якъ кумови свому,
Скажу тобі усе, по-дружби...
Оце я, бачъ, була на служби,—
Наставылы мене суддею до курей;
Я ихъ кохала, якъ дитей;

Всьому порядокъ подавала;
И не дойимъ, и не досплю;
Усе, було, тружусь, роблю—
Ажъ съ тила спала.
Вси добристь бачылы мою,
Бо вси жылы, мовъ у раю.
—Ни зъ ко́го, по сей день, не брала я й пирьинкы.
А що-жъ за те куми твой?
Зъ-очей прогналы!!... Боже мій!
За що, про що, и за якіи вчынкы?
Отъ, справди, свить теперь який
Брыдкый!...
А все се лыхо брехни діють.
Якъ здумаю—печинкы тліють!
На мене хтось-то набрехавъ
(Бодай бы той добра не знавъ!),
Що я хабарыкы лупыла...
А щобъ я, куме, хлибъ такъ йила,
Колы хочъ шагъ зъ кого взяла,
Колы хочъ разъ душею покрывыла!
Скажы, чы я-жъ колы така була,
Щобъ сіи капосты робыла?—
—„А що-жъ, кумасенько моя,“—
Ховрахъ мовляе такъ лысыци:—
„Бувъ грихъ,—частенько бачывъ я
У тебе пирьячко на пыци“...

Бува у служби чоловикъ,—
Все стогне, каже: жыты важко!
Неначе доживае викъ,
Або останній рубъ насправжкы;
И виру ймешъ йому пидь-часъ,
Бо знаешъ, або й чувъ не разъ,
Що жинку винъ узявъ безъ вина,

И самъ сердега сыротына.
А потимъ бачышъ—той биднякъ,—
Хто його зна колы и якъ—
Земли накупыть, хазяйнуе;
А дали такъ соби пануе,
Що на!... У судъ не йты брехать;
А якъ утерпить, не сказать,
Якъ той Ховрахъ мовлявъ Лысыци,
Що выдко пирьячко на пыци?

5.

Вовкъ та Мышеня.

На поли Вовкъ овечку взявъ,
Потягъ сердешную въ диброву—
Не на розмову,—
А щобъ иззисты: винъ бажавъ
Мнясця свиженького давненько.
Отъ, взявъ овечку, обидравъ,
Якъ знавъ,
Та й заходывся хорошенько
Мнясце пидъ дубомъ умынать,—
Ажъ на зубахъ кистки хрущать.
Йивъ Вовчыкъ, йивъ, ажъ утомывся;
Гараздненько удовольнывся,
А все-таки всього не зивъ:
„Нехай вже, каже, другимъ разомъ.“
Мнясце травыцею прыкрывъ,
А самъ спочынуть лигъ тымъ-часомъ.
Неначе панъ який—лежыть...
А мышенятко пидъ вербою
Почуло, що мнясце пахтыть,

Та й крадеться по-мижъ травою
(Яке мале, а вже хытрыть!)...
Отъ, помалесеньку пидкралось,
Взяло мясця та у дупло й зховалось.
Угледивъ Вовкъ,—дарма що спавъ,
И на весь гай гукать зачавъ:
„Ой ненечко! рятуйте! помогите!
Ловите злодія, держите!
Добро мое покравъ!“

Я въ одному сели по ярмарку гулявъ,
Та й бачывъ диво:
Якыйсь тамъ становый хвынтывъ списыво
Биля чумацькихъ хуръ.
Чого винъ тамъ ныкавъ—уси на вусъ моталы...
Отъ, якось у його тарани вязку вкралы,
А винъ гукае: „проби! калавуръ!“

1853 р.

6.

ОРАЧИ И МУХА.

У поли Орачи на ярыну оралы
И Муха тамъ була,
И хочъ їи, непрохану, ганялы,
Одначе крадькома и йила, и пыла,
Бо звыкла змалечку кохаться у чужому.
Надъ-вечирь Орачи верталыся до-дому,
И Муха тамъ на рози у вола.
Зустривсь Комарь на лузи край села
Та й каже, сміючысь: „добры-вечирь, сестрычко!
А ты вже тутъ чого, моя перепельчко?
Кума, чы родычка кому?“
А та йому:

„Бовъ! бовъ! раденькый, що дурненькый;
Хочь довгый нись, та розумь коротенькый,
Бо комари не сіють и не жнуть...
Ты роздывысь: у поли мы оралы,
Раненько почалы, весь день не оддыхалы,
Теперь до-дому часъ, зъ вечерю насъ ждуть.“

Мы й мижъ людьмы чымало знаемъ
Брехлывыхъ прыхвостнивъ такихъ;
Вертяться скризь, щобъ бачылы и ихъ:
И мы, мовъ, тутъ, турбуемось и дбаемъ!

6.

ВОВКЪ ТА ЯГНЯ.

Жа свити вже давно ведеться,
Що ныжчый передъ выщымъ гнеться,
А більший меньшого кусае та ще й бье,—
Затымъ що сыла йе...
Прымирь не довго-бъ показаты,—
Та—цурь йому!—на що чипать...
А щобъ кинци якъ-небудь поховать,
Я хочу байку розказаты.

У-литку, саме середъ дня,
Пустуючы, дурне Ягня
Само забылося до ричкы—
Напытыся водычкы.
Отъ, чы пыло, чы ни,—глядыть —
Ажъ суне Вовкъ—такий страшенный
Та здоровенный!
Та такъ прямисинько й бижыть
До бидного Ягняты.

Ягнати никуды тикаты;
Стоить, сердешне, та дрижыть...
А Вовкъ, неначе комысаръ, крычыть
(Винь, щобъ прысыкатся, знайшовъ прычыну):
„На що се ты, собачый сыну,
Тутъ каламутышь берегъ мій
Та квапышь нись поганый свій
У чыстую осюю воду?
Та я тоби за сюю шкоду—
Ты знаешъ—що зроблю?...
Якъ муху задавлю!“
— „Ни, паночку“... Ягня йому мовляе:
„Водыци я не сколотывъ,
Бо ще й не пывъ;
А хочъ-бы й пывъ, то шкоды въ тимъ немае,
Бо я стою зовсимъ не тамъ,
Де треба пыты вамъ,
Та ще й вода одъ васъ сюды збигае.“—
„Такъ се-бъ то я брешу?“—тутъ Вовкъ йому гукнувъ.
„Чы бачъ! ще и базикать стало...
Такого ще поганьця не бувало!...
Здається, ты й позаторикъ тутъ бувъ
Та капосты мени робывъ?... Тривай-же!
Ты думаешъ, що я забувъ?“
— „Помылуйте!“—йому Ягнятко каже:
„На свити я ще й году не проживъ.“
„Такъ братъ твій бувъ...“— „Нема бративъ.“—
„Такъ, може, батько,
Колы не дядько,
Або-жъ хто-небудь зъ вашихъ бувъ...
Хиба не знаю я, не чувъ,
Що вы уси мене-бъ иззили,
Якъ-бы вловылы?
Собаки й вивчари твои,
Уси вы—ворогы мои:

Одъ васъ мени жыття немае...

Ще мало я терпивъ?"

— „Такъ чымъ же я вамъ досадывъ?"

Ягнятко, плачучы, пытае.

— „Цыть, капостне! лыбонь не знае...

Ще й огрызається, щеня!

Що ты за птыця?! ты—Ягня!

Якъ смило ты мене пытаты?

Вовкъ, може, йисты захотивъ!...

Не вамъ про тее, дурнямъ, знаты!"

И—Вовкъ Ягнятко задавывъ...

На що йому про тее знаты,

Що може плаче бидна маты,

Та побывається, якъ рыбонька объ лидъ:

Винъ Вовкъ, винъ панъ,—йому не слидъ...

1855 р.

*Пылыпъ Семеновычъ
Морачевскый.*

Морачевскый Пылыпъ Семеновычъ, уродывся 14 листопада 1806 р., въ Черныгивщыни; скинчывшы Харьковскый университетъ, бувъ инспекторомъ въ Лицеи князя Безбородка у Нижыни, написавъ поэму: „До чумака“ та инши поэзи; йому належыть прекрасный на мову украинську перекладъ (доси не надрукованый) евангелія. Умеръ, здається 1879 р.

ЗЪ ПОЭМЫ „ДО ЧУМАКА“.

Украино, Украино,
Наше сонце яснє!
Чы йє въ свити що видъ тебе
Мылише и краще?
Стрепенеться бидне серце,
Якъ тилько згадаю...
Полынувъ бы я до тебе,
Да крылець не маю!
Тамъ на гори, на высокый
Пидъ гаємъ зеленымъ
Стоить хата батькивская
Зъ садочкомъ вышневымъ.

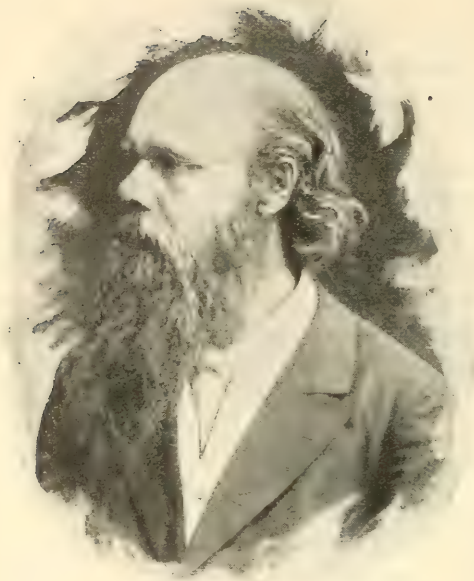
Ие и поле кругъ хатыны,
И лугъ надъ Десною,
На що-жь мы тутъ лита тратымъ,
Въ чужыни, зъ журбою!
Доки стриху соломьяну
Витру розвиваты,
Доки грюкаты въ виконыци
Батькивської хаты?
Пусте, ниме подвирячко,
Рундукъ зацвивъ мохомъ,
Килля зъ тыну розибралы
Сусиды потроху;
Садъ вышневый, гай зеленый—
Де вы?... пенькы всюды!
Безъ хазяина худоба
Плаче,—кажуть люде...
Видсуну я кватырочку—
У виконце гляну:
По-пидъ гаемъ зелененькымъ
Шляхъ иде въ Украйну.
Любо мени на чужыни
На той шляхъ глядиты,
Якъ на свою жинку-любку,
Якъ на квиты-диты.
Летять пташкы зъ того краю—
Може й зъ Украйны?
По-пидъ хмарама чорніють,
Ледве-ледве выдны...
Пташка божа по всимъ свити
Литае по воли:
Схоче—здійметься пидъ небо,
Схоче—сяде въ поли;
Чомъ же, чомъ на божимъ свити
Я не маю воли?
Моя воля зъ витромъ въ поли

Десь шукае доли.
О, колы-бъ я мавъ ту волю,
Що пташка... Давно вже
Полетивъ бы въ Украину...
Та ба! стій, небоже!

Украино, Украино!
Ажъ сердце заграе,
Якъ мени що на чужыни
Тебе нагадае...
Онъ, вона, лебеда била!
(Серденько трепече!)
Тамъ весело сонце сяе,
Днипръ хвелямы плеще,—
Днипръ шырокий, Днипръ глыбокий,
Якъ у давни поры,
Що носывъ човны козацьки
На Чорнее море.
Я—на берези, дывлюся—
Чы не рай то бачу?
Туды руки простягаю,
Якъ дытына плачу!
О, на що насъ ридна маты
Пускаешъ видъ себе,
Колы наше щастя й доля
Тилько що край тебе?...—
Булы часы, смутни часы,
Якъ ты вся палала
И слизамы—своихъ дитокъ
Раны обмывала.
Булы часы—тяжки часы—
Бодай не верталысь!
Якъ поля твои и стѣпы
Кровью зальвалысь,
Якъ зъ кинця въ кинѣць ирвалы

Тебе зліи люде...
Тільки-жъ то було давно вже—
Бильшь, мабуть, не буде...
—Чого-жъ ты така смутная?
Туга серце сушыть,
Безталанну головоньку
Недоленька крушыть!
Що-жъ тобі зъ тыхъ давнихъ часивъ,
Що пройшли, мовъ лава,—
Що осталось, ридна маты?...
„Сыну! добра слава!“

*Олександръ
Яковлевичъ
Кониський.*

Кониський Олександръ Яковлевичъ, уродився 6 сепня 1836 р. у с. Переходовци Нижынського повіту, почавъ писати 1858 р.; окрімъ поезій, написавъ чымало романивъ, повістей, оповиданъ, науковихъ, публицистичныхъ и критичныхъ розправъ; йому належить повнійша біографія Шевченка українською и російською мовами.

ТРОПОВИДЬ НА ГОРИ.

Высока скеля. Биля неи
Народу тьскъ. Изъ Іудеи,
Зъ Йерусалыма, зъ Галылеи
Прийшли старіи и мали
Послухать нового Равви.

Генъ на шпылю стоить Мессія.
Винъ наче вична та краса:

Вродливый, гарный сынъ Маріи,
Прывитень, наче небеса.
По билому, якъ снігъ, хытони
Роскишни кучери лежать;
Проминнямъ правды и любви
Пророчи очи ажъ горятъ,
А на чоли його высокимъ
Печать велького ума,
Неначе сяевома шырокимъ
Лягла тамъ истына сама.

Скризь на гори у нигъ Мессіи
Лунае гоминъ навкругы...
На мори такъ лунають хвыли,
Бьючысь объ скели въ берегы;
Днипро старый оттакъ шумуе,
Черезъ порогы плывучы,—
Реве и стогне винъ, хвылюе,
У море сльозы несучы.
Лунае гоминъ: „Воля-доля
Колысь свитыла, якъ зоря,
Теперь у насъ ярмо неволи
Й жорстокисть Ирода царя“.

У гору руку звивъ Мессія,—
Давъ знакъ, що хоче говорыть:
Замовкло все, мовъ онимило,
Духъ прытаило и мовчыть...
Вси ждуть: отъ-отъ спасенне слово
Промовыть до людей Равви
Сподиване, бажане, нове
Те слово правды и любви.

И винъ отверзъ уста святіи,
И зъ ныхъ, немовъ зъ ключа вода,

Лылася срибломъ и бренила
Наука истыны свята:

„Блаженъ, хто гордощивъ не мае,
Въ кого духъ крывды не сыдытъ;
Хто въ скрыняхъ золота не дбае,
Хто на громаду звыкъ робытъ;
Хто брата темнаго навчае,
У хату вбогу вносытъ свить,
И завше духомъ ныщъ бувае:
Тому на неби царство ввикъ!“

„Блаженъ, хто щырымы словамы
Чужу оплакуе биду,
И брату добрымы диламы
Розважыть тугу и нужду.
Блаженъ! До нього въ дни турботы,
Въ часы, колы душа болыть,
Въ годыну суму, слизь, скорботы
Видъ Бога радистъ загостыть.

„Блаженъ, хто серцемъ незлобывый,
Хто прыязно жыве зъ людьмы;
Блажени кротки, несварлыви—
Ти будутъ дидычи землі...“

„Блаженъ, хто истыны святои
Жадае, алче, мовъ йиды,
Мовъ подорожній въ литню спеку
Жада крынычнай воды,—
Сытна для його буде страва,
Погоже чыстее пыття:
Добро землі, народня слава,
Громадське вильнее жыття.“

„Блаженъ, хто милостывъ бувае,
Хто неимущому дае,
Голодныхъ кормить, напувае,
Одежу вбогымъ роздае;
Хто йде провидаты въ неволи
Яремныхъ узныкивъ въ тюрьми,
Хто вдовамъ, сиротамъ въ недоли
И безпомошнымъ въ чужыни
У помичъ стане, братомъ буде,—
Такого двиръ беда мыне,
Выны його Господь забуде,
Грыхивъ його не помьяне.

„Блаженъ, хто заздрыты не знае
И сердце чыстее въ груди
Безъ плямы носыть и плакае
Завить святой: „не осуды!“
Хто не завыдуе никому
И помсты въ серци не таить,
Хто ворогу не зычыть злого,—
На неби Бога той уздрыть.

„Блаженъ, хто сіе у народи
Зерно найкраще на земли,
Зерно любви, братерства, згоды
Въ громади, въ хати и въ семьи.
Уси, що щедрою рукою
Плакають згоду миждь людьмы,
Ти въ царстви Бога назовутся
Його коханымы дитьмы.

„Блаженъ, хто правду возвищае,
Кого за правду катъ гнобыть,
Въ чужыну жыты проганяе—
Той въ царстви Бога буде жыть.

„Блаженъ, хто за Мою науку,
За правды, истыны слова
Терпитеме тяжкую муку
И встоить, наче ся скала!

„Блажени вы, колы наруга
Ганебне слово, поклипъ, глумъ
Вамъ завдадутъ вельку тугу,
Тяжкый навіють въ душу сумъ...
Та вы на тее не вважайте,
И въ тяжки, лютіи часы
Радійте, весело вповайте,
Що мзда васъ жде на небесы!“

МОЕ БАЖАННЯ.

Ме обскурантъ я, що не плачу
За тымъ, чого нема,
Що вже минуло и мына...
Я України долю бачу
Не въ бунчукахъ, не въ булави,
Не у гетьманській голови;
Не въ скарбахъ, схованыхъ у скрини,
Не въ запорожській України,
Не въ тимъ, щобъ, выбывшысь на волю,
Зъ Ляхамы знову воювать,
Та кровъ славянську прольвать
И заливаты трупомъ поле,—
Я даромъ слизь не прольваю:
Славянъ усихъ въ одній семьи
Побачыть хочеться мени...
Ось, бачте,—я чого бажаю.

А Т А Й.

Дыблюсь: схывшысь надъ сохою,
Працую ратай на роли;
Працую мовчкы, хочъ порою
Нудьга, злыгавшыся зъ журбою,
Мыгае въ його на чоли.

Въ яри скорботь, нужды, неволи
Важке винъ тягне „жытіе“,
И, затаившы въ серци боли,
Не нарикакучы на долю,
Оре винъ поле—не свое...

НЕ ПРИЗЫВАЙТЕ ВСЕ БОГА.

Не призывайте все Бога,
Не призывайте вы Христа,
Не оскверняйте вы святого
Животворящего хреста!

Христось учывъ народъ любыты,
И за народъ Христось страждавъ;
А вы грабуете освиту
И те, що Богъ народу давъ.

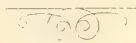
Христось носывъ винець терновый,
Святую кровь свою проливъ,
Своею смертію святою
Народъ зъ неволи искупывъ;

А вы—народъ рабомъ зробылы,
Бративъ за гроши продалы,
Народъ у терніяхъ водылы,
И питъ, и кровь його пылы.

Не хрыстіяне вы—Іуды!
Цилуете вы хрестъ святой,
А хрестъ народови на груди
Що-дня кладете вы тяжкый.

Вы гиришь Іуды! Той вдавився,—
Вы тымы гришмы живете,
Що меньшый братъ для васъ трудився,
И брату жыть не даете!

Не призывайте жъ все Бога,
Не призывайте вы Христа,
Не оскверняйте вы святого
Животворящего хреста!

СИРОТЫНА.

Не той сыротына,
Кого ридь не знае,
У кого хатыны
Й худоби немае;

Не той сыротына,
Хто ходыть въ десятци,
У кого свытына
Вся—латка на латци...

Абы була въ його
Голова та руки,
Любовь до народу,
Воли и науки,—

Винь не сыротына,
Винь родычиль мае,
Винь краю дытына,
И край його знае.

СЕЛИ.

Ртомывся день—вже й сонце сило;
Мырь Божый хоче одпочыть;
На-двори вже повечорило;
Вже череда въ село бижыть;
    Повагомъ, тыхо йде отара,
    За нею зъ пугою пастухъ;
    Устала курява, мовъ хмара;
    На двори варъ займае духъ...
Жинкы покынули кудели,
Идутъ овечокъ одлучать,—
Хапаються, щобъ на вечери
Дитокъ своихъ нагодувать...
    Возы навьючени копами
    Вже круторогіи везуть;
    Слидомъ зъ блискучымы серпамы
    Женци зъ обжынкамы идутъ,
Въ винкахъ дивчата молоді,—
У хлопцивъ на брыляхъ квиткы,—
Брыли соломьяни, новіи
Неначе золотомъ блищать;
    На неби зиркы такъ и сяють—
    Здається: честный трудъ селянъ
    И зиронькы святы вытають,
    Спивають янголы: „Мырь вамъ!“
И самъ Господь благословляе
Трудящый людъ въ ночи спочыть...
Старый, якъ лунь, дидусь стричае
Своихъ женцивъ ажъ у ворить.
    Уже женци вечерять силы;
    А мисяць дывыться на ихъ
    И усмихається...
*****

В ИЛЯ МОРЯ.

З нявся витерь, и на сходи
Море почорнило;
Покотыло горы-хвыли,
Пина беригъ вскрыла.

А рыбалку въ хысткимъ човни
Буря не лякае:
Въ море смилыво винъ неводъ
Зъ човна закыдае...

Отъ—ущухнувъ буйный витерь,
И затыхло море;
И рыбалка сывоусый
Човномъ хвыли оре,

Та на беригъ човенъ повный
Рыбы вытягае.
„Гей! по рыбу! Нуте швыдче!“
На куринь гукае.

1896.

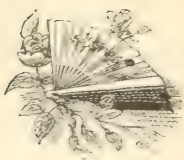
ПОДИВАННЯ.

Въ души пеклы горячи муки,
На сердце скорби наляглы,
И мы, до Бога звившы руки,
Недолю та людей клялы;

Мы сподивались: сонце зйде,
День тьму розгонять нависну,
Настане свить и правда прыйде,
Всимъ приведе красу-весну...

Мы сподивались, ждали, ждали,
Ждемо й теперь... весны нема,
А передъ нами и за нами
Холодна, темная зима!...

О СТАРОЙ МОЕЙ НЕНЬКЫ.

Завтра рано, моя мамо,
До тебе у хату
Прыйдуть диты и унуки
Святомъ повытаты.

И почнешь ты своихъ кривныхъ
Щыро цюваты,
Велькому и малому
Крашанкы даваты;

И зостанеться йедына
Крашанка на столи,
Та безъ сливъ тоби промовыть:
„Сынъ твій у неволи!“

У неволи, мижъ чужымы,
У чужому краю,
Сумуючы, самотою
Свято зустричае.

Дарма, мамо! Дарма, нене!
Не печалься дуже!
У неволи злу недолю
Пережыты мушу.

Пережившы разъ неволю,
Не впіймають вдруге;
Перебулы прыгодоньку,
Перебудемъ тугу!...

Не печалься, моя нене,
У груди не быйся,
Сподивайся на кращее,
До кинця крепыся.

Нехай гынуть твои диты,--
Вже ростуть унуку;
Якъ выростуть—роскуються
Невольныкамъ руки.

У М К А .

Уа скели високій сыжу одынокый.
Кругъ море сынїе безкрае та хвыли...
Про тебе згадаю, моя чорноока!
Лягла ты, спочыла у тихій могыли!...

Зорею ясною, пышною, святою
Не довго для мене ты въ свити зорила,
Не довго втишався я щастямъ зъ тобою,
Не довго яснее проминня свитыло...

Зайшло мое сонце, скотылася зоря;
Я зновъ одынокымъ на скели сыжу:
На сыне, безкрае, на вольнее море—
Невольныкъ-засланецъ, журлыво гляжу!

Я-бъ кынувсь на хвыли, нехай-бы втопылы,
Такъ въ серци палае ще инша любовь:
Любовъ до родыны—святои Украины...
На Украину може вернуса я зновъ!

Въ дары прынесу я коханому краю
Не злото, не гроши,—писню голосну,
Ту писню старую про волю новую,
Про ривнисть, братерство,—тоди я и вмру...

СЪ СКОРБНЫХЪ ПИСЕНЬ.

Близъ моря въ Крыму.

I.

Не грае безкрае, а тихо шумыть;
Мовъ свичкы на неби, ти зоркы горятъ;
За хвылею хвыля цилуе граныть;
Гонки кыпарысы байдужіи сплять;
Лышь кедры зъ Лывану въ далекій чужыни
Журльву, скорботну розмову знялы
Про край незабутній, про любу родыну....
Я бачывъ, що зъ жалю тремтили воны....

II.

Одна одынока березка стоить,
На гору Ай-Петри журльво глядыть;
Ни велетни кедры—сусиды ними,
Ни мирты пахучи не ваблять іи,
Фонтаны про неи не мають вагы.
А генъ на Ай-Петри биліють сныгы;
Туды іи думы, туды іи очи
Пыльнують видъ ранку до темной ночи;
Вона спомынае далеки гаи,
Де сестры зростають на ридній земли.
Колы-бъ іи воля, колы-бъ іи сыла,—
Зъ роскишного парку туды-бъ полетила.

III.

Дримае море; витерь спыть;
Сувори горы сномъ повыти;
Нимуе пышный кедръ; мовчыть
И лавръ, немовъ журбою бытый;

И тьмяно, сумно кругъ мене;
Осиння хмура ничъ пануе;
Лыстокъ нигде не шолохне;
Въ густимъ тумани все нимуе....
Оттакъ густа неволи мла
Своею тяжкою рукою
Мене покрыла, сповыла,
Немовъ сповывачемъ, нудьгою.

IV.

Усе, що щедрою рукою
У чарку доля налыла,
Я выпывъ, друже мій, зъ тобою,
До крапли выпывъ все, до дна...
Теперь самотній я зъ нудьгою—
Старый, пидтоптаний сыжу,
И мовчки, зъ тяжкою журбою,
Въ порожню чарочку гляжу,
Та згадую мынули лита
Свого злыденного жыття:
Колы-бъ одынъ хочъ проминь свита
Въ жыттю своимъ побачывъ я...

1896.

Петро Кузьменко.

Кузьменко Петро, діяконъ зъ Конотопського повиту, уродився 1831 р., почавъ писать 1859 р.; окрімъ лиричнихъ поезій, напысавъ оповидання „Не такъ ждалося, да такъ склалося“; померъ у другій половини 60-хъ рокивъ.

Т Р Ы Д О Р О Г Ы .

Въ чыстимъ поли на роздолли
Витеръ завывае;
Сыдыть козакъ на распутти
Та думку гадае.

Тры дороги простяглыся
На шырокимъ поли;
А въ козака думка така:
Йты шукать доли.

Тры дороги... Котру выбрать?
Де щастя, де горе?
Козакъ въ поли—якъ той човныкъ
Безъ весельця въ мори.

Доле, доле! якъ бы то знать,
Де тебе шукаты!
Свить широкий, люде мовчать,—
А шляхивъ багато!

Въ чыстимъ поли на раздолли
Буйный витерь віе;
У долини за байракомъ
Вороння чорніе.

Лежить козакъ у долини,—
Одпочывъ, не плаче;
А вороння клюе, щыпле
Лыченько козаче.

ЩАСЛИВА ХАТА.

Веселая хата,
Де жинка спивае;
Щасливая доля,
Хто диточокъ мае.

Вертається батько
Зь роботы втомившысь—
Вь його хати галась...
Слуха, прыхылившысь.

Дитвора сокоче,
Дитвора клекоче;
А маты раденька
Дитвори маленькій,—

Вь викно выглядае,
Писенькы спивае...
И праця не тяжка
Й робота не важка,

Кому така доля!
Трапылась якъ-небудь
Годынка досужна—
Якь ии проводятъ

Весело та дружно!
Посядуть близьенько
Та ведуть тихенько
Розумную мову:

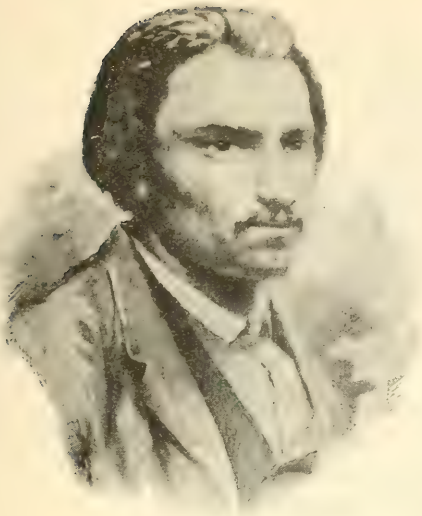
Якъ у свити жыты,
Колы ростуть диты,
Якъ трудомъ дилытысь,
Якъ по викъ любытысь,—

Та й до праці знову!...
А лучытыся часомъ—
Батько засумуе,—
До хаты скорійше:

Тамъ диткы обнимуть,
Жинка поцилуе,—
Душа стрепенеться,
Серце усмихнется.

*Степанъ Василевычъ
Руданскый.*

Руданскый Степанъ Василевычъ, поповычъ, уродився на Подиллю, скинчывъ Медычно-Хирургичну Акад. въ Петербурзи, лікарювавъ у Ялти, де и вмеръ 1873 р.; почавъ пысать 1860 р.; окримъ ори-

гинальныхъ лирычныхъ поэзій и исторычныхъ поэмъ, напысавъ перекладъ „Иліады“, „Слова о полку Игоревимъ“; творы його 1897 р. выдано у Львови въ 4-хъ томахъ.

САЛОМЪ 196.

Въ-пидъ неба ридного въ неволю
Надъ Вавылонскыи берегы
Насъ завелы зъ Йерусалыму
Тяжкыи наши ворогы.

Тымпаны, гусли и цымбалы
На вербахъ высилы чужыхъ;
Мы гирко плакалы, рыдалы—
Не було мылосты у нихъ.

Воны на сльозы не вважалы,
Воны казалы безъ жалю:

„Визьмите гусли и цымбалы,
Заграйте писню намъ свою!“

Та якъ намъ граты, якъ спиваты
Про славу нашихъ першыхъ днівъ?
Ни... не дамò мы свои песни
На смихъ заклятыхъ ворогивъ!

Разбыйтесь, гусли дорогиі,
Порвисься, струны, вси у-разъ,
Якъ я рукою на чужыни
Доткнуся тилько-но до васъ!...

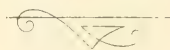
Изсохны ты, рука лукава,
Якъ тиі струны колыхнешъ,
Закаменій ты, мій языку,
Якъ ридну писню-но почнешъ!...

А Ты, Кому мы такъ служылы,
Твои коханіи сыны,
Поглянь, поглянь на насъ изъ неба
И день нещасный спомьяны!

Ты спомьяны, якъ ворогъ тяжкый
Невынни души побывавъ!
Якъ руйнувавъ Твою святыню
И надъ руинамы крычавъ:

„Копайте стины 'Русалыма,
Нивечте Бога и людей,
Ведить въ неволю молодята
И рижте старцивъ и дитей!“

Щасливый будь, хто вамъ видплатить,
Хто й ваши диты розповье,
И зо смихомъ, безъ серця й жалю
Объ першый каминь розибье!

Гей, быкы.

Та гей, быкы! Чого-жъ вы стали?
Чы поле страшно заросло?
Чы лемиша иржа пойила?
Чы затупылось чересло?
Впередъ, быкы!—бадылля зсохло,
Сами валяться будякы,
А чересло, лемишь нови...
Чого-жъ вы стали? Гей, быкы!...

Та гей, быкы! Ломить бадылля,
Ломить його, валить на прахъ:
Нехай не буде того зилля
На нашихъ батькивськихъ поляхъ!
А чересло мое изъ-лива,
Лемишь изъ правои руки
Зитнуть и коринь того зилля,—
Чого-жъ вы стали?—Гей, быкы!

Та гей, быкы! Зъоремо поле,
Посіемъ ярее зерно;
А спаде дощыкъ незабаромъ,—
Зъ земли пробудыться воно.

Пробудыться и на свить гляне,
И, якъ дивочіи винкы,
Зазеленіють наши нывы,—
Чого-жъ вы стали? Гей, быкы!

Та гей, быкы! Зерно поспе,
Обилле золотомъ поля,
И, потече изнову медомъ
И молокомъ свята земля;
И все мыне, що гирко було,
Настануть дывніи рока,—
Чого-жъ вы стали, мои диты?
Пора настала!—Гей, быкы!

Д У К А.

Д очекався я
Свого святенька:
Выряжала въ свить
Мене матинка;
Выряжала въ свить
Маты ридная
И промовыла
Мени, бидная:
„Нехай сыну мій,
Мы працюємо;
Нехай цилый викъ
Мы горюємо;
Нехай сохну я,
Тато горбыться,—
Ты на свить поглянь,
Що тамъ робыться.
Та не вси-жь, якъ мы,
Въ земли рыються,—
Може йе таки,
Що и мыються;
Та не вси-жь, якъ мы,
Дымомъ кураться,
Може йе таки.
Що й не жураться.
Колы найдешъ ихъ,
Мылый сыночку,
Ты склоны себе,
Якъ былыночку;
Ты склоны себе,
Якъ былыночку,

Простелы себе,
Якъ рядныночку.
Спына зъ похылу
Не изкорчыться,
Чоло зъ пороху
Не изморщыться.
Спына зъ похылу
Не изкрывыться,—
За те ступыть пань
Та й подывыться.
За те ступыть пань
На покирного
И прыйме тебе,
Якъ добирного.
И въ годыночку—
На драбыночку,
И пидешъ тоди,
Мылый сыночку,
И зъ панамы самъ
Поривняешся,
Въ срибли-золоти
Закупаешся;
Въ срибли-золоти
Закупаешся,
Зъ полемъ батькивськимъ
Розпроцаешся!“

Але сталося
Друге святонько:
Выряжавъ у свить
Мене батенько.
Выряжавъ мене,
Путь показувавъ,
Говорывъ мени
И прыказувавъ:

„Выдышь, сыну мій,
Якъ працюемо,
Выдышь, сыну мій,
Якъ горюемо,—
Кожный на свити
На то родыться...
Не дывысь на свить,
Що тамъ робыться!
Ты на пчилъ поглянь:
Йе робучи,
Але й трутни йе
Немынучи.
Такъ и на свити:
Одни рюються,
Други по́томъ ихъ
Тилько муються.
Будь же проклятый,
Мылый сыночку,
Якъ пигнешъ такимъ
Свою спыночку,
Якъ пигнешъ такимъ
Свою спыночку,
Якъ простелешся
На рядныночку!
И чоло тоби
Нехай зморщыться
И хребетъ тоби
Нехай зкорчыться,—
Ты тикай видъ ныхъ,
Якъ видъ гадыны,
Ты не жды видъ ныхъ
Перекладыны.
Ты не жды видъ ныхъ
Перекладыны,—
Ты у свить иды

На оглядыны.
Ты у свить иды,
Мылый сыночку,
Ты усе спизнай,—
И былиночку:
Тоди зъ свитомъ ты
Поривняешся,
Въ добри—розуми
Закупаешся;
Въ добри—розуми
Закупаешся,
Зъ полемъ батькивськымъ
Прывитаешся!“

О ДУБА.

Нехай гнеться лоза,
Куды витерь погне,—
Не обходить вона
Ни тебе, ни мене.

Може й важенько їй,
Може й спына болыть,
Але буря їи
Зъ коринця не звалыть.

На болоти росте
И слабая сама—
Вона гнеться соби,
Бо въ ній сылы нема;

Вона гнеться соби
И такъ викъ прожые,
И безъ славы въ багни,
Якъ трава, зогные.

Якъ трава-осока
Зогные у багни,
И хиба лышь комаръ
Заспывае по ній...

Нехай гнеться лоза,
А ты, дубе, крипысь,—
Ты росты та росты,
Не хылысь, не кривысь!

Ты глыбоко у глыбъ
Твердый коринь пусты,
Филля въ гору розкынь,
Та росты, та росты!

И до пекла достань,
И у пекло заглянь,
И до хмары достань,
И у небо заглянь,

И весь свить обдывысь,
И усе распизнай,
И що доброго йе,—
Ты у себе впывай.

И у сыли, въ добри,
Якъ скала, затвердй,
И якъ Богъ свитовый
На сторожи ты стй.

И пташки свитови
Защечечуть тоби;
И спивакъ видпочне,
Заспивае тоби...

А якъ буря лыха
Тебе зъ мисця зибье,
Або хмара-гора
Тебе громомъ убье,—

Свить почуе ту смерть,
И повітря здрижыть,
И лисы загудуть,
И земля задвыжыть,

И пташки прылетять,
Спогадають тебе,—
И спивакъ перейде,
Не забуде тебе.

1859.

НЪЯНЫЦЯ.

Не кыдай мене,
Моя чарочко!
Не жены мене,
Ты шынкарочко!
Не жены мене,
Дай упытыся,
Въ тебе, брыдкую,
Улюбытыся!

Не безъ жинкы я,
Не безъ хаты я,—
Все у мене йе,
Разпроклятая!
Хлиба до-сыта,
Пара волыкывъ,
Сынивъ четверо,
Якъ соколыкывъ!

Моя хатонька—
Срибна чарочка;
Моя жиночка—
Мыла пташечка;
Та тяжки мои
Боли бильныи,
Бо не маю я
Воли вильнои.

Запряжу волы,—
Потомъ мыюся;
Розпряжу волы,—
На бикъ хылюся;

Повалюсь на бикъ,
Не здримаюся,
Зновъ на панщину
Пидіймаюся!...

Видроблю чуже,—
„Жинко, душечко!
Прыголубъ мене,
Щебетушечко!“
А вона у плачъ,
Розголосыться,
На свое жене,
Бо й те просыться!

И змордуешся,
Закропляешся,
А вона у плачъ:
„Запываешся!“
Ой, я пью теперь,
Моя любая,—
Не кыдай мене,
Чарко грубая!

Не кыдай мене,
Моя чарочко,
Не жены мене,
Ты шынкарочко!
Не жены мене,
Дай упытися,
Въ тебе, брыдкую,
Улюбытыся!

Н Ы.

Стоить сосна одынока
На голій вершыни,
И пидъ снигомъ, на пивночи,
Сныться сиротыни
Все полудень ясный, теплый,
Долына глыбока
Та джерела живучіи,
Та пальма висока.

1861.

ПИСНЯ.

Повій, витре, на Украину,
Де покынувъ я дивчыну,
Де покынувъ чорни очи...
Повій, витре, зъ полуночи.

Межъ ярамы тамъ долина,
Тамъ биленькая хатына;
Въ тій хатыни голубонька,—
Голубонька—дивчынонька...

Повій, витре, до схиць сонця,
До схиць сонця, край виконця;
Край виконця постиль била,
Постиль била, дивка мыла.

Нахылыся нышкомъ-тышкомъ
Надъ румьянымъ билымъ лычкомъ;
Надъ тымъ лычкомъ нахылыся,
Чы спыть мыла,—подывыся.

Якъ спыть мыла, не збудылась,—
Згадай того, съ кымъ любылась;
Съ кымъ любылась и кохалась
И кохаты прысягалась.

Якъ забьється їй серденько,
Якъ дивча зитхне тяженько,
Якъ заплачуть чорни очи,—
Вертай, витре, къ полуночи!

А якъ мене позабула
И другого прыгорнула,
Ты розвійся край долины—
Не вертайся зъ України...

Витеръ віе, витеръ віе;
Серце тужыть, серце мліе.
Витеръ віе, не вертае;
Серце зъ жалю розпукае.

1856.

ТЫ НЕ МОЯ.

Ты не моя, дивчыно дорогая,
И не мени краса твоя:
Вищуе думонька смутная,
Що ты, дивчыно, не моя!

* * *

Ты не моя! За лычко гарне
Справляе хтось колодія...
Мои-жь літа проходятъ марно,
Бо ты, дивчыно, не моя!

* * *

Ты не моя! И бровы чорни
Мылуе иншый, а не я,
И иншый хтось тебе прыгорне,
А ты, дивчыно, не моя!..

* * *

Ты не моя;—но що-жь я маю?
Чымъ похваляюся тобі й я?
Хиба лышь тымъ, що ты кохаю...
Но ты, дивчыно, не моя!

1854 р.

И С Н Я.

Голе, голе мое поле!
Де-жъ вы, ясни квитонькы?
Позгасалы, поспадалы,
Якъ на неби зиронькы.
И стебло пересхло,
Якъ былына полягло.

* * *

Диты, диты,—мои квити!
Якъ погляну я на васъ,
Серце мліе, каменіе,
Що цвилы вы тилько разъ!
Разъ росли, разъ цвилы,
И безъ доли опалы.

* * *

Не для дилка свого пчилка
Васъ изсала, якъ дытя,—
То жарою, якъ марою,
Перервало вамъ жыття.
Ни росы, ни сльозы
Не спадало для красы.

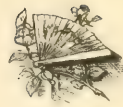
* * *

И дивчына, якъ калына,
Васъ не рвала на косу,—
Васъ зирвалы, розирвалы
Витры буйни безъ часу,
И безъ литъ на весь свить
Розпустылы вяялый цвить!

* * *

Доле, доле, моя доле!
Верны-жъ мои квитонькы,
Верны диты, мои квиты,
Верны-жъ мои зиронькы.
Але ба!—не сивба!
Не мыне моя журба.

ТУДЕНТЬ.

Вь славнимъ мисти Петербурзи,
Недалеко видъ Невы,
Изъ болота выглядяе
Хата бидной вдовы.

Стара хата зо вдовою
Разомъ вискъ свій виджыла,
Почорнила, похылылась,
И въ болото увійшла.

Увійшла по сами викна...
Въ ганку сходы до синей;
Въ синяхъ на бикъ похылылысь
Двое скрывляныхъ дверей...

И на-право—старій баби
Смерть пидпысуе патентъ,
А на-ливо—безъ копійки
Бьеться зъ нуждою студентъ.

Зима люта. Витеръ свыще;
Снигъ по викнахъ брязкотыть.
Морозъ душу обймае,
Морозъ тило каменыть.

А у хати на постели
У сурдуци и плащу
Сыдыть студентъ медицины
Другый мисяць безъ борщу.

И жьвить, — якъ гробъ, запався,
Облизае голова...
И остання догорае
Його свичка лойова.

И сыдыть винъ, поглядае
На похылену стину:
Пидъ стиною лежить черепъ,
Нема й крышки тютюну.

И стина кругомъ чорніе...
Тилько лазять павуки,
Тилько сумно виглядають
Изъ шкалубынъ прусаки....

ПИВОМОВКЫ.

1.

ЧЫ ГОЛОСНА ЦЕРКВА?

Ставь у церкви батько зь сыномъ—

Церкву вже кинчали:

Засклепылы, побилылы,

Олтаръ прыбывалы.—

„Слава Богу“,—батько каже,—

„Спромоглыся люде;

Лышь то не знать, якъ то вона:

Чы голосна буде?

Постій хиба, каже, сыну,

Передъ образами,

А я пиду, та для пробы

Свысну за вратамы“.

Пишовъ, свыснувъ разивъ килька,

Назадъ повертае.

„А що, сыну, голосная?“—

Хлопчыну пытае.

—Голосная!—хлопець каже,—

Такъ и бье луною.

„А ну-жъ“,—каже,—„пиды свысны,

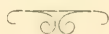
А я тутъ постою“.

—Осе але,—хлопець каже,—

Малы що сказаты!

А чы-жъ то я якый дурень,

Щобъ въ церкви свыстаты?!...

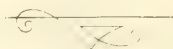
2.

* * *

Ходыть пипъ коло крамныци
 Та й чогось шукае;
 Ажъ до нього такой хытрый
 Жыдокъ пидбигае.

„Будьте добри, добродію!
 Трошки зачекайте:
 Змолытвуйте мени ножыкъ,
 Й мення йому дайте!“

А пипъ, довго не думавшы,
 Казавъ ножыкъ дати,
 Зламавъ його та и каже:
 „Куцымъ будешъ зваты!..“

3.

* * *

Вь страшно-судную неділю
 Ксьондзъ казання говорывъ;
 Ставь за Божый судъ казаты,
 Та й на-грихъ пересолывъ.

Слухавъ, слухавъ бидный мазуръ,
 Дали тяженько зитхнувъ,
 Подывывся на „Езуса“
 Й головою похытнувъ.

„Колы такъ,—промовывъ,—„Езу“,
 Ты судыты насъ будешъ,
 То будь певный—середъ раю
 Самъ, якъ палець, заживешъ!..“

ЧУМАКЪ ЗЪ МАЗНЫЦЕЮ.

Чы въ Кыиви, чы въ Полтави.
Чы въ самій столыци

Зъ мазныцею мужыкъ ходыть

По-межы крамныци.

А въ крамныци—куды глянь:

Срибломъ, злотомъ сяе;

А йому то и байдуже,—

Винь дьогтю пытае.

Въ найбогатишій крамныци

Два купци сыдило;

И туды мужыкъ заходыть

Зъ мазныцею смило.

„Добры-день вамъ, добри люде!“

Та й почавъ пытаты:

„Чы нема у васъ прынаймни

Де дьогтю продаты?“

—„Нѣту, нѣту!“—купци кажуть,

Та й шельмы сміються:

„Здѣсь не дьоготь, тольки дурни

Одни продаются“.

„Що-жъ, нивроку“,—чумакъ каже,—

„Добре торгувалось,

Що-й-но два васъ такихъ гарныхъ

На продажъ зисталось“.

Васылъ Степановычъ

Кулыкъ.

Кулыкъ Васылъ Степановычъ, уродывся въ 30-хъ рр. въ Полтав-
шыни, учывся въ Харьковському университети; почавъ писать 1851 р.
(у „Основи“), пысавъ лирычны поэзіи; померъ 1872 р. въ Полтави.

В Е Т Я Г А,

Везъ свыты и босый, и хлиба нема,
И люде те бачуть, та кажуть: дарма!
Здырщыкы послидню корову цинують,
Хатына безверха—сусиды глузують.
У хыжу заглянешъ—у засикахъ пусто,
И заросла ныва свырипою густо.
И самъ я дывуюсь, що звився ни-на-що...
А змолоду бувъ же и я не ледащо!
Колысь и для мене игралы музыкы,
Топталы дивчата не разъ черевыкы;
Не разъ чорноброви сльозы утыралы,
Якъ мене въ дорогу сестры споряжалы;
Колысь поважалы и мене сусиды,
Якъ справлявъ бенкеты, родыны й обиды;

Колысь и видъ мене ишлы паровыци,
Степомъ розлягалось: „Ой не ходы, Грыцю“...
И мени колысь-то догожала доля...
Та все пишло марно... Його свята воля!
Ой кыну я лыхомъ объ землю сырую,
Помьяну на сей разъ доленьку лыхую,—
Потягну степамы, а косу на плечи...
Прощай, родынонько, й веселіи речи!
Гей, браття-нетягы, ударымо въ косы—
За намы-панама нихто не голосыть!

ИТАННЯ.

Козаче-чумаче!
Идешъ у дорогу—
Послухай же, сыну,
Дида старого:
Покиль ше жывый я,
Покиль помирать,
Про родычивъ де-що
Хотивъ роспытать.
Якъ зъ силлю итымешъ
На той Берыславъ,—
Зъ Хортыци-сестрыци
Щобъ вистку прыславъ.
Якъ станешъ близенько
Сухого ярка,
Помьяны тамъ душу
Дидуся-Сирка.
Якъ „собъ“ повертаты
Черезъ Чортмлыкъ,
Прыслухайсь, чы чуты
Тамъ братчыкивъ крыкъ! *)

---

*) *Сухий яркъ*, по дорози одъ Берыслава на Перекопъ; тамъ, кажуть стари люде, Сирко бывся зъ Татарвою. *Чортмлыкъ*—рукавъ Днипра; тече въ Днипро, коло порогивъ, зъ велькою сылою и гомономъ: „то гомонять Запорозци“,—кажуть побережане.

Якъ будешъ мынаты
Самарську паланку,
Прывитай видъ мене
Старую панянку.
Спытай, якъ дойдешъ,
У батька-Днипра:
Чого наша мова
И слава вмира?
Чы то-жъ стара маты
Замовкла навикъ,
Чы то-жъ народыла
Нимыхъ та каликъ?
Чы то-жъ видцуралысь
Видъ неи сыны,
Чы то-жъ насміялысь
Надъ нею воны?

1861 р.

ВЪ МЕНЕ СЕРЦЕ ДО ЛЮБОВЫ...

Въ мене серце до любви,
Биле лычко, чорни бровы.
Що робыла,—маты знала,—
Въ скрыняхъ скарбу прынадбала.
И вышневый ѳе садочокъ,
Зъ шистю крыламы млыночокъ,
Хата била, гай у полю,—
Не жалкую я на долю.
Вмию голосно спиваты,
Тугу въ серци розважаты;
Коло мене хлопци грають...
Та нема, нема никого
Надъ козака молодого:
Винъ на скарбы не зважае,
Винъ за те мене кохае,
Що у мене чорни бровы,
Въ мене серце до любви.

Павло Платоновычъ

Чубинсьный.

Чубинський Павло Платоновычъ (псевд. Павлусь), сынъ дидыча, уродыся 15 сичня 1839 р. въ м. Барышполи, Полт. губ., скинчывъ Петербурзьскый универсытетъ, почавъ пысать 1861 р. (въ „Основи“); выдавъ збирныкъ лирычныхъ поэзій „Сопилка Павлуся“ (1871 р.) и килька томивъ этнографичныхъ матеріаливъ „Труды этн.-статист. экспедиціи въ юго-западный край“; умеръ 14 сичня 1884 р. въ Киви.

О МОЕИ КАТРУСИ.

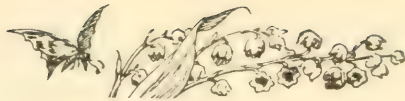
Ще не багато литъ прожывъ,
А вже сывіе чорный волосъ;
Ще не диждавъ своихъ я жнывъ,
А вже жовтіе колосъ...
Я въ свити щыро працювавъ,
Я сіявъ те, що Богъ пославъ.

Багато гиркыхъ слизь проливъ,
И горя я дизнавъ чымало;
Людей и правду я любывъ,—
За те мене и зневажалы,
И молоди лита свои
Я скоротавъ на чужыни.

Теперь зъ тобою спочываю,
Теперь прыйшла моя весна,—
Я мовъ по смерти оживаю,
И ты, якъ зиронька ясна,
Мени присвичуешь,—зъ тобою,
Я вже не знаюся зъ журбою!

Свиты-жъ мени, поky я бачу,
Поky до працы ще берусь,—
Я марне сылы не потрачу
И жнывъ своихъ такы диждуь,—
Зберу, що сiявъ, и веселый
Пиду на вичную оселю!...

ОНЪ НЕВОЛЬНИКА.

За день утомилы и праця, й нудьга,—
Заснувъ я, и сныться мени,
Що нибы й до мене доходыть черга,
Дають буцимъ волю мени...

И отъ я на воли, у ридній семьи,
Цилуе матуся и плаче:
„Скорійше гадала, що буду въ земли,
Нижъ тебе, мій сыну, побачу!“

До серденька горне и батько старый,—
Зрадивъ, голубъ сызый, и каже:
„Тебе вже оплакалы, сыночку мій,
Утыхо йедына ты наша.“

И любо, и мыло у ридній семьи,
Веселая ридна хатына;
Радію во сни я, и легко мени,
И плачу, мовъ тая дытына.

Прокынувсь! „Охъ лыхо! Я все ще въ тюрми;
Кайданы брязчать нависніи;
Болыть мое сердце, и тяжко мени,
И слъозы не ллються дрибніи“...

ВІНУЛОСЯ.

Защебетавъ соловейко
Въ садочку на вышни;
Ходыть дивка по садочку—
Слуха його писни.

И слухае, и радіе,
И сама спивае;
Весело їй дивоваты,
Бо воленьку мае:

Вильна слухать соловейка,
До зиръ прыдывлятысь,
Кого серце забажае—
Съ тымъ и покохатысь.

Закувала зозуленька
На верби зеленій;
Выйшла зъ хаты молодыця
Смутна, не весела.

„Закуй мени, зозуленько,
Чы довго ще жыты?
Чы довго ще на симъ свити
Вьянуты, тужыты?“

Накувала зозуленька
Литъ дуже багато;
Заплакала молодця—
Смутна пійшла въ хату...

Выйшла вона и за того,
Съ кымъ колысь кохалысь,
Съ кымъ слухала соловейка,
До зиръ прыдивлялысь...

А тепера не до зирокъ,
Не до соловейка...
Плаче, слуха, якъ на верби
Купе зозуленька.

* * *

(Переспивъ).

Дивчыну козакъ полюбывъ,—
Вона-жъ полюбыла другого;
А иншую сей заручывъ,
И иншая выйшла за його.

Дивчыноньку горе бере,
Що мыйый ии одружывся;
За першого замижъ иде,
Хто въ хату зъ сватамы впросывся.

Пишла по-мижъ люде та висть,
Козакъ молодой ии чуе,—
Його серденятко болыть,
И тяжко винъ, бидный, сумуе.

Стари и нови си писни,—
Не знаю, якъ людямъ здається!
А я, якъ почую про ихъ,—
Кругъ сердца, мовъ гадына веться.

Мыкола Андреевичъ
Вербицьный.

Вербицький Мыкола Андреевичъ (псевд. Мыколайчыкъ-Билокопытый), бувъ учителемъ въ Черныгови, Орли та Рязани, почавъ писать у 50-тыхъ рр. лирычны поэзи.

О ДОМУ.

Далекая дориженька
Гадюкою вьється...

Знову сердце оживае,
И знову сміється.
Ой округы хуртовина
Плаче, завывае,
А на души ясне сонце
Мени знову сяе.

Зъ далекого, чужого краю
До-дому знову завываю,
И маты ридну—Украину
Побачу знову; одъ себе
Не прожене мене... Тебе
Побачу знову, мій ты раю,
Мій батько ридный—степь безъ краю!

И на тебе, Днипро-дидусь,
Погляну знову; подивлюсь
На ти роскоши, ти долины,
Де тилько мріють домовыны
Дитей козачыхъ,—ти могылы,
Де сплять народни наши сылы
И—наче слова правды ждуть...
Нема його!—Лита идуть,
Проходять марно... Україно!

Моя нене мыла!

Дасы мени серце нове
И новую сылу,
Щобъ зъ братамы за ту правду
Одностайне статы,
Бративъ моихъ, меньшихъ бидныхъ
Розуму навчаты;
Щобъ изъ нымы наше давне
Лыхо одбуваты;
Щобъ изъ нымы шырымъ серцемъ
Господа благаты....
И розійдеться та хмара,
И биля виконця
Мы у свой ридній хати
Дождемося сонця.

ВЕСНЯНКА.

Иде весна, иде красна,—
Земля оживае....
Ждемо, ждемо доли-воли—
Немае, немае!
Тече ричка широкая
Скризь по-пидъ горою:—
Ой поплывла наша доля
У пlynъ за водою!
Повій, повій, буйный витре,
На часъ, на годину!
Ой, верны намъ нашу долю
Зновъ на Украину!
Ой не віе буйный витерь,
Ледве подыхае...
Знову доли выглядаетъ,
А доли немае.
„Браты мои, товарыши,
Орлы молодіи!
Осидлаймо, браты мои,
Кони вороніи,
Та пойдьмо на тихъ коняхъ
По широкимъ полю,
Здоганяты, перейматы
Козацькую долю!
Запытаймо долю-волю,
Де вона блукае?
Попрохаймо—нехай до насъ
Въ гости завытае.

Рй квичотка пидь росюу нагынаеться;
 Дивчынонька надь козачомь насмихаеться:
 — „Шкода тоби, козаченьку, залыцятыся!—
 Намь зь тобою, мое сердце, не побратыся.
 Геть-геть, далій, козаченьку, одчепысь
 И до мене, молодои, не горнысь!
 Бо я зроду недолюдивь не люблю—
 Свого вику за тобою не згублю....

Въ мене душа украинська,
 Щыре сердце въ грудяхъ—
 Мени щырый украинець
 Й дружыною буде;
 Бо я—дочка Украины,
 И не забуваю
 Свою матирь: щырымь сердцемь
 Ии поважаю;
 А ты, сердце-козаченьку,
 Хочь ты й любый, й мылый,
 Забувь есы свою матирь,
 Орле сызокрылый!
 Маты плаче—въ тебе-жь сердце
 Не стогне, не бьеться,
 И до неи щырымь словомь
 Воно не озветься.
 Не поможешь, не порадышь
 Ты матирь старую,—
 Ты не любишь, не шануешь
 Правдоньку святую.
 Геть-же, геть-же, козаченьку,
 Геть, мое коханья!
 Шкода, сердце!—марне буде
 Твое залыцяння“.

Володымыръ Шашкевычъ.

Шашкевычъ Володымыръ, поповычъ (сынъ Маркіяна), род. 1839 р. въ Галычыни, skinчывъ Львивський университетъ; лирычны поэзіи його друковалыся въ „Основи“ (1861 р.), „Русальци“ (1866 р.) та въ инш.; ум. 4 лютого 1885 р.

НЕ ЧУЖОГО МЫ БАЖАЕМЪ.

Середъ поля широкого
Дубецъ вырастае;
Ой тымъ полемъ на воронимъ
Молодець гуляе.

Віють витры, віють буйни,
Ажъ дубъ похылывся;
Скажы, скажы, козаченьку,
Куды ты пустывся?

Чы ты йидешъ въ Туреччыну
Хрыстьянъ вызволяты,
Чы ты йидешъ на Вкраину
Воли добуваты?

Не пиду я въ Туреччыну
А ни на Украину;
Видь могылы до могылы
Соколомъ полыну.

Полыну я, полыну я—
До могылъ прыляжу,
Батькамъ нашимъ всю тяженьку
Недолю розскажу.

Розскажу я наше горе,
Наше лыхолиття,—
Теперь, скажу, сердешніи,
Поблагословите!

Благословить! погуляемъ
У чыстому поли:
Не чужои мы шукаемъ,
А своеи доли!

Не чужого мы бажаемъ,
А своего права:
Де полягла, тамъ воскресне
Наша руська слава!

Осыпъ

Федьковичъ.

Федьковичъ Осыпъ
род. 8 септня 1834 р. на
Буковини; першый збир-
ныкъ його поэтычныхъ
творивъ выдано у Львови

1862 р.; померъ въ Чернивцяхъ (на Буковини) 1887 р.; творы його
выдано 1875 р. въ Кыви.

БРАТЬ ТА СЕСТРА.

Не зозуля въ лиси затужыла,
Не пташына въ тузи голосыла,—
То сестрычка лысть пысала,
На чужыну посылала,
Та й до брата слизно промовляла:

„Брате мылый, брате-соколоньку,
Ты покынувъ сестру сыротоньку,
А я ходю—поклыкаю,
Якъ зозуля въ темнимъ гаю:
Ой верныся зъ далекого краю!“

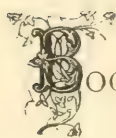
— „Сестро моя, сестро моя-руто!
Якъ я могу до тебе вернуты
Черезъ лисы темнесеньки,
Черезъ рики быстресеньки,
Черезъ степы ривни-ривнесеньки?“—

„Гаемъ—маемъ, лебедемъ—Дунаемъ,
А степамы—швыдкымъ горностаемъ,
А на мое подвиренько
Пады швыдкымъ соколонькомъ,
А голубомъ на мое серденько!“

— „Ой летивъ я симъ день та й годуны,
Прылетивъ я до сестры въ гостыну,
Прылетивъ я та й гукаю,
А сестрычки не выдаю:
Ой мабуть я вже сестры не маю!“

— „Сестро жъ моя, леліенько била!
Скажы мени, де ты ся подила?“—
„Въ гаю, брате, въ гаю, въ гаю
Та у ями пробуваю,
Все про тебе розмовоньку маю“.

ВОСКРЕСНЫ, БОЯНЕ!

Воскресны, Бояне, прѣсвитлый спиваче!
Та де-жь ты такъ довго кочуешь?
Давно вже по тоби Славянщина плаче,
А ты насъ, Бояне, не чуешь?

Воскресны, воскресны, вже лито надходить,
Вже зоря намъ ясна свитае,
Лышь сонце на неби безъ тебе не сходить,
Бо сонце на тебе чекае.

Воскресны, Бояне, воскресны: чы чуешь,
Якъ пташка гаямы голосить,
А ты десь въ могыли, у темній ночуешь,
Не чуешь, зозуля тя просыть?

Воскресны, воскресны въ щаслыву году,ну,
Воскресны, Бояне, нашъ друже,
Прыбуди изъ могылы у нашу гостыну,
Нехай такъ пташына не тужыть,

Най пташка не тужыть, зозуля не куеть,
Най такъ соловіи не плачуть,
Най руськая земля Бояна учуеть,
Най руськи сыны й'го забачуть!

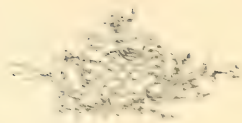

Пречыста Диво, радуйся, Маріе!
 У сыне море сонце ясне тоне,
 И свое свитло, нібы кровь, червоне
 По всій краіні доокола сіе;
 А тамъ зозульку въ гаю десь чуваты,
 А тамъ дзвіночокъ ставъ селомъ куваты,
 Тамъ въ борі витерьъ лыствомъ шелевіе:
 Пречыста Диво, радуйся, Маріе!...

Пречыста Диво, радуйся, Маріе!
 Онъ молодъ жовняръ лягъ си на мурави,
 Лычко студене, шаты' му кровави,—
 Розстриленъ ныни. Бо самый не вміе,—
 Камратя яму темну' му вкопалы,
 И на спочынокъ, бідного, въ ню склалы:
 Уже не скаже, якъ звинокъ запіе:
 Пречыста Диво, радуйся, Маріе!...

Пречыста Диво, радуйся, Маріе!
 Пидь плотомъ сила удовыця-маты,
 До себе тулыть бідне сыротяты
 И плаче ревне, серденько ій мліе,—
 Ба вже не плаче, вже и не голосыть,
 Склоныла гóловъ, бильше не пидносять,
 Зорныци плачуть, а звинокъ ниміе.
 Пречыста Диво, радуйся, Маріе!...

Пречыста Диво, радуйся, Маріе!
 Тамъ онде блудыть сплакана дытына,
 Безъ тата, мамы, бідна сыротына,
 Ничо' не йило, душечка' му мліе,—
 И хоче въ хату, бідна, навернуты,—
 Господарь псамы травыть його, чуты:
 Верескло, спало, кровь ся зъ нижкы лые...
 Пречыста Диво, радуйся, Маріе!...

ДВЕРТЫРЪ.

Рй сивъ же винъ пры столыку, пры свитли, думавъ.—
Пысанячко дрибнесеньке, а винъ 'го чытавъ.
Пысанячко дрибнесеньке, лыточокъ—якъ снигъ.
Склонывъ же винъ головоньку къ столови на ригъ.
„Ой, ненечка старенькая ми пыше въ одно.
Що тамъ зима тяженькая, а й студено;
Нема, нема ии кому врубаты дривецъ,
Бо й сынокъ—одень въ дому—цисарскый стрилецъ“.
И схопывся, якъ полуминь; полетивъ, якъ птахъ,
А витерь 'му не йде въ догинъ, бо годи 'му такъ;
Бо винъ летыть до матоньки старои домивъ,
Дривецъ ии врубатоньки, 'бы хату нагривъ.

Василь Мова.

Мова Василь (псевд. В. Лыманський) почавъ писать зъ 60 р.; окримъ поэзіи, писавъ повисти, драмы и наукови розвідкы; умеръ 1891 р.

ТРИ ДЕРЕВИНЫ.

Зимою у-купци на краи долины
Стоять на узлисси ажъ три деревыны.
И перва въ тій купци—высока сосна,
Що саме у зиму зелена й рясна.
Про литечко ясне сосныни байдуже—
Тогди вона жовта, сумна и недужа.
И друга въ тій купци стоить деревына—
Гнучка та висока тополя-раина.
Ій лыстячко витромъ холоднымъ обдуто,
И витонькы голи у крыгу окуто,
И думка одна ій не сходить зъ ума:—
Колы то мынется лыхая зима?
Колы то весняне живуче тепло
Увильныть видъ крыгы ій виты й стебло,

Та щедро одягне у лыстя рясне,
Зелене та нижне, хороше, ясне?
Колы то въ роскошахъ красою засяе,
Уклонамы витра зъ тепломъ привитае,
Тонкымъ верховиттямъ у неби заграе,
И писля незгоды, стражданья и сну
Вона засоромыть красою сосну?...
И третя въ тій купци стоить деревына—
Розложыста, била, ярка березына.
Та голіи виты у крыгу закути,
Даремно у-ростичъ теперь розипнути,
И гордого шуму видъ неи нема—
Замкнула уста ій лыхая зима!
И жалибно стогне и бьеться вона:
Колы то настане весела весна,
Изъ проминемъ яснымъ, зъ живушымъ тепломъ,
Й одягне ій виты тремтучымъ лыстомъ,
И гордо вона ихъ по витру розносыть,
И шумомъ сердытымъ лисы оголосыть,
И гордую пыху сосныны нарушыть,
И гоминъ сосновый забье и заглушыть.

.....

Але ще далеко живуща весна—
И гордо пануе зелена сосна,
И сумно куняе тополя-раина,
И рветься та стогне ярка березына...

1874.

Сьдиръ Воробневычъ.

Воробкевычъ Сьдиръ
(псевд. Даныло Млака)
род. 5 мая 1836 р. въ
Чернивцяхъ, скинчывъ уни-
верситетъ у Львови; по-
чавъ литературну діяль-
ність 1863 р.; пыше эпични

и лирычни творы, исторычни поэмы, повисти и оповидання; на Буко-
выни видомый композиторъ.

И Д Н А М О В А.

Мова ридна, слово ридне!
Хто васъ забувае,
Той у грудяхъ не серденько,
Но лышь каминь мае.
Якъ ту мову можь' забуты,
Котрою учыла
Насъ всихъ ненька говорыты,
Ненька наша мыла?!

* * *

Якъ ту мову можь' забуты—
То-жь звуками тымы
Вы до Бога мольбы слалы
Ще дитьмы малымы!...

У тій мови вы спивалы,
Пры гри розмовлялы,
У тій мови вамъ мынувшисть
Нашу видкрывалы.

* *
*

Ой тому плакайте, диты,
Ридненькую мову,
И учиться говорыты
Своимъ риднымъ словомъ!
Мова ридна, слово ридне,—
Хто васъ забувае,
Той у грудяхъ не серденько,
Но лышъ каминь мае!

НА ЧУЖЫНИ.

Буковыно моя мыла,
Мій солодкый краю!
Якъ за тебе, сиротыно,
Нышкомъ погадаю,
То заплачу жалибненько
На чужій сторонци,
Бо тутъ вяну и всыхаю,
Якъ лыстокъ по сонци.

Ридне слово тутъ не чую,
Пустка тутъ усюды,
Тутъ не наши щыри руськи,
Но чужіи люде.
Тутъ ни друга, ни родыны,
Ни ридной хаты,—
Тяжко, Боже, на чужыни,
Викъ свій викуваты...

Якъ-бы крыльця соколовы
Мавъ я, сиротына,
Полетивъ-бы, де зелена,
Люба Буковына,
Де Прутъ, Черемшъ, де Быстрыця,
Де горы Карпаты...
Въ Буковыни мыло жыты,
Мыло й умыраты...

Е Ч И Р Ъ.

Сонце вже сховалось
За высоки горы;
Тыхо все дримае:
Лугъ, диброва, боры;
Дзвіночокъ тамъ чуты;
Мисяць небомъ сяе;
Въ лисочку маленький
Соловій співае.

* * *

Витрець протягае;
Поточокъ шепоче;
Яскраво сіяють
Зори середъ ночи;
Смерека заснула,
Береза дримае;
Вивчаръ на сопилци
Сумно выгравае.

* * *

Свить—якъ церква Божа!
Мырно, тыхо всюды...
Видь роботы-труду
Спочывають люде.
А мисяць, якъ сторожъ,
На свить поглядае,
Тишыться, сердешный,
Що все спочывае.

*Володымырѣ
Степановычѣ
Александровѣ.*

Александровъ Володымырѣ Степановычѣ, поповычѣ, уродывся 1825 р. въ слоб. Бугаивци, Изюмського повиту, скинчывъ Петербурзську медычну академію, бувъ дивизіоннымъ ли-

каремъ; пысавъ чымало пырчныхъ виршивъ, переклады зъ Святого Пысьма („Тыхомовни спивы на святи мотивы“), драмы, опереты: „За Немань иду“ и „Ой не ходы, Грыцю“; умеръ 1893 р.

ТРИТЧА ХРИСТОВА ПРО СІЯЧА.

„Се изыде сѣяй, да сѣть“. Мѣ. XIII, 3-9.

Рсь выйшовъ, щобъ сіяты, сіячъ у поле и сіявъ...
И витерь зерно йому всюды розвіявъ:
Багато упало його край дороги,
То тамъ и попало прохожимъ пидъ ноги;
И хыжая птыця зъ степивъ налитала,
До-долу спускалась и зерна клювала.

Немало зерна въ камъяныстую землю лягло
И, доброго корня не давшы, зйшло;
А сонце о-пивдни його прыпалыло,
Гарячымъ проминнямъ його прысушыло,
И бидне пожовкло... Пожовкло й завьяло:
Земли пидъ кориннямъ було йому мало.

А де-яки зерна то витерь вхопывъ и понисъ
Въ бурьянъ нависный, що й несіяный рисъ;
И тамъ-бы то ихъ мовъ гараздъ положывъ,
Та скоро бурьянъ ихъ зовсимъ заглушывъ.
Даремно тамъ дощъ пробигавъ полосою,
И зори кропылы тамъ землю росою:
Ти зерна лежать, мовъ росты не пора...
Немае видъ ихъ и не буде добра!

Котори-жъ зерна та въ добрую землю лягли,
То ти урожай шистьдесятъ або й сто прынесли.
Такъ, добра земля, якъ пора настае
Не тилько що йисты, ще й прыбыль дае;
И мовъ и сонце щадыть и не сушыть до-суха...
Всякъ, маючы уха, щобъ слухать, хай слуха!

УКРАИНСЬКА МЕЛОДІЯ.

Чисте небо ясно сяє,
Поле все якъ яръ зелене...
Здрастуй, степе—ридний батьку!
Здрастуй, Україно-нене!
Обійми мене, мій степе,
Обгорны мене навколо:
Я стою посередъ тебе,
Опустывшы сѹмно чоло.
Ой повій, повій ты, витре,
Видъ Днипра, видъ Запорожжя,
Та розвій мій жаль и тугу
По степу, на бездорожжя.
Любий степе! Ты не знаешъ,
Скільки смраду и болота
Въ нашимъ свити, де повсюды
Тилько фальшь, пыха, бидота!
Тамъ я втратывъ виру въ правду,
Умъ скаличывъ, въ тугу вдався,
И теперъ зъ розбытымъ серцемъ
Въ тебе, степе мій, подався!
Тяжко дыхать, въ грудяхъ тисно,
Мовъ тамъ жаръ лежить и тліє,—
Хай видъ тебе, ридный степе,
Прохолодою повіє!
Хай повіє тыхый холодъ
На мои гарячи раны;
Хай думки мои остудить,
Хай у мысляхъ тыша стане,—

Щобъ я змигъ той свить забуты,
Де пропало добродійство,
Де гнучка потрібна спына
Та умиле лыцемирство;
А, накланяшысь у волю,
И самому паномъ статы,
Та сховавши власный соромъ
Иншыхъ въ-четверо згынаты,—
Щобъ все те я змигъ забуты,
Щобъ видстало все видъ мене...
Степе ридный, ридный батьку!
Украино, ридна нене!...

ЕРЕСПИВЫ.

1.

РОЗБИТЕ СЕРЦЕ.

(Зъ немецкого).

Я бачывъ, якъ витерь березку зломывъ:
Кориння порушывъ, гилля покрушывъ,
А лыстя не вяло и свиже було,
Ажъ поky за гору вже сонце зайшло.

Я бачывъ—якъ серну пидстрелывъ стрилецъ:
Звалылася, бидна,—прийшовъ їй кинецъ;
Боротыся зъ смертю було їй не въ-мичъ,
Одначе боролась, поky зайшла ничъ!

Я бачывъ, метелькъ пораненый мливъ:
Крыльце перебыте на сонци винъ гривъ;
Ще трошкы пожыты на думци було,
И може поживъ-бы, та сонце зайшло.

На свити у кожного сонце свое...
Любенько жыветься, якъ сонечко йе;
А згасне те сонце—и жыты шкода:
На свити безъ сонця усе пропада.

Зо мною розсталась дружина моя:
Зостався на свити безъ сонечка я,
Одначе на себе якъ смерть ни зову,
А зъ серцемъ розбитымъ живу та й живу...

КЕДРЪ.

Въ холодній та дькій пивничній пустыни,
 Де бурямъ и впыну нема,
 Тамъ кедръ одынокый на горній вершыни,
 Обсыпаний снігомъ дрима.
 И бачыть у сні винъ далеку краину,
 Де сонечко сходыть святе:
 Сумна й одынока на цилу долину
 Тамъ пышная пальма росте.

СПИВАНКА.

Ты несысь, мій спивъ, зъ мольбою
 Въ небо долитай;
 Потай, легкою ходою
 Выйды, мыла, въ гай!
 У гаю шумыть невпынно
 Лыстя въ пизній часъ;—
 Тамъ нихто, моя дружыно,
 Не почуе насъ!
 Слухай, якъ гремыть, стыхае
 Писня соловья,—
 То винъ мылу выкыкае,
 Молыть, якъ и я.
 Въ писни тій любовъ палае
 И мольба сумна,
 И на душу навивае
 Рій думокъ вона.
 Не впынай-же ты любовы,
 Серцю волю дай,
 И на тыхую розмову
 Выйды, мыла, въ гай!

*****

Корныло Устыяновичъ.

Устыяновичъ Корныло урод. р. 1839 у Волкови, биля Львова, учывся въ Виденській академіи художествъ та Виденському университети; почавъ пысаты р. 1867; окрімъ лирыкы, пысавъ поэмы исторычни (мижъ нымы найкраша—„Ярополкъ“); Корныло Устыяновичъ пысавъ и прозою—повисткы, фейлетоны та ин.

ИМПРОВИЗАЦІЯ.

(Омельянови Паргыцькому).

Ходылы мы разомъ до школы,
Потимъ мы дружылы зъ тобою,
И—кождый на иншому поли—
Трудылысь для Руси розвою.
Багато вже праци за намы,
И наша сівба зеленіе,
И витерь колыше нывамы,—
Ще хвилька—и зерно доспіе.
Та мы того бачыть не будемъ,
Не будемъ збираты колосся!
Пора-бъ видпочыты вже грудямъ,—
Вже й снігъ намъ порошыть волосся.
И ляжемъ мы, брате, въ могылу,
Й не жалько намъ буде спочыты,

Лышь жаль намъ сю Русь нашу мылу,
Жаль ныву, якъ море, лышыты:
Встае якась буря, и громы
Ревуть свои страшніи писни...
Хто-жь вдарыть въ завитніи дзвоны?
Хто тучи розгоньть зловистни?
Ни, брате, ище не лягаймо,
Удармо у дзвоны: „вставайте!
Гримъ вдарывъ, занялось... вставаймо!
Не дайте Русь нашу, не дайте!“
А якъ отся буря просуне,
Якъ знову заблысне погода,—
Тоди вже кладимся до труны
Безпечни свободы народа.

Мынулись лита мои,
Лита молодіи;
Иде старисть тыхесенько
Морозыть надіи.

Остыгае кровъ юнацька,
Думка умирае,
Тилько серце ще трипочесь—
Любытысь бажае.

Шкода труду! Хто пидъ зиму
Зацвите квиткамы,
Тому дружба на весиллю—
Морозъ изъ снигамаы.

Усе мае свою пору,—
Опизнывсь, панычу!...
Вже дивчына—домовына
Тебе къ соби клыче.

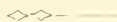

*Мыхайло Петровычъ
Старицькый.*

Старицькый Мыхайло
Петровычъ, дидычъ, урод.
1840 р. у с. Клищынцяхъ,
въ Полтавщыни, учывся въ
Кыивському университети;
почавъ пысать въ кинци

60-тыхъ рр.; окримъ лирычныхъ поэзий, напысавъ багато драматычныхъ
творивъ, оповиданъ, повистей и романивъ; основатель першої украин-
ської трупы.

ПОКЛЫКЪ ДО БРАТИВЪ СЛАВЯНЪ.

Чы довго ще кривди и гвалту тлумыты
Святе наше право розвѣю?
Невже не одной мы матери диты,
Невже—не браты мижъ собою?

* * *

За вищо-жъ зневага? Для чого не мыли
Братамъ наши щыри жадання?
Кого мы чипалы, кому мы вчынылы
Чы кривду, чы зле руйнування?—

* * *

Мы тилько боролысь за власную хату,
За те, що намъ дорого й ныни;
Бажаемо мы и теперь небагато—
Ридно́го розвою родыни!

* * *

Щобъ дума славутня и мова спивуча
Шырилы й пышалысь въ народи!
Мы всихъ прыгорнули-бъ до сердца охоче,—
Якъ-бы намъ хочъ трохи свободы!

* * *

Чому не ймешъ виры ты, брате Москалю!
Невже ты лякаешся зрады?
Зъ тобою недоли насъ кривне зйедналы,—
Не буде мижъ намы розрады.

* * *

Зъ тобою давно мы працюемъ на поли
Розросту науки й освиты,
Зъ тобою давно мы шукаемо воли—
Ии намъ зъ тобою дилыты.

* * *

А ты, брате Ляше,—невже пакъ до суду
Мижъ насъ буде нѣладъ невдячный?
Ой, скынь бо зъ очей ты сю давню полуду,
Та праведно глянь, необачный:

* * *

Мы тилько за наше лягали кисткамы,
Колы намъ чынылыся шкоды;
Николы не гралыся мы кайданамы,
Чужои не гнулы свободы!

* * *

Хай Чехъ оповида,—чы мы не стоялы
За волю братерню горою?
Та зъ Жыжкою-жъ вкupi диды наши дбалы
Й здобулы козацького стрю!—

* * *

Хай Сербынъ розкаже, чы мы не браталысь
Оружно зъ нымъ въ щасті и въ гори?
За виру, за волю чы-жъ мы не рубалысь
На горахъ, на поли, на мори?

* * *

Спытайсь у Словака—и той не згадае
Одъ насъ колы-небудь образы:
Злобы не було въ нашимъ серци й немае—
Мы хтилы-бъ загоиты вразы!

* * *

До згоды-жъ, до гурту, до-купы, Славяне!
Забудьмо днедавніи свары,
Вгаймуймо, братове, розладдя погане:
Встають бо на заходи хмары!...

* * *

Спізнаймося самы, вважаймо на брата—
Тоди насъ ништо не здолае;
Тоди не дамо мы Нимоти урваты
Ни цяты славянського краю!

* * *

Подаймо-жъ мы руки на вичне кохання
И крыкнимъ на бенкети згоды:
„Мы цилому свиту бажаемъ братання,
Порады, освиты й свободы!“

Ы В А.

Жей ты, ныво,—твого гону
Одъ Карпату ажъ до Дону!
Та широка жъ, якъ погляну,
Геть укрылась кылымамы,
Огорнулася лугамы,
Простяглася до Лыману.

Що жъ то, ныво, лыхомъ збыта,
Потомъ, кровію полыта,
Заподіялось съ тобою?
Не красуешся стогамамы,
Не пышаешся скыртамы,
А глушышся лободою!

„Охъ вы, жалибныкы диты,
Та не вамъ-бы й говорыты,
Колы самы марно спалы!
Де жъ булы вы? Чужи руки
Завдавали мени муки,
Репьяхамы засивалы“.

„Колысь добре я родыла:
Выростала зъ мене сыла

Ворогамъ на страхъ и горе!
А теперь я геть дычаю
И не бачу тому й краю,
Бо никто мене не оре!“

—Правда, ныво! За слъозамы
Не рушалы мы зъ раламы...
Гайда-жъ въ поле! Гыне ныва!
Додамо до працы руки:
Хочъ не мы, то може внуку
Дочекають того жныва!

О МОЛОДИ.

На васъ, завзятци—юнаки,
Борци за щастя України,
Кладу найкращі думки,
Мои сподиванки йедыни:

* * *

Въ васъ молода ще грає кровъ,
У васъ въ думкахъ немає бруду,
Палає въ серци ще любовъ
До обездоленого люду....

* * *

Не занежайте-жъ вы ии,
Не розгубить по свити все,
Нехай вона вашъ духъ гартує
У честній, славній боротьби!

* * *

Бо стоголовый людський катъ
Лютує—дужчає що-дныны...
Неможна тратыть и хвылыны,
Поки ще стогне темный братъ:

* * *

Поки живый,—мерщій несить
Слипому свитыво просвиты,
И въ серце, смертію повеите,
Жыву надію закропить!

* *
*

Вшануйте ридну його ричъ,
Назвить безъ хытроцы своею
И розжените надъ землею
Вы непрозору, глупу ничь...

* *
*

Най катъ жене, а вы любить
Свою окрадену родыну,—
Й за нею сылы до загыну
И навить душу положить!

ВЕЧИРЪ.

Вечиръ. Тыхо, ясно...
Зирочка зоріе...
Изъ садочка красно
Пахощамы віе;
Стелються сутини,
Туманы лягають;
Кетягы съ калыны
Въ викна зазырають;
Щось гуде струною
На бужку близенько;
Въ лузи за вербою
Тьохнувъ соловейко;
Писня одгукнулась
Зъ темрявого гаю...
Серце стрепенулось,
Змучене до краю:
Зновъ зрына жадання
Тыхои розмовы,
Щырого братання,
Вирнои любовы!

А ОЗЕРИ.

Якъ пышно тутъ! Покинувъ я весло,—
Нехай плыве нашъ човенъ за водою...
Мовъ занялось вогняною стягою
На заходи розтопленее скло.

* * *

А ни дыхне... Генъ-генъ туманъ густый
Вже огорта намиткою дибровы;
Зъ чола твого мовъ хвыли ти шовкови
Розсыпалысь пидъ проминь золотый...

* * *

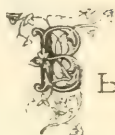
Не ворущысь! Твій образъ у води,
Мовъ намальований, хороший, якъ те небо,
Гойдається и знажуе до себе
У глубинь ту, въ безкраины блиди!

* * *

О, дивчыно! Кохаю и люблю!
Спынуть себе не маю бильше сылы,—
Хочъ—прыгорны, хочъ—у прозори хвыли
Я кынуть тутъ и лыхо потоплю!

1869 р.

Ы К Л Ы К Ъ.

Мичь яка, Господы! Мисячна, зоряна:
Ясно, хочъ голкы збирай...

Выйды, коханая, працею зморена,
Хочъ на хвылыночку въ гай!

* *
*

Сядемъ у-купи мы тутъ пидь калыною—
И надъ панамы я пань...

Глянь, моя рыбонько,—срибною хвылею
Стелеться полемъ тумань.

* *
*

Гай чаривный, нибы проминемъ всыпаний,
Чы загадася, чы спыть?

Онъ, на стрункій та высокій осычынни
Лыстя пестлыво тремтыть;

* *
*

Небо незмиряне всыпано зорямы—
Що то за Божа краса!

Перламы—зорямы тежъ пидь тополямы
Грае перлыста роса.

* *
*

Та не лякайся-но, що свои ниженькы
Вмочышь въ холодну росу;

Я тебе, вирная, ажъ до хатынонькы
Самъ на рукахъ однесу.

* *
*

Ты не лякайся, що замерзнешь, лебедонько,—
Тепло—ни витру, ни хмарь...
Я прыгорну тебе до свого серденька,—
А воно-жъ пълке, якъ жаръ.

* *
*

Ты не лякайся, абы тутъ та пидслухалы
Тыху розмову твою:
Ничка поклала всихъ, сономъ окутала—
А ни шелесне въ гаю!

* *
*

Сплять ворогы твои, знужени працею,
Насъ не сполоха ихъ смихъ...
Чы-жъ намъ, окривдженымъ долею клятою,
Й хвыля кохання—за грихъ?

1870 р.

Л Ь О З А .

Чы пам'ятаешъ, якъ зъ тобою
Прощавсь я пизньою добою?
Вечирня зиронька зійшла
Въ безодни сынїи надъ горою,
По-надъ дибровою нимою
Якась пташына проплывла...
На сходи десь чорнила хмара...
А ты, блида, якъ та прымара,
Стояла зъ смуткомъ на чоли,
Ламала рученькы свои
Въ нимїи скорботи—и розвагы
Тоби подать не мавъ я звагы...
Майнула хвыля, часъ наставъ,
И мовъ огонь якыйсь зайнявъ
Въ твоихъ очахъ ненатли муки:
Свои знеможенїи руки
Кругомъ мене ты обвела
И тяжко, тяжко зарыдала...
Моя ты зоре! Чы ты знала
Якъ та сльоза мене пекла?
Мынули роки; сивый волосъ
Морозыть голову, а я
Усе блукаю по гаяхъ
Та чую твій надбытый голосъ,
И доси рвїйне й гарячѣ
Твоя сльоза мене пече!

1887.

ПЕРЕДЪ ТРУНОЮ.

Яка манисинька лежышь ты у труни,
Моя зорыночко досвитня, яснозбра!
На заходи блыснула ты мени
На жаль тяжкый, на невымовне горе!
Якъ квитонька, пидризана серпомъ,
Ты полягла зарання въ домовыни...
Ты свитови несла новый псаломъ,
Хотила стать проты його гордыни;
Але та гáдына—могуща и жыва...
И ось, твои схрестылысь руки били,
Заквитчана барвинкомъ голова,
А зъ-пидъ винка, шовкови, темни хвыли
Розсыпалысь на пóдушци кругомъ;
Мижъ ныхъ чоло, мовъ мраморомъ, биліе,
Склепылыся очыци тыхымъ сномъ;
Отемрылы ихъ пышни довги віи,
И тинь одъ ныхъ стрилкамы полягла,—
Якась-то думонька таємна пидвела,
Мовъ зъ пóдыву, твои тоненьки бровы...
Про що вона? Скажы мени, промовы!
Чы не сподіялась такого ты кинця?
Чы жаль жыття—тернового винця,

Який тобі диставсь одъ злои доли?
Чы й тамъ нема ни щастя, а ни воли,
За що боролася, сердешна, на земли?
Подай хочъ словонько йедыне ты мени,
Розважъ нудьгу остатньої надіи!
Але мовчать твои уста блідіи,
Смертельна байдужисть на выду...
А я стою, знеможений одъ горя,
Мовъ каминь той середъ нимого моря,
И видъ тебе очей не одведу!

ДОЧКА ЈЕФАЯ.

Жоли доля велыть полягты за свій край
Въ несподивану ранню могылу,
Ты, мій батьку святыи, сердце скорбне втрымай:
Моя смерть дасть отвагу и силу!

* *
*

Въ нетремтячій руци поведы мене самъ
До тиі катовоі соковы...
И безъ жалю, безъ слізъ похылюся я тамъ,
Зъ сердцемъ, повнымъ надіи та выры,

* *
*

Що одужа народъ, не знесе бильшь ярма
И розправыть натружени груди,
Що на рідній земли просвитлиша питьма,
Правды сонце засяе повсюды,—

* *
*

И на вильныхъ поляхъ въ свою землю ратай
Кыне зерна добирного жыта,
И красуня дочка той збере урожай,
Не даючы напастныку мыта...

* *
*

Васъ, дибровы, гаи, у одежи рясній
Не побачу я въ щасну годину;
Але кривный мій людъ въ свой згадци ясній
Спомьяне и мою домовыну...

* *
*

Задавы-жь, батьку мій, ты слёзу на очахъ,—
За край ридный прыймы мою плату:
Подывысь, я сама, знеповажившы страхъ,
Смило йду, зъ яснымъ окомъ, на страту!

1882 р.

— — — — —

ДВА ПРОВОДЫ ДРУГУ.

Уы доведеться, мылый друже,
Зь тобою здыбатысь, чы ни?
Чы сердце стомлене, недуже
Поляже въ иншій сторони?
Въ тяжку хвылыну розставання,
Здавалось,—весело пылы
Й ширококрыли сподивання
Тоби на проводы неслы;
Але въ ричахъ тремтивъ нашъ голось,
Схылявся коженъ надъ столомъ,
Немовъ тяжкый, достыглый колось,
Пидбытый въ корини серпомъ...
Такъ горе нышкомъ пидкрадалось;
Хтось писню весело завивъ,
Але-жъ и въ писни тій, здавалось,
Лунавъ, мовъ зь похорону, спивъ...
И часъ наставъ; мы обнялыся:
„Прощай, апостоле, прощай!“
Ты сполотнивъ—и полылыся
У тебе сльозы невзначай...
„Прощай ненадовго!—Надія
Нась ошукала, брате мій...
И доси всюды гвалтъ шаліе
Въ напасти лютій та слипій...

Колы-жъ мы стринемось съ тобою,
Скажы, мій друже, ты мени?
Колы, ощажени злобою,
Воскреснемъ въ ридній чужыни?

1876.

МОТАЙНИ УЧЕНЫКЫ.

„Всяка вина простится, вина-же
противу Духа свята не простится во вѣ-
ки“. Ев. отъ Луки.

Мы тамъ были... Його розп'ялы,
А мы дывылысь оддали,
Та обережливо мовчали,
И въ глубыни души ховали
Свои незважени жали.

До насъ прысикалысь словами:
„Повынно, й вы тii-жъ руки—
Адже-жъ были Його друзямы?“
Мы видцуралыся зъ клятьбама,—
И пивень крыкнувъ здалека.

Воны замучылы Мессію...
Усе простывъ Винъ ворогамъ;
Винъ душогубу, лыходію
Въ раю зустрітысь давъ надію...
Та чы простывъ же Винъ друзяма?

1883.

НА НОВЫЙ РИКЪ.

Мынае рикъ... нудный, окрытый млоу,
Безъ радощивъ, безъ ясныхъ навить днивъ...
Мовъ каганецъ, засвиченый безъ лою,—
Винъ не горивъ, а тилько-но чадивъ
И чадомъ тымъ давывъ намъ сердце кволе,
Знесылювавъ сподиванкамъ крыло...
Не чулыся, якъ ридне наше поле
Морозъ скувавъ и снигомъ занесло...
Але дарма!... Пиднимемъ чаркы вгору,
Щобъ пережить сю безпросвитню пору!

Мынае рикъ... ступинь зновъ до могылы,
И постаривсь на рикъ ще знову свить!
Пидбылысь мы, дасть-Бигъ булои сылы,—
Розгублена въ дорози зныклыхъ литъ;
Про те, хочъ нашъ прыпавъ морозомъ волосъ,
Хочъ тугою й прыгничене чоло,
А все-жь поky тремтыть у грудяхъ голосъ,
Мы крыкнемо, якъ въ давни дни було:
„За розвытокъ народнього утвору,
За слово-те—пиднимемъ чаркы вгору!“

Мы чесно йшли, любылы шыро брата,
Кохалыся въ добри його души,
И вирылы, що прыйдуть колысь свята—
Прогляне свить у сій нимій глуши...
Що жъ?—хочъ думкамъ не сталося простору,
Але за ныхъ пиднимемъ чаркы вгору!

Мынае рикъ... и въ темряви безодни
Несе людськихъ багато слизь и мукъ...
И ридшають все сіячи народни,
На трудъ тяжкій не выстачае рукъ,
И не рясне зибралося насъ ко́ло:
Одни лягли въ труни нечасовій,
Други—за те, щобъ выще драты чо́ло,
За ласоци, велькопанський гній—
Запродали свою святую виру...

Але знайшлысь и кути зъ крыци груди,
Зъ якихъ беда кресала лышь вогонь:
Воны неслы безъ ляку свитло всюды
И въ боротьби не стали осторонь...
Роскыдани по нетряхъ несходимыхъ,
На чужыни, въ тяжкій самотыни—
Воны болять лышь за бративъ родимыхъ,
Воны скорблять по ридній сторони
И думкамы вытають насъ въ сю пору...
Пиднимемъ же за ныхъ чаркы мы вгору!

1877.

* * *

Темно. Лись. Якись прымары...
Ни тропы, а ни шляху...
Крыють небо збыти хмары,
Ничь отемрюють лыху...
    Витерь вые псомъ голоднымъ,
    Мряка риже по выду,
    И пидъ тымъ дощемъ холоднымъ
    Я до цвынтаря бреду...
Розикралы всю поклажу,
Окримъ сердца й головы,
И теперь на путь сю вражу—
Порожнисиньки саквы!
    А булы воны зъ-зараня
    Вщертъ заповнени, якъ тра—
    Й наукового надбання,
    И душевного добра,
И кыпячыхъ сыль безъ миры,
И хорошихъ красныхъ мрй,
И святой въ правду виры,
И нехыбленихъ надй,
    Що шляхомъ отымъ широкымъ
    Рушыть дружество ряснэ
    И щаслывымъ, свитлымъ окомъ
    Стрине сонечко яснэ.
А шляху усе немае,—
Теминь, пуца, лись кругомъ...
И докирливо кывае
Сбсна стрипанымъ чоломъ...

О Э Т У.

Якъ ничъ, насовується туча
И млюю небо покрыва,
Грюкоче гримъ, а буря злюча
Дубы зъ кориннямъ вырыва,
Здіймае, гонять хвыли-горы
На почорнилимъ, лютимъ мори,
Реве и стогне, и рыда,
И човна бидного гойда
По-надъ безоднею хысткою...
Пловець, погынешъ въ боротьби!
Куды й боротыся тоби
Зъ тією сылою слипою?—
Не одного борця вона
Уже порынула до-дна!

* * *

Пидь заверюху и негоду,
Середъ буюння въ свити зла,
Чы не питы въ свою госпуду,
Чы не зложыты й намъ весла?—
Замкнуты серденько видъ мыру
Й наладнуваты свою лиру
Для власныхъ мукъ, для власныхъ слизъ,
Для потайныхъ лыше погризъ,—
Бо тамъ на шарварку людському,
Де братъ на брата точыть нижъ,
Де повселюдно йде рабижъ,—
Тамъ не чутно буде никому,
Середъ гармыдеру й турботъ,
Моихъ писэнь, моихъ скорботъ!

* * *

Ни, трычи ни! Хай краще струны
Порве мій стогинъ нависнѣй!
Колы кругомъ въ дочасни труны
Борцивъ лягае гуртъ тиснѣй,
Колы юнацька сыла вяне,
А тамъ сміється щось погане,—
Не про кохання, не про рай,
Спивачу, голосно спивай!

* * *

Не бѣйся вражою наругою:
Зъ святымъ вогнемъ иды туды,
Де панування скруты, тугы
Та виковичнѣоу биды...
Спивай, рыдай и будь готовый
Замість лаврового—терновый
Винець узяты на чоло...
Нехай роздавить тебе зло,—
Але що смерть?—Хвылынна страта,
А дали слава голосна...
Той умираты лыше зна,
Хто зна любыты свого брата—
И за таку тилько любовъ,
Спивець, ты жыты будешъ зновъ!

1882.

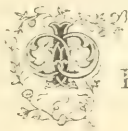

Петро Ивановичъ

Нищынський.

Нищынський Петро Ивановичъ, сынъ дьяка, урод. 1832 р. въ с. Неменци Лыповецького пов., въ Кывищныни, учывся спершу въ Кывивській семинаріи, а пился скинчывъ (1856 р.) универсытетъ въ Афынахъ; бувъ учителемъ грецькой мовы въ рижныхъ середнихъ школахъ въ Росыи въ протязи 25 литъ; переклавъ зъ грецькой мовы на украинську „Антигону“ Софокла, „Одиссею“ и 12 писень „Иліады“ Гомера. Зъ музыкальныхъ композицій йому належать: „Вечорныци“ и репродукція народныхъ думъ „Козакъ Софронъ“ и „Байда“; умеръ 1896 р.

РАГМЕНТЫ.

I.

Й^есть на свити пребагато усякого дыва,
Та дывнйшого немае, якъ душа мыслыва:
Ревуть звири, шумлять воды, буйный витерь дуе,
А надъ нымы надъ усимы чоловикъ царствуе.
Колы звиръ де йому вадыть—капканъ наставляе,
А по морю, то й зимою, якъ литомъ шмыгае.

Якъ же часомъ розреветься не въ пору буйненькый,
Винъ на тее не вважае—соби веселенькый.
Витерь гне, ламае вербы, а йому й байдуже:
Сыдыть соби та спивае: „ой не шумы, луже“,
И сырую матиръ землю що-рикъ розрывае,
Або плугомъ, або раломъ,—все жнытво збирае.

II.

* *
*

Розумнйшый мижъ тварямы Бога
И вдатный до всего й на все чоловикъ;
Та ба!—винъ сьогодни спишыть килько мога
До честы, а завтра въ багни весь поныкъ!...
Сьогодни винъ виры и царства пыльнеу,
И мудри законы на ныхъ выдае;
А завтра, никчемный, геть все поруйнуе,
Збагныть, занехае, потопче, побье!
Но злого такого якъ Богъ, такъ и люде
Цураються завше, и гине винъ самъ;
Такому немае, не було й не буде
Добра ніякого ни *тутъ*, а ни *тамъ*!...

III.

* *
*

Не можна намъ вику людського,—якъ йесть винъ
Щасливый, чы може зъ бидою спизнався,—
Ни дуже хвалыты, ни ганыты дуже;
Фортуна, бачъ, зрадныця, всяку людыну
То вверхъ разъ пидйме, то зновъ пидламае.
Що-жъ послы складеться и якъ воно буде,
Того одгадаты нихто не зуміе...

IV.

* * *

Даслыви тилько ти зъ насъ,
 Котри всю жызнъ биды не знали;
 Но горе тымъ, чій димъ хочъ разъ
 Нещастямъ боги покаралы.
 И якъ то кажутъ, що беда
 Одна никола не приходитьъ,
 Такъ тамъ беда одъ прадида
 Биду до правнукивъ приводить,—
 Такъ само, якъ на мори валь,
 Пивничнымъ буйнымъ витромъ спхнутый,
 До самыхъ до полуднихъ скаль
 Сердыто гонить хвыли здути...

V.

* * *

Збирайтесь до купы мерщій, громадяне,
 Багати и бидни, стари и мали;
 Збирайтесь, лыкуйте, бо вже не завьяне
 Лавровый виночокъ на вашимъ чоли...
 Мынулося горе й велькая слава
 Покрыла нашъ городъ, покрыла и насъ;
 Й сю славу *Повида*, богыня ласкава,
 По всьому геть свиту розносыть въ сей часъ.
 Зберитесь-жъ, Өывяне, хутенько—пыльненько,
 Ходимъ на всю ночку молыться у храмъ;
 И тамъ уси разомъ, обнявшысь гарненько,
 Хвалебну затыгнемо писню богамъ!...

Олена Пчилка (псевдонимъ).

У С Т Ы Н А .

(Зъ поэмы „Козачка Олена“).

Пролитала зозуленька
Черезъ ясный биръ,
Завитала дивчынонька
До козака въ двиръ.
„Здоровъ, мылый, чернобровый!
Чы мене пизнавъ?
Якъ изъ иншою звинчався,
То ще-жь не стривавъ!...
Та не схылай головонькы,—
Не корыть прыйшла;
Була-бъ довга та розмова,—
Годына-жь мала:
Уже стоить осидланыи
Твій кинь воронецъ, —

Треба хутко знаходьты
Розмови кинець...
Одйизжаешъ ты, козаче,
У непевну путь,—
Доведеться тобі може
И руки згорнуть!
То-жъ колышня твоя мыла
Прощатись прыйшла,
Та гостынця на прощання
Тобі принесли:
Пам'ятаешъ мережану
Хустыну мою?
На весилля готувала,—
Сього не втаю...
Не здалася хустиночка
На весилля намъ;
Але-жъ,—тобі готувала,
Тобі и видамъ!
Нехай здасться хустиночка
Не на те, щоби гныть,—
А для славы козацькою,
Сидельце укритъ.

Колы-жъ будешъ незрадливимъ,—
Хай доля сприяе,
Нехай щастя ся хустина
Тобі привертае!
Повертайсь тоди изъ вйськомъ
Въ годину щасливу,—
Хай росчеше твоя жинка
Конькови гриву!...
Колы-жъ въ дилови святому
Зрадышь, козаченьку,—
Хай, вертаючысь, натрапышь
На злу дориженьку.

Хай тоди у чыстимъ поли
Марно ты загынешъ
И хустыною моею
Руки соби вкрыешъ!
Памьятай же тее слово,
Що тутъ говорила,
Якъ прыходыла прощатысь
Незвинчана мыла!“

По тій мови пишла зъ двору.
Тыхо бия хаты,
Тилько чутно, якъ голосыть
Жинка у кимнати...

ВОЛЫНСЬКИ СПОГАДЫ.

Волынь незабутня, краино славутня,
У пышній краси ты красуешь;
Здавень твою бачу украинську вдачу,
Здавень мою душу чаруешь!

Я ридную мову, ту люблю розмову,
Въ краяхъ твоихъ всюды вчуваю;
Те слово живуще, вики невмыруще,—
Я скризь въ тоби серцемъ вытаю.

И зъ словомъ жаданымъ та зъ людомъ коханымъ
Йєднаешь ты въ серцю моему
Ти спогады ясни про мыли та красни
Куточки въ обшыри твоему.

Йесть инши мижъ нымы, зразочкамы тымы,
Що душу мою прыкували,
Що мылую вроду, знаему подобу,
Зъ жыттямъ твоимъ писню зйедналы.

Я иншу мистыну, якъ люблю году,ну,
У думци никола не страчу,
Въ бездушнимъ простори, у мертвимъ околи—
Жыве свое серце тамъ бачу:

У блысканню ричкы, въ ясній невеличкйй,
Облыччя ввыжаються явни,
У гомони гаю, въ зеленимъ розмаю
Розмовы вчуваються давни....

Въ затышнимъ куточку, немовъ въ сповыточку,
Заснулы годинонькы мыли,
На камени сиримъ, здавень обвитрилимъ,
Мовъ роки прыковани цили.

ОНЕТЪ.

Мынула молодисть!... мовъ писня прошумила!...
У думахъ смутно я схыляюся чоломъ,
Я чую смерть, неначе вѣ вже крыломъ
И заглядае въ очи ии постать била.

Се ты, нирванно, вичная, сумна, немыла?...
Безсылый чую жахъ передь твоимъ лицемъ.
Пожды! не поспишай зъ смертельнымъ тымъ винцемъ,
Нехай моя до-долу ще не пада сыла!

Нехай на любу Украину надывлюсь,
Мій поглядъ проминемъ святымъ палае,
Нехай зъ братамы ще я словомъ подилюсь,
Хай писня тая ще по свиту погуляе.

Нирванна десь туманомъ повылась;
Изъ мого серця писня знову полылась.

Иванъ Манжура.

Манжура Иванъ уродився 1851 р. въ Харькови, учився въ Ветрынарному институту, почавъ пысать въ 70 р.р.; 1889 р. выдано його „Степови думы та спивы“ въ Петербурзи; працювавъ по этнографіи; умеръ 1893 р. въ Катеринослави.

ЕНЕГАТЪ.

Баллада.

Розигрався Дунай
Та гука на нашъ край,
Ажъ луна у Днипровому гырли:
„Гей розибье, Днипро,
Турчынъ скоро шатро
На старимъ запорижському тырли:

* *
*

Бо звеливъ падышахъ,—
Тилько паша въ степахъ,
На сыны твои вйсько збываты;
Поведе-жъ його самъ
Недовирокъ Гасанъ,
Що не разъ уже давсь тоби знаты.

* *
*

Стережися того
Ты походу його!
Цилувавъ винъ клейноды султанськи;
„Хочъ живый не зверну,
А въ исламъ поверну
Я народъ,—каже винъ—поднипрянськый.

* * *

Розиславъ скризь лысты,
Щобъ до його несты
Уси малы иконы, кадыла,
Поки,—каже,—моя
Ще безъ зброи гуля
Несказанно-страшенная сила.

* * *

А не то, ворогы,
Выбью всихъ до ноги,
У неволю и браты не буду;
Я изъ вйськомъ своимъ
Налетю, немовъ гримъ,—
Не забудете вы и до суду.

* * *

Такъ не дайся на смихъ,
На сынивъ бо твоихъ
Маю певну я, брате, надю,
Що не тилько себе,
Захыстять и мене,—
Я-жъ ничего собакамъ не вдію.“

* * *

Скаламутнивъ старый,
Бо винъ знавъ, хто такый
Оттакъ нагло на хрестъ похвалявся:
Коло його винъ зрись,
Йому службу винъ нись,
Коло його й лыцарства навчався.

* * *

А якъ зрись винъ, носывъ
Пидъ Стамбуль и Козливъ
Днипръ чайки його угли й ватагу,
Давъ и славу йому
У Поднипри всьому,
И багатство, и честь, и повагу.

* * *

Йшла пайда козаку,—
Скоро ставъ на знаку
За лыцарство свое винъ въ громади;
Незабаромъ за тымъ
Козаки кошовымъ
Його vybraly честно на ради.

* * *

За для його-жь була,
Якъ винъ мыслывъ, мала
Отта честь товарыська и шана;
Спокусывъ його грихъ:
Винъ израдывъ своихъ,
Передавсь у Стамбуль до султана.

* * *

Тамъ винъ хрестъ потоптавъ,
Свій законъ поламавъ,
Недовиркомъ зробывсь, ренегатомъ;
И за скверну хулу
Заробывъ винъ хвалу,—
Ставъ султанови нибы-бъ то братомъ...

* * *

Ажь ось чутка прыйшла,
Що орда уже йшла
Зъ Перекопу на ридну Вкраину;
Тутъ уже козакамъ,
Немовъ вильнымъ пташкамъ,
Не було суперечи й упыну.

* * *

Мовъ рои ти гулки,
Де и бралысь полкы,
Уставала за лавою лава...
Короговкы шумлять,
Наче миру ясять:
„Пробудылась козацкая слава!“

* * *

Ось мынае Страсна,
Настыгае Чесна
Рокова Велькодня субота;
Завтра-жь той роковый
Йде Велькдень святой,
А козацству нагальна робота.

* * *

И не йить, и не спить,
Пыльно варту держыть,
Та у стинахъ пробои латае;
Бо його, якъ вода,
Хыжа Крымська Орда
Изъ Турчыномъ кругомъ обймае.

* * *

То и зрадныкъ Гасанъ
Свій розбывъ отамъ станъ,
Кругъ Кылыберды славного миста;
И вже зъ тыждень гуля,
Зъ церковь бани валя,
Та не выбье ніякъ товариства.

* * *

Винъ на завтра усимъ
Заказавъ се своимъ
Дочуватыся дзвона святого;
Якъ ударыть,—то йты,
Смерть на стины несты,
Не шкодыты й дытаты малого.

* * *

Мовчки ждуть козаки...
Видъ лыхои руки
Не мынуты сю ничъ имъ напасты;
И жадавъ зъ ныхъ усякъ—
И дукаръ, и харпакъ—
Щобъ за виру изъ честію пасты.

* *
*

Ось загувъ уже дзвинъ,
А за нымъ не одынъ—
Затрезвонылы, радистъ вищують:
И „Хрыстось воскресé“
Буйный витеръ несé,
А хыжаки немовъ и не чують.

* *
*

Що-жъ то сталося тамъ
Лютымъ ихъ ворогамъ?
Де ихъ похвалькы зліи на-вики?
Чомъ на стины не йдуть,
Наглу смерть не несуть,
А збираються нибы на-втики?

* *
*

У роскишнимъ шатри
Та на львовимъ хутри
Недовирокъ лежыть, мовъ конае;
Склепывъ очи юнакъ,
Розпластавсь, якъ мертвякъ,
Та сыленно-сыленно зитхае.

* *
*

То винъ тилько почувъ,
Якъ трезвинъ той загувъ,
Радистъ певну хрещеного свита,—
Спогадалось йому
Все те, вирывъ чому
Винъ колысь-то у давній лита.

* *
*

Йому мріють церкви,
Лопотять корогвы,
Празныкову винъ чуе скризь мову;
И сыленно тоска
Йому груди стыска:
Вже не вернется те йому знову.

* *
*

Ось винъ тыхо пидвивсь,
На схидъ сонця схыливсь
Та рыдае такъ тяжко безъ гласу;
Навкругы ажъ гуде,
Орда хыжа та жеде,
Колы дасть на грабижку винъ ясу.

* *
*

Винъ же гирко рыда
Та поклоны склада,—
Напуты його, Маты Пречыста!...
А тамъ выйшовъ, гукнувъ
Та й назадъ повернувъ
Видъ Кылыберды славного миста.

У М А.

Колы надъ нывою моею
Ударыть гримъ та надъ землею
Стовпы наставыть выхоръ пылу,
Та зридка блискавка змарнилу
Осяе землю де-не-де
И дощъ сыленный упаде,—

Радю я: бо зновъ прогляне
Веселе сонечко, и встане
Умыта божою росою,
Сповыта новою красою
Стомленна нывонька моя,
И чую мыръ на серци я.

Колы-жъ вона, улыта потомъ
Моимъ трудовымъ та клопотомъ
Безсоннымъ скохана, марніе,
А по-надъ нею тяжко ные
Злыденна хмара зла мошкы
Та скризъ гуляють ховряшкы,—

Турбуюсь я: бо вже не ждаты
Мени видъ неи благодаты...
Даремна праця и надія!
На серци-жъ сумъ лыхее діе:
Воно холоне, омлива...
И ныкне, ныкне голова.

Е Ч Е С Н А Я.

Мовъ былинонька въ поли зивьяла,
Сиротыною ты изросла;
Тебе лышенько рано спиткало
И недоля лыха повыла.

Не зазнала ты зъ-малку порады,
А ни ласкы видъ гордыхъ людей,
И ни жодень тебе изъ громады
Не спасавъ видъ лукавыхъ речей.

Изросла ты, навчалась роботы,
Та роботы нихто не дававъ;
Не журься, небого! Чого ты?
За красу-бъ тебе всякъ поєднавъ...

Такъ сама ты того все цуралась,
Проклынаючы долю гирку;
Тоби чесно прожыты бажалось,
Та судылось не те на вику.

Несподивано ты „проступыла“
(Проступа васъ багато такыхъ!),
И громада тебѣ осудыла,
Пидняла, мовъ ледащо, на смихъ.

И регочеться, пальцями тыче,
Головою на тебе кыва,
А до себе ништо не поклыче,
Не спытае: „а чымъ ты жыва?

„Чы ты ласкою маешъ угритый
„Пидъ негоду спокійный кутокъ?
„Чы ты йила слизмы непопытый
„А хочъ разъ того хлиба шматокъ?“

Замовчите жъ, вы пышніи, сыти,
Гордовыти, власни земли,
Бо йесть божая правда на свити,
Та розсудыть и васъ, и ии.

Е Л І И.

(С. С. П—ii).

У пышныхъ палатахъ якогось магната
Роскошни леліи цвилы;
Ихъ люде здалека, де выхоръ та спека,
На втиху соби завезлы.
Любують ихъ очи весели дивочи,
А часомъ и хмурый магнатъ
На ныхъ якъ погляне, нудьга у-разъ тане
И пругъ на чоли вже не-знать.
Оттакъ вони пышни, усякому втишни,
Мыръ въ сердце людське подають,
А люде не знають и гадкы не мають,
Якъ слёзы въ-ночи вони ллють.
Чого-жъ то имъ шкода? Адже-жъ и урода,
И роскишъ, и шана имъ йе...
Нелюба имъ шана у гордого пана,—
Имъ краще убоге свое.
Имъ краще у бидній краини ихъ ридній
За панську ту ласку здалысь
И спека пекуча, и выхоръ летючий,
Що ихъ опалялы колысь.
Такъ ты, моя крале, зъ далекого краю,
Неначе леліи мои:

Здається, й на воли, у шани и холи,
Та все бо не въ риднимъ краи.
Твій поглядъ ясненький, твій смихъ веселенький
Та щырая ласка твоя
Усихъ насъ йеднають, усихъ насъ вытають,
Якъ тихая зъ неба зоря.
Поглянешъ избоку (нехай-бо—нивроку!)
Та й скажешъ: „жыття тоби рай“;
А все-жь твоя втиха—поплакаты стыха,
Згадавши веселый свій край.

О ВЕСНИ.

Не спивай по весни,
Соловейко, мени,
Сыдячы у бузку на тычыни,
    Про шаслывіи дни,
    Що мовъ наче въ-висни
За-для мене мынулыся ныни.
    Не багато щось ихъ,
    Днивъ шаслывыхъ оттыхъ
На своему вику я зазнаю,
    И загра гиркый смихъ
    На устахъ вразъ моихъ,
Якъ колы я ти дни изгадаю.

У Р Л А К А .

Бреде бурлакъ степомъ рано,
На опашци свята;
Його шапка стара, драна
На бакырь избыта.

Бреде бурлакъ, поспишае
Въ заброды до моря,
Та спивае—степъ лунае,
Нема йому й горя.

„На що мени, каже, доля
Готова изъ неба?
Все добуде своя воля,
Чого мени треба.

„На що мени те багацтво,
Червинци, дукаты?
Вміе славнее бурлацтво
Безъ ныхъ пануваты.

На що мени и оселя,
Дружынонька мыла?
Прывита мене и скеля,
Порадыть могыла.

Ой скажы ты, стародавня
Козацькая нене,
Кому жыты ще такъ славно
У свити за мене?“

Витрець тыхо росу ранню
Съ травыци здымае,
Бурлаковому жъ пытанню
Видмовы немае.

ДИВЧАЧА ДУМКА О ПОКРОВИ.

Святая ты Покривонько!
Покрый мени голивоньку
Отсе въ-осены,
Хочь драною хустыною,
Зь хорошою дытыною
Хочь изь стороны!

Щобъ свекорко, якъ батенько,
Свекривонька, якъ матинка,
До мене булы;
Щобъ диверкы та зовыци,
Мовъ братикы та сестрыци,
Мене прыйняли;

Щобъ дилечко поробыла,
Чужій семьи догодыла,
Всимъ мыла була;
Не лаяна та не быта,
Найдена та укрыта
Спатонькы лягла!

Цезарь Олександровичъ

Билыловський.

Билыловський Цезарь Олександровичъ уродився 1859 р. въ с. Стополици, въ Полтавщини, скінчивъ Лейпцигський университетъ; видиomi його переклади зъ Шиллера та Боденштедта; перекладавъ на мову нїмецьку поезїю Шевченка; видавъ два томи альманаха „Складка“ (1896 и 1897 рр.).

СЪ АЛЬПИВЪ.

Рой тамъ мое сердце, не тутъ на горахъ...
Ой тамъ, на Вкраини въ безкраихъ степахъ...
Въ степахъ на могилахъ вподобало жыть,
Де здавна покоитъся, тыхо лежыть
Батькивъ моихъ слава и лыцаривъ прахъ.
Ой тамъ мое сердце на нывахъ, поляхъ...
Ой тамъ мое сердце въ густенькихъ садкахъ,
Де пташка щибече у-день и въ-ночи,
Спивае дичына, по воду йдучы,
У плахти червчатїй, головка въ квиткахъ.
Ой тамъ мое сердце, де Божый мовъ рай,
Стоить надъ Днипромъ зеленесенький гай;
А близько край гаю та коло Днипра
Высоко могила. Вона озыра
Свїй ридный, коханий, занедбаний край.

ДАЙТЕ-БО ЖЫТЬ.

Въ чарахъ кохання мое дивування
Хочу я вильно, якъ пташка, прожить:
Вильне обрання и вильне кохання,
Серденьку воля, якъ хоче любыть!..
Шкода й розмовы: святой любовы
Сылою въ сердце неможна вложить.
Поки шовкови чорнитымутъ бровы,—
Дайте-бо жыть мени, дайте-бо жыть!

Иванъ Франко.

Франко Иванъ, сынъ селянына, уродывся 1856 р. въ слободи Нашевыхъ Дрогобычського повиту, въ Галычини, скинчывъ Львивський университетъ; почавъ пысать зъ 1873 р. Окريمъ поэзий, напысавъ багато повистей, романивъ, публицистычныхъ, науковыхъ и крытычныхъ праць, чымало переклавъ зъ европейськихъ

класыкывъ; живе у Львови; 1894-1897 р.р. выдававъ мисячныкъ: „Жытте и Слово“; редагуе мисячныкъ „Літературно-Науковий Вистник“.

*
* * *

Не выненъ я тому, що сумно спиваю,
Браты мои!
Що слово до слова не складно складаю,—
Простить мени!
Не радисть ихъ родыть, не втиха ихъ плодыть,
Не гра пуста,
А въ хвыляхъ недоли, задумы тяжкою
Сами уста
Ихъ шепчуть, безсонный робитныкъ заклятый
Склада ихъ—сумъ:
Моя-бо й народня неволя, то—маты
Тыхъ скорбныхъ думъ.

.....

Догарають полина въ печи,
Попеліе червоная грань...
У задуми сьджу я въ-ночи
И думокъ сную чорную тканьь.

И колы-жь-то той жарь догорыть,
Що ятрыться у серци мени?
И чы скоро то горе згасыть
Въ моимъ мозку думкы огняни?

Охъ, печуть и бушують воны!
Грызе душу й морозыть нуда!
Кровь кыпыть и нутро все въ огни,—
Вколо-жь муръ и неволя блида.

Я боротысь за правду готовъ,
Радъ за волю пролыть свою кровь,
Та зъ собою самымъ у війни
Не простояты довго мени.

* * *

Безкраи, чорни и сумни
За ночамы мынають ночи,
И безутишному мени
Схидь сонця сныться. Бачуть очи
Кризь муръ тюремный, якъ лютуе
Завзята боротьба въ прыроди.
Ще темный Ариманъ пануе,
Розпершысь гордо тамъ на сходи.
Та въ царстви своимъ чую винъ
Таемну дрожъ. Ось легкокрыли,
Мовъ стрилы до понурыхъ стинъ,
Летять видъ сходу свитла хвыли.
Лютуе Ариманъ, гасыть
Ненавысне проминня враже,—
Та хвыля свитла все бижыть,
Хочъ що винъ робыть, що винъ каже.
Хытався тронъ його твердый,
И чуесь Чорному цареви,
Якъ Ормуздъ ясный, молодой
Вже вырынае зъ хвыль рожевыхъ.

* * *

Не забудь, не забудь
Юныхъ днівъ, днівъ весны,—
Путь жыття, темну путь
Проясняють воны.

Злотыхъ снівъ, тихыхъ втихъ,
Щырыхъ слизъ и любви,
Чыстыхъ порывивъ всихъ,
Не встыдайсь, не губы.

Во мынуть—дали трудъ
Въ самоти и глуши,
Мозоли наростуть
На рукахъ и души.

Лышь хто любить, терпыть,
Въ кимъ кровъ живо кыпыть,
Въ кимъ надія ще—ликъ,
Кого бій ще маныть,
Людське горе смутыть,
А добро веселыть,—
Той цилый чоловікъ.

То-жъ якъ всю жыття путь
Чоловикомъ цилымъ
Не прыйдешь тоби быть,—
Будь хочъ хвылечку нымъ.

А въ поганіи дни,
Болотяніи дни,
Якъ надія пройде
И погасне чутте,

Якъ зъ велькыхъ доригъ
Любвы бою за всихъ
На вузьки та крути
Ты зйдешъ манивци,—

Зсушить сердце жура,
Зколють ноги терны,—
О, тоди май жыття
Вдячно ты спомьяны!

О, тоди ясни сны
Оживлять твою путь...
Юныхъ днивъ, днивъ весны
Не забудь, не забудь!

ТРЫВДЪ.

Холодна ничъ. Спокійно, важко, звильна
На мисто снигъ важкый падé й падé;
Зъ густои тьмы журба якась могыльна
Выхылже лыце свое блиде.

Лямпы горятъ. Колеса свитляниі
Довкола ихъ стиснылысь, меркотытъ
Кровавый блыскъ. Неначе сонни мріи,
Фіякры мыгають и гынуть въ мыть.

На тротоарахъ ще прохожыхъ сыла:
Цилиндры, щубы, модни боа дамъ
И драни лахы—рижнобарвна хвыля
Плыве, гуде, спыраесь тутъ и тамъ.

И я въ юрби сумный и одынокый
Плыву безвладно, щобъ видъ власныхъ думъ
Втикты,—та невидступный и глыбокый
У серци все несесь зо мною сумъ.

И наче той, що тоне и въ знесылли
Шукае гыльки, корня, стебельця,—
Такъ я мижъ лыць тыхъ въ пестрій люду хвыли
Шукаю щыро—дружнього лыця.

И вразъ я здеревивъ и стрепенувся,
Щось горло стысло, въ грудяхъ сперло духъ...
Втикать бажавъ, та не поворухнувся,
Мовъ оглушывъ мене важкый обухъ.

То не обухъ! То йшла передо мною
Высока постать, проста та струнка.
Оглянулась, хытнула головою,
Моргнула на прохожого панка.

Оглянулась ще разъ. Вельки очи,
Глыбоки, темни, мовъ та чорна ничъ,
Зустрілись зъ мѳими й въ бездонній ночи
Пропалы... Двое ихъ спишыло причъ.

А я стоявъ, мовъ стовпъ. Юрба юрбою
Мене тручала, штовхала разъ-в-разъ,
Та я не чувъ ни холоду, ни болю,
Мовъ проминь свидомѳсты въ мизку згасъ.

„Вона!“—изъ усть одно те слово прысло,
Та въ нимъ була магична миць страшна;
Мовъ каминь млыновий, за шыю тысло
Мене одно словечко се: „Вона!“

„Вона“,—ся гарна квитка „сонъ царивны“,
Якои рѳзцвитомъ втишався я,
Якои запахъ бувъ такой чаривный,
Що й доси пьяна нымъ душа моя!

„Вона“,—якій я все бажавъ виддаты,
Весь скарбъ души, вси думы, вси чуття,
Якои слидъ я радъ бувъ цилуваты,
Въ якій вбачавъ красу и циль буття!

Та, що мене одниськымъ словомъ свѳимъ
Могла героємъ, геніємъ зробить,
Обдарувать надією й спокоемъ,
Заставыть все найвысшее любыть,—

Та, що въ руци видъ раю ключъ держала,—
Вона його закинула въ багно
И чаривного слова не сказала...
Чы хочъ въ души грызе иі воно?

Не словомъ --рухомъ, поглядомъ холоднымъ
Мене зипхнула въ темный ривъ безъ дна.
Лечу!... валюсь!... Та тамъ, внызу, въ безодни
Хто се пропашый, стоптаний?... Вона!

Стій, прыведе! Скажы, яка неволя
Тебе зипхнула зъ радисныхъ вершынь?
Хто смивъ красу й пышноту сього поля
Втоптать въ болото и зъ якихъ прычинъ?

Чы голодъ, холодъ и сырительства слезы,
Чы та жага, що сердце рве й скребе,
Що хылыть волю, мовъ та буря лозы,
На сей торгъ ганьбы выпхнула тебе?

Постій, постій! Я вмю се видчуты.
Моя любовъ не згасла ще, горыть,
Зуміе райський ключъ зо дна добуты,
Зуміе рай запертый одчыныть!...

Не чуе! Щезла зъ нымъ у питьмы ночи,
Лышь выдъ иі прошыбъ мене, якъ нижъ.
О, щобъ булы мои ослиплы очи,
Було-бъ въ души яснійшь и спокійнійшь!...

1892. Видень.

АНТАСТЫЧНИ ДУМЫ, ФАНТАСТЫЧНИ МРІИ.

Якъ бы знавъ я чары, що спыняють хмары,
Що два серця можуть известны до пары,
Що ламають пута, де душа закута,
Що въ поживу нымы зминуться й отрута,—
То тебе-бы, мыла, обдала ихъ сыла,
Вси въ твоимъ-бы серци искры погасыла,
Вси думкы й бажання за однимъ ударомъ,
Лышь одна любовь-бы выбухла пожаромъ,
Обняла-бъ достоту всю твою истоту,
Мысли-бъ вси пожерла, всю твою турботу.
Тилько мій тамъ образъ и ясніе, й гріе—
Фантастычни думы! фантастычни мріи!

Якъ-бы я бувъ лыцарь и мавъ пánцыръ добрый,
И надъ всихъ бувъ сыльный, и надъ всихъ хоробрый,
Я-бы съ перемоги—ворогы пидъ ноги,
Що мени до тебе не дають дороги!
Я-бъ добувсь до тебе черезъ муры й стины,
Я побывъ-бы смокы, розметавъ руины,
Я-бъ здобувъ вси скарбы, що ихъ крые море,
И до нигъ твоихъ-бы положывъ, о зоре!
Де-бъ тебе не скрыто, я-бъ зламавъ вери...
Фантастычни думы! фантастычни мріи!

Якъ-бы я не дурень, що лышь въ думкахъ кысне,
Що спива и плаче, якъ биль сердце тысне,
Що будуще бачыть людське и народне,
А въ сучаснимъ блудыть, якъ дытя голодне;
Що изъ неба ловыть зори золотіи,
Але до дивчыны прыступыть не вміе;
Идеалы бачыть геть десь за горами,
А живее щастя зъ рукъ пустывъ безъ тямы;
А-жь теперь, запизно, плаче та дуріе—
Фантастычни думы, фантастычни мріи!

ВЪ-НОЧИ.

Мисяцю-князю!
Ничкою темною
Тыхо плывешъ ты
Стежкой таемною.
Нижно хлюпочеться
Вѣздушне море,
Такъ въ нимъ и хочеться
Змыть зъ серця горе.

Мисяцю-князю,
Ты, чаривныченьку!
Смутокъ на твоёму
Ясному лыченьку.
Изъ небозвизднои
Стежки погиднои
Важко глядять тоби
Въ море бездоннее,
Въ людскосты биднои
Горе безсоннее.

Handwritten signature or flourish.

* * *

Червона калыно, чого въ лузи гнешся?
Чого въ лузи гнешся?
Чы свитла не любышь, до сонця не пнешся?
До сонця не пнешся?

Чы жаль тоби цвиту на радости свиту?
На радости свиту?
Чы бури боишся, чы грому зъ блакиту?
Чы грому зъ блакиту?

Не жаль мени цвиту, не страшно и грому,
Не страшно и грому;
И свитло люблю я, купаюся въ йому,
Купаюся въ йому.

Та въ гору не гнуся, бо сылы не маю,
Бо сылы не маю;
Червони ягідкы до-долу схыляю,
До-долу схыляю.

Я въ гору не гнуся, я дубамъ не пара,
Я дубамъ не пара;
Та ты мене, дубе, отинывъ, якъ хмара,
Отинывъ, якъ хмара.

1895 р.

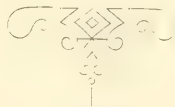

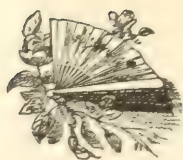

* * *

Якъ почувешъ въ-ночи край своего викна,
Що щось плаче и хлыпае важко,
Не тревожся зовсимъ, не збавляй соби сна,
Не дывыся въ той бикъ, моя пташко!
Се не йесть сырота, що безъ мамы блука,
Не голодный жебракъ, моя зирко,
Се розпука моя, невтишыма тоска,
Се любовь моя плаче такъ гирко.

1895.

Писне, моя ты пидстрелена пташко,
Мусышь замовкнуть и ты.
Годи рыдаты и плакаты тяжко,
Чась намъ зо сцены зйты.

Годи вглублятысь у рану зь отрутою,
Годи благать о любовь;
Сь каждою строфою, сь каждою нутю
Капае зь серденька кровъ.

Сь каждою строфою, сь каждою нутю
Слабшае видгоминь твій...
Писне, напоена горемъ-отрутою,
Чась тоби вже на спокій...

1896 р.

ОТСЕ ТАЯ СТЕЖЕЧКА...

Отсе тая стежечка,
Де дивчына йшла,
Що зь мойого сердечка
Щастя унесла.

Ось туды пишла вона
Та гуляючы,
Зь инымъ своимъ любчыкомъ
Розмовляючы.

За ии слидамы я,
Мовъ безумный, бигъ,
Цилувавъ зь сльозамы я
Пыль изъ ии нигъ.

Наче потопаючий
Стебелыночку,
Зирь мій выдъ ловывъ ии
На хвылыночку.

Отсе тая стежечка
Изывается,
А у мене сердечко
Розрывается:

Все, що найдорожчее,
Найулюблене,
Чымъ душа жыва була,—
Туть загублене.

Чымъ душа жыва була,
Чымъ пышалася...
Отсе-жъ тая стежечка,—
Щобъ запалася!

Не мынай съ погордою
И не смійсь, дытя!
Може въ тимъ осміянимъ
Суть твоего жыття;

Може въ тимъ зневаженимъ
Твоего щастя карбъ;
Може въ тимъ погордженимъ
Йе любовы скарбъ;

Може смихъ твій нынишний,
Срибный та дзвинкый,
Стане въ твой памьяти
За докирь гиркый.

ВЕСНЯН К Ы.

I.

Розвивайся, лозо, борзо,
Зелена диброво!
Оживае помертвила
Природа на-ново.
Оживае, розривае
Пути зимовіи,
Обновляєсь въ свижи сылы
Й свижиі надіи.

Зеленійся, ридне поле,
Українська ныво!
Пидіймыся, колосыся,
Достыгай щаслыво!
И щобъ всяке добре симья
Ты во вѣкъ плекало,
И щобъ свиту добра служба
Зъ твого плоду стала!

II.

Весняніи писни,
Весняніи сны,
Чомъ такъ безутишни,
Безвидрадні вы?

Чы для васъ немає
Зелени въ лисахъ,
Чы для васъ не сяє
Сонце въ небесахъ?

Чы для васъ весела
Квитка не цвите,
Що лышь вбоги села,
Людський биль зрите?

Охъ, живи дибровы,
Любый сонця свить,
Лышь жытя, любовы
Въ людськихъ душахъ нить!

Втишно птыця лыне,
Гоминь, спивы, крыкъ...
Тилько бидный гыне
Зъ голоду мужыкъ.

Квиты середъ поля
Доломъ и горовъ,
Тилько тьма й неволя
Ссе народну кровь.

Краще-бъ то для моды
Заспиваты, бачъ,
Про красу прыроды,
Нижъ про людський плачъ.

Але не для моды
Се спиваю я,
То й сумна выходить
Писенька моя.

* * *

Нехай и такъ, що згину я
Забутый десь пидъ тыномъ,
Що вси мои думкы, дила
Слиду не лышать, мовъ та мгла
На неби сынимъ!

Нехай и такъ! Я радо йду
На чесне, праве дило!
За нього радо въ гóри вмру
И ажъ до гробу додержу
Свій прапоръ цило!..

*Борысь Дмитровычъ
Гринченко.*

Гринченко Борысь Дмитровычъ (псевд. Василь Чайченко, Иванъ Перекотыполе), уродывся 27 листопаду 1863 р. на х. Вильховый-Ярь, Харьковського повиту, вчывся въ Харьк. Реальн. школи, бувъ 10 рокивъ народнымъ учителемъ въ Харьковщыни та въ Катеринославщыни; перши творы його появляются 1881 р.; окримъ поэзій, напысавъ чымало оповиданъ, романивъ, килька драматычныхъ творивъ.

А Л И М А.

1.

Могутный баша на галеру вступывъ,—
Надходыть кривавее дило.
Изъ Дыкого Поля, зъ шырокихъ степивъ
Зновъ хыжее птаство злетило:
По Чорному морю гуляють чайкы,—
На мисто турецьке плывуть козаки.

2.

Дать добрую одсичъ баша имъ хотивъ—
Зъ имъ вйсько й гримучи гарматы—

Хай джавры невірні пророчыхъ сынівъ
Не сміють изновъ турбоваты!
Одъ пышныхъ галеръ вже хвylie вода,
Роскишний харемъ свій баша покида.

3.

Въ хареми вродливыхъ винъ кынувъ жинокъ—
Квиткы зъ опивденного краю—
И квитку найкращу съ тыхъ пышныхъ квитокъ,
Вродливу, мовъ гурія зъ раю,
Галиму покынувъ, мылишу за всихъ,
Жыття його щастя, утиху зъ утихъ.

4.

Зъ далекого краю іи винъ узявъ,
Съ тіи жъ степовои краины,
За пышную вроду надъ всихъ покохавъ
Дочку карооку Украины;
Роскошамы, щастямъ іи винъ повывъ,
Не згадуе бильшъ вона ридныхъ степивъ.

5.

Въ хареми Галима зосталась. Вона
Съ походу башу выглядае,
Безъ мылого—трошки неначе сумна
У пышнимъ садку похожае.
Тамъ бьютъ водограи, тамъ пахнуть квиткы,
Про щастя й кохання спивають пташкы.

6.

И день такъ, и другый, и третій мына—
Докучыло ій дожыданья!
Четвертый—и чуе съ садочку вона
Звытяжськее зъ бою вертанья.

За лысямъ сховавшысь, вона одного
Очыма шукае коханця свого.

7.

Ось йиде коханий, конемъ выграва—
А що жъ то везуть коло його?
На ратыщи мертва стремьть голова,
Здобутокъ одъ бою страшного.
Отаманъ козацькый колысь ии мавъ,
И въ його баша ии самъ одрубавъ.

8.

Звытяжства ознаку, здобутка того,
На славу пророчои сылы,
Вельть винъ поставыть край двору свого,
Щобъ люде уси зрозумилы,
Що вміе винъ тяжко карать ворогивъ.
И въ двиръ переможець-баша уступивъ.

9.

Галима жъ дывылась... И очи ии
Такъ страшно, такъ дыко глядили,
Немовъ-бы останни хвылыны свои
У тій голови вони вздрилы.
Пизнала, пизнала безщасна въ ту мыть,
Чья голова тамъ ганебно стремьть!

10.

Пизнала того, за кымъ слёзы лылысь,
Кого въ риднимъ край кохала,
Пизнала ти очи, уста, що колысь
Такъ палко вона цилувала!
Погасли ти очи, склепылысь уста,
И кровъ на чоли запеклася густа.

11.

Пизнала уже, и теперь вона зна,
Кого на роскоши зминяла,
И все, що забула, згадала вона:
И ридну крайну згадала,
И виру Хрыстову, и батька свого...
И сердце вмистыть не здолало всього.

12.

Скрыкъ дыкый, страшный розитнувсь и затыхъ,
И збиглысь на скрыкъ изъ свитлыци—
Знайшлы вони скоро въ трояндахъ густыхъ,
Галиму найшлы слугивныци.
Въ садку, де спивалы про щастя пташкы,
Надъ мертвою тыхо схылялысь квиткы.

ВОНА СПИВА...

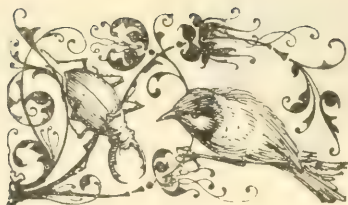
Вона співа—и серця порывання
У згуки ти вона перелива,
Горять огнемь безмирного кохання
И писень пекучіи слова.

Вона співа—и очи молодіи
Яснишь одъ зорь засялы изъ-пидъ вій...
О, скільки въ ихъ незломнои надіи,
О, скільки въ ихъ на щастя любыхъ мрій!

Нехай співа, нехай ти спивы ллються,
Хай очи ти и сяють, и сміються,
И хай огонь кохання въ ихъ горять!

Нехай співа! У-друге вже така
Не зацвите весна ій золота,
Яка цвите въ души іи въ сю мыть!

И моылася я, й сподивалася я,
Чы не гляне хочъ разъ любо доля моя.
И мыналы лита, дожыдала іи,
Та даремни булы сподивання мои.
Не диждалася я... И мынулы лита—
Въ серци пустка нима, я теперь вже не та!
На работи тяжкій звикувала жыття—
Воно марно пишло, все пишло безъ пуття.
И недоля моя й доси давить мене,
И та праця тяжка станъ недужый мій гне,
И вже слипнуть одъ слизъ очи карі мои,
А все доли нема—не диждалась іи!..
Ни родыны нема, ни дружыны нема,
Свить шырокий усимъ, а мени винъ—тюрма!

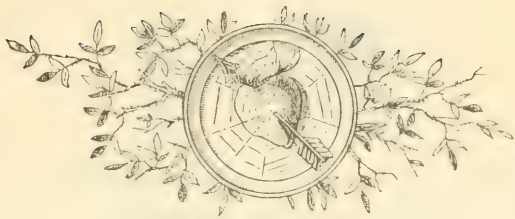

Хвыля за хвылею плеще й зныкае,
Зныкла—и слиду за нею немае...
На што зъявылася и втопла у мори—
Хто тее знае сказаты?
Те, што зныкае въ безкраймъ простори,
Знову чы може вставаты?

Я—така хвыля въ сьому свитовому
Мори таемному, мори хысткому,—
На што зъявывсь и умерты я маю—
Хто тее може сказаты?
Мучусь, радю, клену и кохаю—
Все,—щобъ у ями сховаты.

О, дороги мои, ти, што такъ дуже
Вась мое серце кохае недуже,
Такъ, якъ и я, вы, души мойй мыли,
Втопнете въ мори хысткому.
Де-жь мы зустринемся—зь хвылею хвыли,—
Те невидомо никому.

* * *

Витеръ вые, плеще хвыля,
Човенъ хоче потопыть,
Ты жъ керуй туды спокійно,
Де твоя мета гóрыть.

Сонце сяе, вабыть душу,
Усмихаючысь, земля,—
Ты жъ керуй туды спокійно,
Де горыть мета твоя.

А Д І И.

Поглянуло сонце зъ небесь ласкавише,
Пивденнымъ повіяло витромъ
И выразно такъ у холоднимъ повитри
Запахло весною, весною, весною!...
Заплющую очи,
Не бачу ни билого снигу,
Ни голыхъ деревъ,
А чую неначе тихесенько-тихо
Шепоче вгори надо мною зеленее лыстя,
А я на шовковій травыци
Лежу й надо мною
Весели схыляються квіты,
И пахнуть, и въ вичи мени зазырають
И кажуть мени: „не журыся!
Стомыла поранене серце зима ся гнитюча,
Намучыла хворіи груди,—
Але те все зныкне: на тебе весна вже дыхнула!
Впывайся, втягай соби въ хворіи груди
Солодкіи пахощи наши
И будешъ здоровый та дужый,
И знову веселе жыття засміється тобі“.
Я знаю се добре
И я розкрываю уста свои, хочу дыхнуты,
И гостре холодне повитря
Пронызуе хворіи груди мени.
Я зъ болю расплющую очи,—
А снигъ навкругы ще й не думавъ рушаты,
И голи дерева, якъ мертви, стоять...
Ой ни! не диджусь я пахущыхъ квітокъ!..

Р О З А .

Мовчки насунулы хмары
И заляглы округы,
И потемнили видразу
Луки, поля и лугы.

Трипалось лыстя, мовъ зъ ляку;
Гнулысь до-долу квиткы;
Ледве плескалася ричка;
Мовъ повмиралы пташкы.

Тыша страшна и нимая...
Ясно-блыскуча стрила
Небомъ счорнилимыъ пробигла,
Хмару вогнемъ обвыла;

Мыть ще едына—й одразу
Вдарыло громомъ страшнымъ,
Наче хыталося небо
Й свить захытався изъ нымъ.

Лякомъ прыгничени, ждалы
Смерты поля та гаи...
Крапнула крапля и друга—
И полылысь течіи!

Довго съ похмурои хмары
Воды потопомъ лылысь,
Довго громы гуркотили,
Блыскавки въ хмарахъ вылысь;

Довго здавалось, що небо
Землю втопить завзялось,
Поки аж хмара поблидла,
Высоко сонце знялось.

Зазеленили, засяли
Луки, поля и лугы;
Радисно хвыля моторна
Плеще въ свои берегы;

И голоснишь, веселише
Защebetалы пташкы,
И запашнише запахлы,
Сяючы пышно, квиткы.

И до блакитного неба
Вся усмихнулась земля—
Рики и горы зъ лисамы.
Луки, степы и поля.

А П О Л И .

Рлыснулы вже косы, упалы покосы,
Рядкамы снопы полягали;
Пидь сонцемъ пекучимъ изъ лыхомъ гнитючимъ
У поли уси працювали.

Ни писни, ни слова—затыхла розмова:
Вся сыла пишла на роботу;
Зъ облычча, якъ слъозы, течуть на покосы
Струмочки горячого поту.

Вже сонечко ныжче и вечеръ все блыжче—
Не роблють потомлени руки:
Зйды, ничко, тыхо, сховай усе лыхо,
Вкрый груды, знеможени зъ муку!

И ничъ наступае, плыве-выплывае
И сие срибломъ мисяченько...
Вже край и работи... Забувшы турботы,
Сплять батько, и доня, и ненька.

Зиркы-жъ середъ ночи, якъ Божіи очи,
Зъ высокого неба сіяють,
Тыхесенько-тыхо на людськее лыхо,
На стомлений людъ поглядають...

ЛИБОРОБЪ.

Я убогый родивсь, и въ ти дни,
Якъ вмирать доведеться мени,
Тилько горе та стомлени руки
Та ще сердце, зотлилее зъ муки,
Я зложу у дубовій труни.

Не вельке я поле зъоравъ,
Та за плугомъ никола не спавъ.
Що робывъ, те робывъ я до краю
И всю сылу, що мавъ я и маю,
На роботу невпынную клавъ.

На тимъ поли каминня було,
Поле все бурьяномъ заросло,
Зупынявся мій плугъ на тимъ поли,
Та не кыдавъ робыть я никола,
А гостривъ свій лемишь, чересло.

У годину, въ негоду я тамъ:
Безъ работы погано рукамъ!
Нехай дощъ и кризь драну свытыну
Сиче згорблену працею спыну,
А спочынку соби я не дамъ!

Скільки поту свого я прольвъ,
Скільки сылы я тамъ положывъ!
Та дарма! бо поорана ныва
Намъ давала багатіи жныва:
Я недурно невтомно робывъ.

Таки жныва зазнавъ я не разъ,
А теперь вже мынувся мій часъ,
Я вже чую: останнее лито
Бачу я золоте свое жыто,
Бачу, нывы шырокіи, вась.

Мои диты зберуть урожай...
Усьому наступае свій край,
Винъ прыйшовъ и мени: въ домовыну
Я иду и навикы спочыну,—
Мои-жъ диты зберуть урожай!

Мои диты—дочки и сыны,—
Уси вкупи зибравшысь, воны,
Якъ почнуть до обиду сидаты,
Будуть хлибъ, що прыдбавъ я, ламаты
И згадають мене у труни.

И за те, що працюючы змигъ
Згодуваты и выкохаты ихъ,
То про мене въ ихъ згадка не згыне,—
Писля мене ще довги годыны
Мое дило не вмре середъ ихъ.

Такъ, я вбогый родывсь, та въ ти дни,
Якъ вмирать доведеться мени,
То не соромъ си стомлени руки
И се сердце, зотлилее зъ муки,
Положыты въ дубовій труни!...

СМУТНІ КАРТЫНЫ.

Убогі нывы, убогі села,
Убогій, обшарпаний людъ,—
Смутні картыны, смутні-невесели,
А иншыхъ не знайдешъ ты тутъ.

Не ставъ-бы дывытысь, схотивъ-бы забуты,
Такъ сылы забуты нема:
То ридні села, то ридні люде,
То наша Украина сама!...

П Р Ы Й Д Е .

Р, прыйде, запевне, той день,
Що мы видпочынемъ одъ мукъ
И скинемъ зализа важки
Зъ извъязаныхъ стомленыхъ рукъ!

О, прыйде, запевне, той день,
Що гнить, и неволя, и кровь—
Все зныкне на-вики, й тоди
Подужа святая любовь!

Безсылый не знатыме бильшь
Одъ дужого въ часъ той наругъ,
Народови руку подасть:
Народъ—його братъ, його другъ.

О, прыйде винъ, прыйде той день,
И хвальный та радисный спивъ
Поллеться по свитови скризь
Изъ усть у людей, у бративъ!

Про волю и щастя, й любовь
Казатымуть дывни писни,
Вищуючы людськости ихъ
На довги, довишніи дни!...

О П РА Ц И.

Праця йедына зъ недоли насъ вырве:
Нумо до праці, браты!
Годи лякатысь! на дило святее
Смило мы будемо йты.

Праця йедына намъ шляхъ уторуе,
Довгый той шляхъ и важкый,
Що ажъ до щастя и доли прямуе:
Нумо до праці мерщій!

Праця не згыне мижъ людьмы даремне;
Сонце засвityть колысь,—
Дякою насъ тоди люде згадають:
Нумъ же до праці берысь!

Хочъ у недоли й нещасті звикуемъ,—
Долю онукамъ дамо!
Мы на роботу на свить народылысь,
Мы для борни живемо!

Смилыво жъ, браття, до праці ставайте!
Чась наступае—ходимъ!
Дяка и шана роботныкамъ щырымъ,
Соромъ недбалымъ усимъ!

Юлія Шнайдеръ (Уляна Кравченко).

Юлія Шнайдеръ (Уляна Кравченко), уродылася 1862 р. въ Мыколаеви, въ Галычыни, учылася въ Львiвськiй учительскiй семинарiи, выдала два томы поэзiй „Prima vera“ (1885 р.) та „На новiй шлях“ (1891 р.).

В А Н О В Ы Й Ш Л Я Х Ъ .

Куды ты, сестро, смилый летъ звертаешъ?
На новыи шляхъ? А чы се ты знаешъ,

Що тамъ ты холодъ самоты пройме?

Покинь новыи, на втоптаный вернися,
Забавъ и сплетень кормомъ лышь кормыся,
А то ты свить ледачою назве!

Ледачою? и за що,—ты спытаешъ?

—За те, що духомъ свить весь обiймаешъ,
Що хто лышь чоловикъ—для тебе братъ,
Що сердце кращои всимъ багне доли,
Що бунту повне проты самоволи,
Що людськи раны вси його болять!

Покинь ты Божи, ясни идеалы,

Що въ твоимъ биднимъ серци запалалы,

Покинь для спільного добра твій трудъ!
А ни—то погорды́ сучасныхъ судомъ,
Жый для идей, працюй кровавымъ трудомъ,
Виддай усе, усе за ридный людъ.

Та якъ кримъ сливъ и слизь ничего
Ты не несешъ йому,—то розчаровань много
Узнаешъ ты й пропадешъ у борби,
И закымъ тило ляже ще въ могилу,
Душа утратыть одижъ снижно-билу
И виру чысту въ лютій боротьби.

Не слизь потрибно, щобъ ставать до бою!
Не сльозы—сылу й жаръ возьмы за зброю!
Ту сылу, що любовъ у груди лле,
Ту миць, щобъ думы въ дило осущаты,
Той жаръ, щобъ зъ зломъ боротысь и прощаты
Все, чымъ тебе невира й злоба бье!

Той жаръ, щобъ вирыть въ правды свита й ждаты,
И йты на трудъ безъ славы и заплаты,
Якъ сонце й дощъ працюють по лугахъ,
Якъ росы ти на пупянки дримучи
Падуть, щобъ цвѣты зъ ныхъ розвыть пахучи...
Якъ маешъ стилько сьль,—
То йды на новый шляхъ!...

ВАГАННЯ.

I.

Суботній вечиръ. И хочъ обигъ кровы
Морозъ спыняе, люто снигъ скрыпыть,—
Плыве народа гуртъ, жыття кыпыть,
По вулыцяхъ лунае смихъ, розмовы.

Зъ виконъ выставки плеться блыскъ чудовый:
Коронкы, квиты, шовкы—все блыщыть,
Прохожи коло шыбъ стають на мыть...
Ось гарна пани—та ажъ морщыть бровы,

Зитхае... На лыци журба вагання:
Шовкъ, чы коронкы? Що купыть на вбрання,
Щобъ королевою на балю буты?

Въ уяви бачыть балъ и стать Артура,
Вытається, танцюе зъ нымъ мазура...
Стыскъ рукъ... и шептъ... любовы тихи нуты.

II.

А обикъ неи, зъ тымъ гуртомъ бруднымъ
„Робочыхъ рукъ“, що власне йдуть зъ выплаты,
Иде робитныця, журлыва маты,
Лыце пожовкле зъ поглядомъ сумнымъ.

И стала передъ крамыкомъ малымъ,
Перебира въ думкахъ, чого-бъ до хаты
Потрибно заразы, щобъ дозимоваты:
„Пійты до краму, та не знать за чымъ“.

И биль вагання грудь ии вялыть.
У хати голодъ, зымно, диты голи,—
Якъ гришь дрибный на все те роздилыть?

Довкола гамиръ, гукъ, жыття бурлыть,
А умъ ии въ блуднѡму бьеться коли:
„Чого купыты,—дровъ, чы бараболи?“

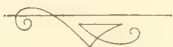

Сонечко ричками золотымы ллеться.
На росыстимъ лузи череда пасеться.
Соловей у лозахъ тьохка, залываеь,
А тамъ у долини въ свитли хреть купаеь.

Пидъ проминнямъ сонця зъ ричкы мряка встала,
А зъ грудей жалибна писня залунала.
Якъ та мряка беда шезне изъ долины,
Такъ и тая писня залуна й загыне.

Ой не згыне писня, хочъ прогомонила,
Бо та писня въ серци бодемъ нақыпила.
Ой не згыне думка, якъ та квитка вяне,—
Вже луна видъ неи мижъ людьмы зистане.

Ой не згыне писня у писень громади,—
Приймутъ ии люде й заховають ради.
А не приймутъ люде писеньку сумненьку,
Знайде вона видгукъ хочъ въ однимъ серденьку.

Андрій Бобенко (псевдонимъ).

АРНИ СЛЪОЗЫ.

Розходяться витерь надъ моремъ
И хмарю сонечко крые,
Запинылось море шыроке
И страшно лютуе та вые...
Здѣймаются чорніи горы,
Биліють ихъ гребни высоки...
Мижъ горами ямы клекочуть,
Мовъ печи пекельни, глыбоки...
Надъ моремъ схылылысь понуро
Высоки та голіи скели;
Надъ нымы орлыця литае,
Шукае своеи осели:
— „Оттуть—на сій скели высокій
Гниздо я соби збудовала,
Та вывела дитокъ маленькихъ,
Ихъ розуму—правди навчала;
Рослы мои диты на воли
Рослы та до зросту не стали:
Гниздо мое море розмыло,
Дитокъ моихъ хвыли забрали.“
Литае орлыця та й плаче,
И слъозы на море пускае...
А море гуляе та вые
И лыха чужого не знае!

*****

* * *

Не стою я пидь лыпою
Въ вечери на двори,
Не слухаю, якъ зъ мисяцемъ
Балакають зори;

Не дывлюся, якъ сонечко
Въ-ранци вырынае
И хвылею золотою
Нывы поливае;

Не хожу я надъ ричкою
По темній диброви,
Не слухаю соловейка
И людської мовы.

Мене лыхо прыгнитыло,
Мени сумно всюды:
Мене доля одцуралась,
Одцуралысь люде;

Мене мисяць не витае
И сонце не гріе,
Мое серце покынула
Вира и надія.

*
* * *

На пивночи, коло моря,
Де гуляе и говоре
Буйный витерь на роздолли,
Зросла квиточка на поли
И красується въ тумани
На холодному майдани.

И я опынввся оттуть коло тебе,
Моя ты малесенька квитко!
Мене хуртовына видъ ридного неба
Загнала сюды; и не ридко
Я плачу за тебе та долю благаю,
Щобъ ты не замерзла на стужи...
Нехай надъ тобою и сонечко сяе,
И сохнуть кругъ тебе калюжи.

* * *

Запряженный кинь мій стоить у порога
И тупае въ землю ногою.
Прощай же, мій краю, бо мабутъ не скоро
Побачуся знову зъ тобою!
Мени ты не ридный, а шкода и дуже,
Тебе мени, краю, покынуть!
Ты давъ мени долю и въ злую годину
Не давъ одынокому згынуть.
Спасыби вельке тоби, краю мылый!
Того я по-викъ не забуду!
Поки надо мною свитытыме небо,
Про тебе я згадувать буду.
Теперь уже осинь, а скоро за нею
Зима хыжымъ звиремъ завые
И снигомъ холоднымъ тебе на распутти
Въ нетопленій хати покрые,
И ты засумуешь, заснешъ на морози,
Вгорнувшысь у драну свытыну...
Прощай же! бо кинь мій не хоче стояты.
Нехай тебе Богъ не покыне!

*Мусій Степановичъ
Кононенко.*

Кононенко Мусій Степановичъ, сынъ селянина, род. 1864 р. въ с. Туровци Прилуцького повиту; окрімъ поезій („Нещасне кохання“, „Лира“, „Княгыня-Кобзарь“, та инши), пыше повисти й оповидання.

ЗАПОВИТЬ ЯРОСЛАВА МУДРОГО.

I.

Умираючи князь Ярославъ
Заповіть своимъ дитямъ покинувъ,
Щобъ Украина-Русь, край нашъ любый, святой
У рукахъ у синивъ не загинувъ.
Въ заповіти тому напысавъ Ярославъ
Коротеньке та мудрее слово:
„Вы любитеся, диткы мои,
„Та шануйте одынъ вы другого,
„Та щобъ згода мижъ вами була,
„Васъ-бо ненька одна породила,

„И тоди васъ нищо не злама,
„Й не здола́ васъ ворожая сыла.
„Колы-жь буде незгода у васъ,
„То загынете вы, мои диты,
„Та загубите й край дорогой,
„Буде лыхо винъ тяжке терпиты“.

II.

Поховалы сыны своего князя-отця
Та й Украиною правыты стали,
Але батькивъ святой заповитъ
Залышылы вони, занедбалы.
А Украина-Русь, наша маты свята,
Повылася у тугу та горе;
Росплылося по ній князювання нове,
Мовъ хвлясте несытее море:
Братъ на брата вѣйною пишовъ,
Сполучывшысь съ чужою ордою,
И заплакала Русь, застогнала кругомъ,
Полылася недоля рикою...
Не орачь тоди въ поли спивавъ,
А на нывахъ крукы закрычалы
Та крылату свою велычезну семью
На обидъ на кровавый склыкалы.
И злиталысь, якъ хмары, крукы
Та й довбалы козацькѣи очи,
А вже решту сиромы-вовкы
Дойидалы у темной ночи.

III.

Помынули ти смутни часы,
За админамы биглы админы,—
Видминылось усе, тилько той заповитъ
Не зминывсь ажъ до нашої дныны.

Мы читаемъ його, заучаемъ його,
Та нема и теперъ у насъ згоды,
И панують надъ нами давно
То одни, то другіи народы.
И втягнулись мы щиро въ ярмо,
Вже щырише неможна втягнутись:
Бо вже ридне, свое—намъ зробылось чуже,
До чужого-жъ мы стали горнутись.
И безпечно намъ—въ шкури чужій,
Мы забулы, що йесть у насъ маты,
Ще й безъ сорому кажемъ пидъ-часъ:
„Украини-Руси вже не встаты!“

* * *

Правда, любі мои патріоты-браты,
Украины-небогы сыночки!
Правда, сестры байдужни мои,
Удовыци старенькои дочки!
На що здався вамъ край дорогий,
За що вамъ свою неньку кохаты?
Вы зрослы, живете, непотрибна теперъ
Вамъ убогая ридная маты!

БАТУРЫНСЬКИ РҰИНЫ.

Пльве о-пивночи надъ Соймомъ рикою
Замыслений мисяць високо,
Блиде його чоло тугою, журбою
Пронызане дуже глыбоко;

Винъ кыдае поглядъ зъ високого стану
На чорни, облупани стины:
Булы тїи стины будынкомъ гетьману,
А ныни—сумлыви руины;

Въ руинахъ чорніють, якъ марыща, очи,
Высокии викна та двери,
За викнамы пугачъ пугука що-ночи,
Неначе на власній кватыри.

И страшно, и сумно ти згукы лунають,
Далеко ихъ чуты зъ будынку,
Въ Батурыни нмы малечу лякають,
Колы вередуе дытынка.

И мисяць засяявъ у стелю диряву,
Гороризьбу ставъ озыраты,
Пославъ и до грубы пасмыну яскряву
На выбытыхъ кахляхъ блыщаты.

Освичуе мисяць високи руины.
А Соймъ шепотыть мижъ горами:
„Гей, де вы? Вставайте, батькы Украины,
Сумуе будынокъ за вами!“

Ы Р О Т А.

Рдынъ винъ зистався у хати,
Одынъ и на свити зиставсь,
Бо тата не вида, а зъ ненькою вчора
Хлопчына на-викъ розпрощавсь...

Умерла матуся; хатына сумуе
И пустою дыше вона...
Теперь лышь у наймы сыритци
Лышылася стежка сумна.

И взявъ винъ на плечи торбыну,
Пошарпану шапочку взявъ,
Замкнувъ свою пустку-хатыну
И въ наймы зъ села почвалавъ.

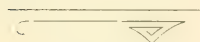
За царыну выйшовъ и бачыть:
Стоять могылкы та хресты,
И хлопця-сыриточку вабыть
На те кладовыще зайты.

Иде винъ на свижу могылу,
Пошарпану шапку здйма,
А въ очахъ зрына якась думка
Глыбока, сумлыва, нима.

Нарешти нахмурылось чоло,
Зирвалось зитханья зъ грудей,
И буйніи сльозы на землю
Покапалы зъ тыхыхъ очей.

Схылылась на груди русява
Сумна, молода голова...
Пишовъ сыротына, а витерь
Чупрыну його роздува...

И зныклы могылкы, сховалысь,
Не выдно вже навить хреста...
Шапчыну-жъ стареньку и доси
Несе у рукахъ сырота.

В Е Ч И Р Ъ,

Сховалось солнце за горою,
Туманъ легенький землю вкрывъ,
Шепоче витьерь зъ осокою;
Гайокъ зеленый потемнивъ;
Далеко спивы десь лунають;
На неби зирка мыготыть;
Отары зъ поля поспишають
У холодочокъ одпочыть;
Блакитне небо обгорнуло
Усю рослыну, всихъ людей;
Село въ садочкахъ потонуло;
Затьохкавъ писню соловей...
Моя Вкраино, мій ты раю,
Ты чаривныченько моя!
Я безъ кинця тебе кохаю,
Ще й бильшь кохаты хочу я!
Хотивъ-бы я тебе руки
До серця щыро прыгорнуть,
У очи глянуты очамы
И вже на-викъ тоди заснуть.

ВЕСНА.

Прийшла весна, шумить Десна
Та хвили розганяе:
„Пора, пора, вставай видь сна!“—
До дида промовляє.
Прокинувсь дидъ—Днипро старий,
Реве, гуде, клекоче,
Десна жартує, гомонить,
Радіє та регоче,
Та мицно горнеться до вустъ
Дидусенька старого,
Щобъ той вси сны їй розгадавъ,—
Ведуть вони до чого?
—„Я мучылась въ тяжкому сні,“—
Казаты починая,—
—„Та дай пробуркатись мени!“—
Днипро перебиває,
И, гнивно свій надувши вусъ,
Трипоче головою
Та, позихаючи зи сну,
Несе й Десну зъ собою...
—„Яки тамъ сны? Теперъ кажы!“—
Ажъ литомъ Днипръ пытає...
Та въ спеку спить, мовчыть Десна
И мовить не здолає...
Лышень витрець шумить по ній
И нибы тыхо каже:
—„Десна весною ожива,
Весною сны розскаже!..“

С И Н Ъ.

Знову темною грядою
Ходять хмары зъ краю въ край,
Знову плынуть, наступають
И на села и на гай.

* * *

Облягае дощъ холодный
Зъ усихъ бокивъ и краивъ,—
Згряя зляканого птаства
Полетила изъ гаивъ.

* * *

Плынуть хмары, вырынае
Мовчазный ихъ чорный гуртъ
И, неначе ти ватагы,
Выплывають тамъ и тутъ.

* * *

Пожовтила вся рослына,
Обезсылила, злягла,
Скризь темнота, скризь негода,
Всюды темрява та мла.

*Володымыръ Ивановичъ
Самійленко.*

Самійленко Володымыръ Ивановичъ, уродився 1864 р. въ м. Сорочинцяхъ, Мыргородського повиту, учывся въ Кывському университети, почавъ пысать 1886 р.; окрымъ поэзія, напысавъ кылька сатырычныхъ оповиданъ та драматычныхъ творивъ; изъ перекладивъ його видоми: „Иліада“, та „Пекло“—Данта.

ГЕРОСТРАТЪ.

*Монелогъ у трьохъ сценахъ. Діється въ Эфеси въ 336 році до Р. Х.
Дієва особа—Геростратъ.*

I.

Якъ тыхо ничъ чудове покрывало
Розкынула надъ сонною землею!
Нигде ни гуку; все кругомъ поснуло,
И тилько зори високо тремтять,
Розсыпавшысь по дывній рызи неба,
Та дывлються згоры на землю, наче
Очей тыхъ невсыпущыхъ мириады.
О зори-очи! я пры сяни вашимъ

Не разъ блукавъ самотный у-ночи
И вдвохъ изъ смутнымъ сердцемъ вивъ розмову.
Я въ васъ пытавсь, невсыпущи очи,
Пытавсь сто разивъ, щобъ одповили
На запытанья тяжкіи мои,
На котри наше все знаття земнее
Не мало сылы одповиди даты.
И вы такъ саме лагіднымъ проминямъ
Свитылы, вы тремтили въ высокѡсти,
Чудовни очи, въ котрыхъ одбывалась
Одвичня, невмыруща, выща думка...
И думка та мени не одкрывалась,
И вы дывывшысь тайну ховалы...
О, хто-жъ, о що-жъ мени промовыть слово?
О, земле пышная, тебе пытаю!
О, небо, злотомъ затканый блакыте,
До тебе я звертаюся зъ пытаннямъ!
О, все створиння дывнее, безкрае!
Скажить мени, на вищо вы безсмертни,
На вищо вамъ кинця нема й почыну,
Вамъ, що души не маете, ни думкы;
А я, мижъ васъ розумная истота,
Я мушу вмерты, за хвылыну зныкнутъ;
Я, що можу васъ розумомъ дознаты,
Котрый даю вамъ мення и названья
И розризняю въ васъ добро и зло,
Я мушу вмерты, и той самой часъ,
Що я дилю на роки, дни й годыны,
Мене въ нищо поверне... Горе, горе!
Але жъ душа моя бажае жыты,
Але я хочу чуты й знать до вику,
Дывытысь на отсю красу створиння,
Втишатысь радостью правдывыхъ диль,
Болиты й мучытысь, неправду зрячы!
И все те довго, довго, виковично.

Та ни, дарма бажання; за хвылыну
Увирветься жыття коротка нитка,
И за хвылыну вже мене не стане;
Нема очей, що бачыты хотили,
Немае розуму, що знання прагнувъ,
Немае навить самого бажання.
Кинець. Нищо... Нищо, та й годи. Такъ.
Але якъ тákъ, на що було родытысь?
На вищо се жыття тоди здалося?
Колы не вичнисть, то не все одно
Хиба, що рикъ, що десять, що ничего?
О Мойра, Мойра! люта, невблагана!
Замисць безсмертя людямя ты дала
Даремнее бажання, а надію
Лышыла тымъ, хто розумомъ дытына.
О, видберы-жъ одъ мене розумъ мій,
Дай вирыты тому, що бутъ не може:
Я безъ сіеи виры не можу
Щасливымъ буты въ цимъ жытти злыденнимъ!

II.

На що здалось мени мое жыття?
Хиба на те, щобъ дожыдаты смерты,
Та долю дякувать за кожний день,
Що зъ ряду довгого викивъ одвичныхъ
Вона мени зхотила видступыты.
Але на вищо сей никчемный жарть?
Хиба не краще такъ сказаты доли:
Визьмы твій даръ никчемный: ось де винъ;
Не хочу я твоеи мылостыни.
Сказаты,—такъ сказаты змигъ-бы я,
Але де сыла, щобъ оте справдыты?
Хиба зробывъ-бы я не навпаки,

Колы-бъ прыйшовъ часъ стра́шного сконання,
Хиба-бъ я не сказавъ: „о, пидожды,
Моя ты смерте, дай ище пожыты
Хочъ рикъ одынъ, хочъ день, хоча хвылыну!“...
Ни, не тому жытя свого ришатысь,
Хто тилько вичностю задовольныться.
О, що-жъ робыты, щобъ и смерть саму
Перемогты и долю одурыты?
Невже немае способу такого?
Ни... кожний умира, и рядъ викивъ
Його безъ жалю забуттямъ покрые...
О, що кажу я? що кажу? Хиба-жъ
Усихъ покрыло забуття собою?
Хиба такыхъ на свити не було,
Що ихъ имья вики пережывае?
О, Ахилесе! Гекторе! Патрокле!
О, тини велетнивъ славетныхъ нашихъ!
О, славниі творци поеты вмерли!
Немае васъ, а слава вашихъ диль
Пережыва людськіи поколиння
И ймення ваши въ памъяти людей
Зистануться на вики незатерти,
А будуть завшь поверхъ усихъ именъ.
Такъ масло чыстее въ води не тоне,
Хоча-бъ наливъ на його циле море:
Воно зплыве на верхъ такъ само чысте.
Такъ сонця ясного не скрываютъ хмары,
Нехай зберуться скризъ на цилимъ неби.
Розійдутся воны,—и зновъ, якъ перше,
Воно засяе свитломъ променыстымъ.
О, велетни герои! васъ згадавши,
Я душу смутную свою розваживъ.
Такъ, значить, можна смерть перехитрыты,
И хочъ не жыты справди на земли,
Та все-жъ себе частыну тутъ покынуть

И, частку ту, имья, зробить безсмертнымъ.
Нехай же прыкладъ вашихъ славныхъ диль
Навчыть мене й мое имья прославыть,
Щобъ, пережившы самого себе,
Зистався я на вики въ згадци люду.
О, я зроблю вельке щось таке,
Що буде бильше надъ дила героивъ,
И пиднесуть високо вси вики
Надъ вси имѣна имья Герострата.

III.

Ни, не мени творыть дила славетни
И не мени прославыты себе...
Чы йсть нещастя бильше, якъ бажаты
Вчыныты щось вельке й не змогты
Найменьшого вчыныты дила навить?!
Недавно ще я думавъ, що зможу
Велькымъ диломъ здывуваты землю,
И вже теперь напевно я дознавсь,
Що не зможу я вдяты ничего,
Що вдався я невдатный ни до чого,
Бувъ часъ—я думавъ, що вйськова слава
У бои зъ ворогомъ мене покрые.
И що-жь?—У першій бійци зъ ворогами
Я втикъ, перелякався смерты: такъ
Никчемный рабъ одъ батога тикае.
Я псбоявся, що сконаю нагло,
Не вдявши велького замиру,
И невымовный жахъ понись мене
Видъ бою страшного геть-геть далеко,
И вже не скоро я опамьятався.
Я клявъ себе, я зъ себе глузувавъ,
Я самъ себе соромывся, та дила

Неможна вже було вернуты. Потимъ
Я думавъ ще поэзи виддатысь;
Але зъ моєи першої поэмы
Уси сміялись тилько: скоро й самъ
Побачывъ я, що я й на те не вдатный.
За все друге я навить и не брався:
Я знавъ кинець, ище й не починавшы...
И отъ теперъ до першого страху
Передъ никчемністю й небуттямъ вичнымъ
Ще долучылася жадоба помсты.
Кому—не знаю: не богамъ Олимпа,
Бо имъ не вірю я; не другимъ людямъ,
Бо знаю я, що не повинни люде;—
Але жадоба невгамонна помсты
За власную никчемність, якъ огонь,
Пече мене и не дає спокою.
А першее жадання дилъ великихъ
Не згасло тежъ и груди розпалє...
О, що-жъ зроблю я? що зроблю теперъ
Я, що ничого не можу зробыты?
Чы я зтерплю, щобъ вичність тымъ досталась,
Хто навить и не думає про неи,
Хто, може, й се жыття вважає довгымъ?
Ха! ха!... тымъ навить, хто не живъ николи,
Достанеться хвала людська на-вико.
Безсмертни, бачъ! Кроніонъ! Гера! Фебъ!
И Артемида!—вси вони безсмертни,
Хочъ не булы зовсимъ, а Геростратъ,
Котрый не важыть ихъ усихъ ни за що,
Той—эфемерная истота. Навить
Сей храмъ, сей свидокъ заблуду людського,
Бездушная будова, що звєлы
Таки жъ, якъ я, створиння эфемерни,
И той переживє виковъ багато,
Стоятыме й тоди, колы мои

Кистки потліють и имья погыне...
О, страшно якъ! мишається мій розумъ...
Невже ничего я?...

Знайшовъ! знайшовъ!

Не диломъ хвальнымъ я себе прославию:
Нехай страшне, нечуване злочынство
Имя мое викамъ перенесе;
Нехай усякъ, здригнувшись видь жаху,
Страшне имя промовить: Геростратъ!
Нехай диды, розказуючы внукамъ
Про вчынокъ мій, имъ скажуть: се зробивъ
Безумецъ Геростратъ...

Але до дила!

Сей храмъ, що будувався стилько рокивъ,
На котрый стилько сылъ зложылы люде,
И часу стратылы, и скарбивъ всякихъ,
Котрый стоить окрасою земли
И славою безсмертною богыни,
Сей пышный храмъ, сю святощъ для народивъ
Зруйную заразь я въ одну годину.
Вси сплять кругомъ. Нихто не перешкодыть.
Я заразь же...

(Бижыть до храму и высикае огонь).

Огонь, ось хто поможе
Мени мое вчыныты дило. Ну-жъ,
Палы мерщій сю гордую будивлю;
Нехай вона скалкамы розлетыться
Й розсыплеться. Руиною страшною
Свое имя спасу я видь руины.

(Иднале храмъ).

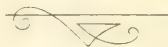
Готове вже. Теперь ниhto не зможе
Мого страшного дила зупыныты.
Горыть! горыть! о, якъ загоготило!
Ха! ха! ха! ха! Безсмертна Артемидо,
Рятуй свій храмъ! Чого жъ ты не рятуешь?

Адже безсмертна ты, адже могуча,
А Геростратъ—никчемнее створиння.
Ха! ха!... якъ легко я твою величність
Никчемністю своєю перемигъ!
Ага! шкварчыть! ха! ха! ха! ха! нехай,
Нехай ще краще розгорыться. Потимъ,
Колы тутъ камня цилого не стане,
Пиду я обявляю свое имья.
Ха! ха! ха! ха! чому ранишь не знавъ я,
Що легко такъ безсмертнымъ можна статы?
Теперьъ безсылый часъ мого имья
Не зможе зтерты зъ памьяты людської,
И скрызъ, де знатымутъ дила героивъ,
Згадають тежъ безумця Герострата.

*(У храми починається галасъ и бичаньна. Гасять
огонь).*

Що, гасыте? ни, пизно, пизно вже:
Не загасыты вамъ моеи славы!
Вона безсмертна! чуєте?—безсмертна!...

1888 р.

ЮДСЬКИСТЬ.

Я вѣрю въ кращій часъ, але душа болыть:
Хотилось-бы теперь, у сю славетну добу,
Душею пиднестысь, зрадиты хочъ на мыть,
Якъ не людей знайты, то хочъ людську подобу.
Героивъ часъ минувъ,—щозъ, будемо й безъ ныхъ!..
Але невже нема ни искорки чесноты,
Невже кримъ пышныхъ фразъ та порывивъ дрибныхъ
Ничого вже нема въ найвыщои истоты?
Мы ради за прогресъ, и отъ зо всихъ краинъ
Мы на выставы йдемъ съ культурнистю своею.
Колы-жъ той буде часъ, що бильше, нижъ машинъ,
Мы выставимъ людей зъ високою душею?
Чы близько ти часы? А вже земля стара;
Вже пидтопталысь мы на довгій тій дорози.
Чому-жъ не бачымо тыхъ правды та добра,
Що такъ обрыдли вже въ поезіи й у прози?
Мы розумомъ мицни, нашъ розумъ давъ намъ ладъ;
Мы й непросвиченыхъ уміемъ просвищаты,—
И отъ, щобъ нашъ прогресъ не видступывъ назадъ,
Повынни мы держать набытіи гарматы.
О, розумъ, ось нашъ Богъ! Мы по стилькохъ викахъ
Такы знайшлы його й утишылы людыну,
Та ставшы мудрымы, мы кынули на шляхъ
Найкращюю души людської половыну.
Немае сердца въ насъ. Колысь кохалысь мы
Хочъ безъ теоріи, та щыро, сердцемъ чыстымъ,
Теперь миркуемо надъ свитомъ и людьмы,
И надъ машинами, й надъ щастямъ особыстымъ.
Найкращи пѣрывы, гарячи почуття
Розиклы мы ножемъ холоднымъ миркування

И склалы мы собі розмирене жыття
Безъ глыбыны думокъ, безъ сылы порыванья.
Немае творчосты, поэзія въ багни,
И філософію теперъ мы осміялы.
А геній—на що винъ для рою комашни?—
Намъ будуть фабрыкы куваты идеалы.
И сумно за нашъ часъ, и шкода тыхъ викивъ,
Що нибы намъ дали велькіи успихы,
И хочеться скоришъ, щобъ проминь заяснивъ,
Щобъ серцеви знайти хочъ небагато втихы.

М Е ВМРЕ ПОЕЗІЯ.

Мене вмере поезія, не згыне творчисть духа,
Поки живе земля, поки на їй живуть,
Поки природы гласъ людына серцемъ слуха,—
Клопоты крамарськи їи ще не забьють.

Не вмере поезія, поки душа бажае
Зырнуты въ ти краи, де око не сягне,
И хоче зъ межъ вузькихъ порватися въ безкрае,
Щобъ зрозумити все небесне и земне.

Не вмере поезія, хочъ людськисть цила стане
Про йїжу тилько дбать, про духъ забувши свій:
Потреба выщого бажання въ серци встане
И выкличе въ души рои забутихъ мрій.

И вични голосы творцивъ изъ-за могылы
Промовлють до людей, що серця позбулысь,
И наберуть вони видъ ихъ новои сылы,
И будуть серцемъ жыть, якъ и жылы колысь.

И поки на земли ще їе одна сльозына,—
Поезія їи нащадкамъ передасть,
И поки мижъ людьмы ще втиха їе невынна,—
Поезія въ їи ще радощивъ додасть.

А якъ що людськосты зла доля присудыла
Диждатыся колысь жыття свого кинця,
То буде на земли останняя могыла—
Останнього спивця.

ГРИШНЫЦЯ.

Твій знівечений видъ, позападали очи,
Де обвели свій слидъ прожыти гришно ночи,
И безсоромна ричъ, и нависна хода—
Все те гыдлывости въ мени не прокыда.

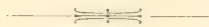
Я не жахаюся, мовъ гадыны якои,
Тебе, прыныжена, занедбана всима!
Нема въ мойй души къ тоби зневагы злои
И сливъ докирлывыхъ на языку нема.

Мене велькый жаль и дума обіймае
Про молоде жыття, що марно пропадае;
Оповида мени твій помарнилий видъ,
Про те, якъ не зъ добра ты занедбала стыдъ;
Якъ горе—й не одно—твои дивочи лита
Спиткало, и його ты зтерпить не могла,
Бо молода була, не бачыла ще свита,
И ты шляхомъ гриха заплющывшысь пишла.
Недоля зла тебе въ страшну безодню пхнула.
Упала въ неи ты, упала и забула,
Чы йе видтиль назадъ надія вороття
До щастя першого, до чесного жыття.

И думку навить ты про те видъ себе гнала,
Шукала забуття, а думка мыхохить
Зъ самого дна души марою вырынала,—
И довго не могла ты серцемъ зачорствить.

Але теперь ты вже загнула на-вики,
И шкода такъ тебе, занедбана всимá!
Росте въ мойй души до тебе жаль велькый,
А сливъ на языку докирлывыхъ нема.

1884 р.

ЯПЕВНИСТЬ.

Якъ-бы знаття, що треба жыть
И сподиватысь и бажаты,
То живъ-бы такъ, щобъ кожду мыть
Для цили одніи виддаты,
Щобъ и хвылыны не згубыть,—
Якъ-бы знаття, що треба жыть!

* * *

Якъ бы знаття, що все дарма,
Що въ руху вичному створиння
Меты ніякои нема,—
На вищо радости й болиння,
На вищо намъ и жызьнь сама,—
Якъ-бы знаття, що все дарма!

1888 р.

АЙДОРОЖЧА ПЕРЛЫНА.

Вачывъ я усяки перлы
И коштовни самоцвиты,
Але йесть одна перлына,
Що зъ усихъ найкраша въ свити.

Купувать ии неможна,
Або нею торгуваты;
Ии часто мають бидни
И частише, нижъ багати.

Ту перлыну не дистаты
Ни съ печерь земли, ни зъ моря:
Тилько той ии знаходе,
Хто чуткымъ родывсь до горя.

Одибрать ии не зможе
Ніяка злоба несыта.
Йесть вона—сльоза святая,
За нещасный людъ пролыта.

1886 р.

* * *

И въ дорогу выряжали
Сестрыци, подругы й браты;
Всього найкращого бажалы,
Скоришь вернутыся казалы
Зь не дуже довгои пути.

И не було плачу й рыдання,
Колы сказали: „ну,—пора!“
На вищо? швыдко часъ стривання,
Прыбуде знову ихъ кохання,
Зновъ буде—подруга й сестра.

Одынъ тамъ бувъ: у його груди
Плачемъ сповнялыся тяжкымъ,
И думавъ винъ: „вона прыбуде,
Але мени ничымъ не буде,
Якъ не була ранишь ничымъ!“

Та винъ не плакавъ, хочъ блыщала
Сльоза не вдержана зь-пидъ вй,
Бо... чымъ вона для його стала,
Вона зовсимъ того не знала,
А винъ не смивъ сказаты йй.

ВЕСНОЮ.

Веселиться земля;
Зеленіють поля;
Розвылыся гаи и дибровы;

Соловейко въ садку
Тюшка писню дзвинку;
Одъ квитокъ духъ несеться чудовый.

А повітря легке
И проминня палке
Въ серци мрії роємъ пидіймають;

И мовъ сыла нова
У грудяхъ прыбува,
И въ души якись спивы лунають.

Все збудылось одъ сну,
Зустрічае весну,
И роскишна прырода Вкраины

У вельчній краси
Вабыть погляды вси,
Наче лычко вродпыве дивчыны.

1888 р.

А П Е Ч И.

(Українська патріотична дума).

Хочь пролежавъ я цилый свій викъ на печи,
Але завше я бувъ патріотомъ,—
За Украину мою, чы то въ день, чы въ ночи,
Мое сердце сповнялось клопѣтомъ.

Бо та пичь—не чужа, українська то пичь,
И думкы надыха мени ридни;
То мій Лугъ дорогой, Запорожська то Сичь,
Тилько въ формы прыбралась выгидни.

Наши предкы колысь за-для краю свого
Трудъ важкый пидіймалы на плечи,
Я жь умію теперь борониты його
И служыты, не злазючы зъ печи.

Эволюція знáчна зайшла видъ часивъ,
Якъ батькы боронылысь вѣйною,—
Замість куль и шабель у новыхъ діячивъ
Стало слово гаряче за зброю.

Може зброя така оборонитъ нашъ край,
Але й зъ нею прекепська робота:
Ще пидслухае слово якесь полицай
И въ холодну завдасть патріота.

Та мене почуття обовязкивъ своихъ
Потягае служыты народу;
Щобъ на душу не впавъ мени зрадництва грихъ,
Я знайшовъ соби добру методу.

Такъ нехай же працюють словами й перомъ
Ти, що мають дви шкуры въ запаси...

И, розважившы такъ, я видався цилкомъ
Праци тій, що йедыне на часи.

На таемныхъ думкахъ, та на мріяхъ палкыхъ
Я роботу народну обмежу;

Та за те-жъ для добра землякивъ дорогыхъ
Я безъ мрій и хвылыны не влежу.

И у мріяхъ склыкаю чысленни полкы
Зъ тыхъ, що статы за край свій охочи,
Слово-жъ маю на те, щобъ ховаты думкы,
Якъ що зражують ихъ мои очи.

До пысьменства я клычу,—звычайно въ думкахъ,—
Щобъ свитылы надъ нашою ниччю,
Хочъ на жаль, маты кныжку народну въ рукахъ
Я признавъ небезпечною риччю.

О, Украино моя! я звязавъ свій языкъ,
Щобъ кохаты безпечно идею.
Але въ грудяхъ не могу я здёржаты крыкъ
У годину твого ювелею.

„Ще стоить Украина! не вмерла вона,
И вмираты не мае охоты:
Кожна пичъ украинська—фортеца мицна,—
Тамъ на чатахъ лежать патріоты.“

Слава-жъ намъ! бо колы-бъ духъ народу погась,
Не стерпившы свого лыхолиття,
То по йому хочъ зó два прымирныкы зъ насъ
Дочекають нового столиття.

Слава намъ! хочъ-бы вмерла Украина колысь,
И слидъ буде легко шукаты,
А щобъ краще на-викъ ти слиды збереглысь,
Буде зроблено зъ насъ препараты.

1898 р.

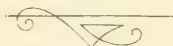
—*—

О ПОЭТА,

Поэте, не хвалысь, чы маешъ хлибъ, чы ни:
Якее намъ до того дило?
Ввесь обовязокъ твѣй—складаты намъ писни,
Але не дбать про власне тило.
Не будемъ мы пытать, чы йивъ ты, чы не йивъ,—
Чы липше намъ, чы гиршъ видъ того?
А може загуде ще краще вицый спивъ
Зъ харчивъ Антонія святого!
Колы сатырыкъ ты, то голодъ добрый тымъ,
Що дастъ сатыри бильше злосты;
Якъ лирыкъ ты, то знай, що зъ черевомъ легкымъ
Литаты легше въ высокосты.
Голодный день-у-день, або хочъ черезъ день,
Змицнышъ ты въ утлимъ тили духа
И гостро такъ утнешъ, що видъ твоихъ писень
Мы вси позатуляемъ вуха
И скажемъ: пессимизмъ въ зображенню жыття
Въ йому занадто розвынувся,
А справжній бувъ поэтъ, та шкода, що пуття
Не буде зъ його, бо схытнувся.
И пожалкуемо, бо добрый мы народъ,
Бо добристь наша певна хыба;
Не разъ, наслухавшысь сумныхъ якыхъ прыгодъ,
Мы ради навить даты хлиба.
А ты не дбай про хлибъ,—то бувъ-бы зъ тебе глумъ,—
Тоби-бо йисты не подоба:
Ты джерело писень, творецъ высокыхъ думъ,
А не звычайная особа.
Втишайся жъ нектаремъ, амброзію глытай,
Спивай, та тилько щобъ не сумно,

Бо въ вѣкъ нашъ по́ступу журытысь черезъ край
И непрактично, й не розумно.
А якъ, знесылившысь, ты ляжешъ у труни,
Тоди то намъ тяжки клопоты!
Складаты некрологъ, хвалыть твои писни
Й твои нескинчени роботы.
Мы будемъ бытыся за те, хто блыжчый бувъ
До тебе зъ насъ, якъ живъ ты въ свити;
Мы будемъ плакаты, що рано полынувъ
Ты геть видъ насъ у пышнимъ цвити.
И слово кожне, яке есы прорикъ,
Смутыть намъ буде сердце бидне,
И такъ тужытымемъ, ажъ поky намъ за рикъ
Про тебе пам'ять не обрыдне.

ОРЕ ПОЭТА.

Люде добри! пожалійте
Бидолашного піту,
Що видъ горя, видъ наругы
За слизмы не бачыть свиту.
Розскажу вамъ все. Учора
Я зайшовъ соби въ крамнычку,
Щобъ на вечиръ запастыся,—
Лойову купыты свичку.

* * *

И гыдкый, поганий крамарь
(Чы бува що въ свити гирше?!)
Загорнувъ мени ту свичку
У мои чудовни вирши.
Видъ зневагы, видъ досады,
Не заснувъ я цилу ничку.
Боже! у мою поэму
Лойову вгорнули свичку!

* * *

Ту поэму виршь по виршу
Я складавъ старанно, пыльно,
Переличувавъ трохаи,
Розмирявъ ихъ такъ прыхыльно,
Роскудбчывшы волосся,
Не одну пысавъ я ничку...
И въ чудовную поэму
Лойову вгорнули свичку!

* * *

Я, скинчывшы ту поэму,
Самъ виднись ии въ цензуру,
Самъ продавъ ии въ книгарню,
Самъ продержавъ коректуру.
Выдавецъ мени за неи
По копйци давъ за стричку—
И въ такой утвиръ коштовный
Лойову вгорнули свичку!!.

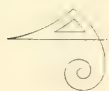
* *
*

Ни, не хочу бильшь терпиты
На земли неправды злои.
Хай же смерть мене сховае
Видъ наругы нависнои!
Напышу останни вирши,
Та тоди изъ мосту въ ричку.
Якъ? въ мои чудовни творы
Лойову вгорнули свичку!...

* *
*

Напышу я въ заповити:
Хай сховають мене въ поли,
Хай высокый хрестъ поставлять,
Щобъ выднись на всимъ роздолли.
На хрести жъ, на вичный спомынь,
Мидну хай прыбьють таблычку
И напышуть: „Въ його творы
Лойову вгорнули свичку“.

1886 р.

ПАТРИОТА ИВАНЪ.

Що за славный патриота
Нашъ Иванъ, якъ-бы хто знавъ!

Тилько що роззявить рота,
Про народъ уже й почавъ.
А казать промову стане,
То й не жды, щобъ бувъ кинець.

Патриоте нашъ Иване!

Ты, ій-Богу, молодець.

* *
*

Въ його духъ зовсимъ народный:
Не пизнишь, якъ за симъ рикъ
Стане винъ (хочъ благородный!)
Говорыты, якъ мужыкъ,
Ще й книжки пысаты стане
Про народъ нашъ Иванецъ.

Патриоте нашъ Иване!

Ты, ій-Богу, молодець.

* *
*

Винъ чытавъ книжокъ багато,
Зможе де-що й цитувать.
Въ голови його напхато
Стилько, що й не розибрать.

Стрине трудність—тільки гляне,
Вже й знайшовъ їй ришенець.

Патріоте нашъ Иване!

Ты, їй-Богу, молодець.

* * *

Працю винъ шанує дуже,
„Въ праці все, мовлявъ, лежить“.
Тыхъ, хто батьківщини служе,
Скризь винъ радий похвалить.
Винъ и самъ колысь пристане
До роботи... въ гаманець.

Патріоте нашъ Иване!

Ты, їй-Богу, молодець!

1888 р.

Р Ы Г О Д А .

Я надъ берегомъ пышнымъ Днипрóвымъ
Пидь кущамы самотный сыдивь,
И въ моимъ гаманци шагренóвимъ
Було цилыхъ пятнадцать рубливь.

* * *

Я сыдивь и дывывся на воду
И про речи поважни гадавь,
Про признáчення людського роду,
Про значиння моральныхъ обьявь.

* * *

Я казавь: „безперечно, людына
Йе винець для створиння всього.
О, яка чудова картына
Його розумъ, моральнисть його!“

* * *

И я ставь на сю тему гадаты,
И не мигь я втриматысь одь слизь,
И, щобъ хустку до носа дистаты,
Я въ кышеню рукою полизь.

* * *

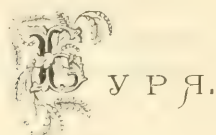
Але... гвалть! де жь гаманъ мій подився?!
И я сльозы ще дужче пустывь,
Головою на руки схылывся
И засмученый такъ говорывь:

* * *

„Хочь людына chef d'oeuvre у прыроды,
А злодюга—створиння винець,
Але... на що жь робыть таки шкоды
И на вищо тягты гаманець?!...“

Днипрова-Чайка (псевдонимъ).

Реве витерь середь плавни,
Верболозь ламае,
По Днипрови, наче вивци,
Хвыли наганяе,—
Наче вивци билорунки
Въ ревучій отари;
Сывый мисяць, наче чабанъ,
Выглядае зъ хмары.
Вже не ничку, вже й не другу
Реве заверюха,
Якъ на бидну сыротыну
Завзята свекруха.
Чорне море закипило,
Дметься Днипръ горою,—
Не одну сердешну жинку
Зробить удовою...
Реве витерь, ажъ до хвыли
Вербы нахыляе,—
Бидну вербу люте горе
До-долу згынае.
Стогне витерь, чайка сгыглыть,
Серце надрывае—
Бидна вдова зъ сыротами
Долю проклынае.

— . — . —

А ЛЫМАНИ.

Рй широко лыманъ
Розливается,
Верболозомъ кругомъ
Винъ квитчается.
Надъ нымъ сонце ясне
Усмихається
И по хвыляхъ вогнемъ
Розсыпается.
Витерець подыха
Тыхо, зъ ласкою
Макивки колыха
По-надъ ряскою,
А пидъ нею въ води
Гуля рыбонька:
Очи ясни,—сама
Наче срибненька;
Очереть шелестыть—
Нагынається;
Качкы тыхо плывуть—
Не лякаються.
За водою каюкъ
Тыхо сунеться:
То заверне у бикъ,
То закрутыться.

Людмила Михайловна

Старыцька.

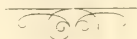
Старыцька Людмила Михайловна урод. въ Киви 1868 р., вчы-
лася въ Кивській гимназіи, почала пысать р. 1886—поэзіи, оповидання,
романы, драматычни пьесы.

М АДИ-МНОЮ ЛИСЬ ШЕПОЧЕ.

М Ади-мною лись шепоче,
Билиа нигъ струмокъ бижыть,
И, мовъ спогады минули,
Лыстя жовтее летыть.
И шепоче лись старезный,
И струмокъ дзвеныть мени:
„Годи, годи, дурню, марыть
Про кохання та писни!

Все на свити симъ—хвылыinne
И довичнього нема,—
Швыдко сердце твое вильне
Визьме крыгою зима;
Згасыть въ серци пламинь виры,
Згасыть думы, зныщыть все,
И высоки вси замиры
Гень по витру рознесе!“

У НАДСОНА.

Усни мени марылось небо,
Все въ зоряхъ яркихъ кругомъ,
И журно похылени вербы
Надъ ясно-блакитнымъ ставкомъ.

Будынокъ твѣй билый въ гайочку
У кетягахъ рясныхъ бузка...
Въ викни твоя постать билила
Хороша, сумна та струнка.

Ты плакала,—ясни перлыны
Бренилы на ясныхъ очахъ,
И плакалы пышни троянды
Й рыдавъ соловейко въ куцахъ.

И зъ кожною тою слъзою
Край нигъ твоихъ въ темнимъ гаю
Свитлякъ самоцвитомъ занимався,
И небо роныло зорю...

1898 р.

.. ..
*
.. ..

Пидь чорнымъ витрыломъ корабль мій плыве
Кризь море бурхлыве й страшне..
Ты-жь знаешъ, якъ темно въ симъ серци смутнимъ—
И тяжко ганебышь мене!

Невирне, мовъ витерь, серденько твое
Видь мене до иншыхъ майне!..
Пидь чорнымъ витрыломъ корабль мій плыве
Кризь море бурхлыве й страшне!..

Осыпъ Маковей.

Маковей Осыпъ урод. 1867 р. въ мист. Яворови, въ Галычынѣ, въ мищанскій симѣ, скинчывъ Львовскій университетъ; авторъ килькохъ повистей и велького чысла оповиданъ, а такожь фельетонивъ и публицистычныхъ та крытычныхъ стативъ.

О Н Ъ.

Тыхый сонъ по горахъ ходыть,
За рученьку щастя водыть.
И шумлять лисы вже тыхше,
Сонъ мали квиткы колыше.
Спить, мои дзвиночки сыни,
Дыки рожи въ полоньни!
Не шумить, лисы зелени,
Спаты йдять, витры студени!
Най квитонькы сплять здорови,
Най имъ сняться сны чудови!
А-жъ *) на неби зазоріе,—
Сонце ихъ малыхъ зогріе;
И зогріе, поцилуе,
И свитамы помандруе.
Тыхый сонъ по горахъ ходыть,
За рученьку щастя водыть.

1899.

*)—якъ.

У Г А.

Бижыть у ярь вода,
Бижыть вода и срибломъ ллеться;
Надъ нею дивчына сміеться,
Роскишна, молода.

* * *

Голубко, не втикай!
Скажы мени ту гарну казку
Про радости, дивочу ласку,
Скажы про тыхый рай!

* * *

Ахъ, казочко моя!
Я чувъ ии, а де—не знаю,
Забувъ—и зъ тугы занываю,
И радъ-бы вмерты я,

* * *

Зъ водою попливсты
Въ далекий свить, щобъ не тужыты,
Або тутъ сёрденько зложыты,
Квиткамы заросты!

* * *

Шумилы-бы лисы,
Шумилы-бы мени дибровы
Про чары вичной любовы
И вичной красы.

1899.

* * *

Уя умію писню,
Умію не одну,
То тихо-мылозвучну,
То гримко-голосну.

Я такъ люблю ти спивы,
А я ихъ самъ зложивъ
У тыхи хвыли щастя,
У хвыли, якъ туживъ.

Одна сильськый дзвіночокъ
Нагадуе мени,
Якъ въ сумерку вечирнимъ
Дзвеныть у тышыни.

А друга сумъ наводять,
Стае понуримъ свить,
Мовъ витерь хмару клыче
На ясный небозвидъ.

И зароятся разомъ
Крылатіи думкы,
Бренять, летять и вьються,
Якъ въ пасици пчилкы.

Агавангелъ Крымскый.

Агавангелъ Крымскый, проф. арабской литературы въ Лазаревскому институту, уродывся 1871 р. у Володымыри-Волянскому, вчывся въ Московському университети та Лазаревскимъ институту; зъ р. 1889 друкуе въ Росии та Галычины багато крытычныхъ та науковыхъ ставивъ по исторіи, этнографіи, филологіи, и перекладивъ зъ мовъ европейскыхъ та азіатскыхъ; р. 1897 у Львови выдано його беллетрыстычни пысання—„Повисткы и эскизы“.

ВЪ ГОРАХЪ ЛЫВАНСЬКЫХЪ.

Въ-литку.

Скалы... Кедры... Скоро й вечеръ.
Я смутна стою.
Вьеться стежка... Охъ, чы йтыме-жь
Той, кого люблю?...

Тинь въ долынахъ. Верхогирря
Наче золоте...

Гасне сонце, тоне въ мори...
Любый! де-жь ты?... де?...

Впала ничъ... Шакалы выють...
Витерь... Мовъ зима!
Я вси очи проглядила—
Мылого нема!

АМОТОЮ НА ЧУЖЫНИ.

I.

Рхъ, арабськи фоліянты!
Вже не сыла васъ чытаты,—
Бо роскынувсь садъ запашный
Пидь викномъ моеи хаты.

Пидведу видъ кныжки очи,—
Пидь викномъ ростуть бананы,
Шелестять высоки пальмы,
Мирты, фигы и платаны.

Йе й микдаль ясно-зеленый,
Йесть и сывая маслына,
И акація рожева,
И смолыстая кедрына.

Пидйду я до виконця,—
Пахнуть рожи й базилики,
Туберозы и фіялки,
Й наркотычніи гвоздыки.

И нудьга, немовъ гадюка,
Обгортається кругъ сердца...
Самъ не знаю, звидкы смутокъ
И куды жъ то сердце рветься?...

II.

Ни,—я знаю, чомъ нудьгую!
Ни,—я знаю, звидкы сумъ:
То розлука, зла гадюка,
Вся прычына чорныхъ думъ.

Де вы, де вы, мыли други?
Чомъ теперь васъ тутъ нема!...
А безъ васъ роскишный пивдень
За-для мене, мовъ тюрма.

III.

Якъ дви крапли въ бурнимъ мори,
На хвылынку мы зустрилысь;
Нанеслась новитня хвыля,—
Мы на-вики розлучылысь.

Знову самъ я на чужыни...
Не побачымось никола...
Серце ные... Въ грудяхъ важко...
Доле!... Доле!... Люта доле!...

IV.

Часомъ сонце кыне проминь
Въ темну—темную хатыну,
Розжене холодну сутинь
Та й щезае за хвылыну.

И темныцю зновъ затоплять
Хмары чорни, непрозори...
Такъ безъ васъ зо мною сталось,
Дорогіи, ясни зори!

Хочъ на двори жаръ палючий,
А душа примерзла й стогне...
Сутинь очи застеляе...
Нервы плачуть... Кровъ холоне...

V.

Горди пальмы... Думни лавры...
Манячлывыи кыпарысь...

Океанъ тропычныхъ квитивъ...
Ще й цвите цытрынный лись...

Я хытнувсь, бо наче впывся
Зь аромату тыхъ квитокъ.
Ажь погляну: коло пальмы
Простый жытній колосокъ.

—„Гей, земляче!“—шепче колось.
Похылившысь на стебло:
„Мы—чужи для сього раю,—
Що-жь сюды насъ прынесло?“

VI.

Знову сердце заболило,
Зновъ у-щертъ набигло горя...
Я пишовъ соби изъ миста
На безлюдный беригъ моря.

Писочаная ривнына...
Море-жь—гребни голуби.
Пина бьеться въ побережжя...
Витерець изъ моря віе.

Задывывся я на море;
Хвыли плещуться объ ноги,—
Ихъ глухее воркотиння
Заколысуе тривоги.

Сонце граеться у водахъ,
Въ тому срибли та крыштали.
Въ цилимъ мори—щастя й радисть...
Розплылысь мои печали.

1898.

Максымъ Семеновычъ

Славинський.

Славинський Максымъ Семеновычъ (псевдонымъ Ставыський), сынъ селянына, уродывся въ с. Ставышахъ, Тарашанського повиту, въ Кывшчыни, скынчывъ Кывський университетъ; пысавъ переклады зъ Гейне и оригинальни поэзи, що булы друковани въ „Зори“, „Жытти и Слови“.

ПЕРЕСПИВЫ.

1.

*
* *

Колы розлучаються двое,—
За руки берутся вони
И плачуть, и тяжко зитхають,
Безъ лику зитхають сумни.

Съ тобою мы въ двоухъ не зитхалы,
Николы не плакалы мы;
Той жаль, оти тяжки зитханья
Прыйшлы до насъ згодомъ самы.

2.

* * *

На лыченьку у тебе
Цвите весна красна,
А въ серденьку—холодна,
Суворая зима.

Те все мыне, якъ завжде
На свити все мына,—
Зима на лычку буде,
А въ серденьку—весна.

3.

* * *

Злякалася квітонька лотось
Видъ проминня ясного дня,
Схылыла головоньку доли,
Жде ночи и тыхо дрима.

Коханецъ ии мисячэнько
Збудывъ ии свитломъ яснымъ,
Вона повернулася весела
До мисяца лычкомъ своимъ.

Цвите и палае и пыльно
Вглядається вгору вона;
Ии обгорнуло кохання,
А зъ нымъ и журба чаривна...

Якъ-бы тилько квиточки зналы,
 Якъ сердце сумуе мое,
 Зо мною-бъ тыхенько рыдалы,
 Щобъ горе забудь я свое.

Якъ-бы соловейкы те зналы,
 Що я и слабый, и смутный,—
 Воны-бъ мени втишно спивалы
 Свій спивъ голосный, чаривный.

Якъ-бы про мій сумъ та печали
 Почулы небесни зиркы,
 Изъ неба зійшли-бъ, розважалы
 Мій сумъ та печали тяжки.

Квиткы, соловейко та зори...
 Нихто зъ ныхъ про тее не зна,
 А знае про лютее горе
 Дивчынонька гарна, ставна.

Охъ, знае дивчынонька мыла
 Те горе, що сталоь мени,
 Бо то-жъ мени сердце розбылы
 И оченята ясни.

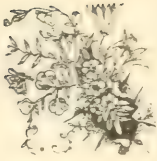

До темной земли схлылось ясне небо...
Спивае соловей свои писни зваблыви,—
Мовъ зачаровани, вслухаються квиткы,
Спынылысь,—не тремтять закохани, щаслыви,
Задумани зиркы.
Спивае соловей писни про щасну долю,
И витерь пролетивъ по темному садку,
Жартуе, обійма, цилуе винъ тополю
Высоку та гнучку.

До темной земли схлылось ясне небо...
Я вийшовъ у садокъ, пишовъ по-мижъ квиткамы,
Я рвавъ и кыдавъ ихъ пидъ ноги безъ жалю...
Щаслывый соловей щаслывымы писнями
Збудывъ нудьгу мою,—
Винъ нагадавъ мени хвылыны давни любви
И кралю-дивчыну, зрадлыву, чаривну,—
И смерты я схотивъ, або кохання-згубы,
Того тяжкого сну.

До темной земли схлылось ясне небо...

Әллінъ, рабъ молодой, задывывсь на богыню кохання:
Сперся на заступа винъ, дывывся и довго, и пыльно,
На Афродиту-богыню, що зъ пины морської вродылась.
Краля-богыня живою стояла пидъ марморомъ билымъ,
Губы отъ-отъ засміються, подывлються ясніи очи,
И затремтыть-ожыве чудове безсмертнее тило...
Кынувъ заступа рабъ, пидійшовъ до богыни блызенько,
Ставъ на коліна и звивъ до неї зъ молитвою руки:
„Ясна богыне моя, найкраща мижъ всима богами,
Выслухай смертного ты, вволы мою волю йедыну!
Тамъ у краіни мой, на вично зеленому Кыпри
Вьеться тобі фиміамъ, складаються спивы про тебе;
Тамъ у краіни мой дивчына живе молодая,—
Очи у неї ясні, а кучери въ неї злотысти,—
Дай їй щаслыве жыття и тыхую, ясную долю,
Дай їй подружжя знайты—хорошу и добру людыну!
Ясна богыне моя, найкраща мижъ всими богами,
Выслухай смертного ты, вволы мою волю йедыну!“

Василь Щуратъ.

Щуратъ Василь родомъ зъ Галычины, сынъ селянина, учився въ Виденському университети, видомый бильше своими перекладамы зъ немецкой („Тангейзеръ“), французской („Писня про Роланда“ и инш.) та венгерской мовъ; р. 1896 выдавъ збирку своихъ поэзій „Lux in tenebris“ и р. 1898-го—другу „Мои листи“.

— : : : —

* * *

Мое сердце не тутъ, моя дума не тутъ,—
Воны гень, на Подиллю надъ Збручемъ;
Дума лыне орломъ, сердце рветься прытьмомъ
На ланы, сномъ повыти могучымъ.
Доки щастя твое, ридный краю, йе сномъ,—
Мое сердце и дума надъ Збручемъ!

* * *

Гей Подилля, ланы, плодотворни ланы,
Джерело мого смутку и суму!
Йдутъ за море по хлибъ ваши ридни сыны,
Я-жь до васъ мою скорбну шлю думу.
Тамъ блукае вона и шукае тыхъ слизъ,
Що по травъ розлылыся коверци,
Що зросылы стежки вси и кожый покись,
И труить тымы сльозамы сердце.

* * *

Мое сердце не тутъ, моя дума не тутъ—
Воны гень, на Подиллю надъ Збручемъ;
Дума лыне орломъ, сердце рветься прытьмомъ
На ланы, сномъ повыти могучымъ.
Доки щастя твое, ридный краю, йе сномъ,—
Мое сердце и дума надъ Збручемъ!

— : : : —

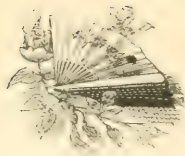

ЗЪ ВЕСНЯНЫХЪ ДНИВЪ.

Лоры, снигама сповыти,
Боры, морозомъ побыти,
Вбрала ты, весно, въ зеленіи, пышніи шаты,
Якъ маты;
Зъ рикъ познимала оковы,
Всимъ роздила обнови,
Все прыгорнула, все сонця пром'немъ огрила,
Якъ вмила.
Цвितъ тоби голову клонять,
Жайворонъ писенку дзвонять,
Все твою сылу голосыть, прославлюе весну
Чудесну.
Весно, ты всимъ шлешъ обнови
Любіи... Ты й мужыкови
Зъ ласки своей зминыла зимы морозъ-холодъ
На голодъ...

1893 р.

* * *

На дыкий степь лягае ничь;
На вси боки дороги йдутъ;
Я ходжу—блуджу самъ одынь...
Хто вкаже тутъ мени мій путь?

Погляну я на небозвидъ,—
Одну тамъ зорю бачу я;
Та чы провадыть до меты
Той шляхъ, що вказуе зоря?

Яснійше зиръ свитывъ мени
Очей дивочыхъ ясный свить;
Йому я тежъ повирывъ бувъ
И втратывъ щастя юныхъ литъ.

* * *

Не бачыты тебе одну годynu,
Не цилуваты пышныхъ усть твоихъ,—
Се вже мабутъ йе кара за провynu,
Наибольша кара за найбільшый грихъ.

Мени здаесь,—колы-бъ вси душогубы,
Злочынцы вси залюблени булы,
Не треба-бъ ни тюремныхъ муривь грубыхъ,
Ни шыбеныць высокыхъ на земли.

*Павло Арсеновичъ
Грабоуьсьный.*

Грабоуьсьный Павло Арсеноуьчъ урод. 1864 р. въ Харьковщыны, учыуь въ Харьковськый духовный семинары, жыуь въ Тобольському; оригинальны поэзы його выдано въ Галычыны у двоухъ збырныхъ: „Пролісок“ (1894 р.) и „З півночы“ (1896 р.), а переклады (найкращы—зъ Ады Негры) те жъ у двоухъ збырныхъ: „З чужого поля“ (1895 р.) и „Доля“; въ Росыи поэзы його выдано пидъ назвою „Кобза“.

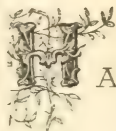

О Л Я.

Вси жыта грозоуь збыло;
Полягла трауьа...
Стыхла буря: ясно, мыло;
Поле ожуьа.

Такъ и наша хмура доля...
Прогудуть гроуьы,—
И зитхнемъ мы, збууьшысь горя,
Повнымы грудемы!

А М О Р И.

Зрывается буря видъ краю до краю,
Бурхочуть навколо валы;
Погнулись щогла... Дарма позыраю
Впередь непроглядной млы.

Ни проминя навить, ни гуку людського,
Реве лышень витерь въ-одно,
Скажено заплискуе човна хысткого...
Набачывъ я згубу давно.

Хвылына—и стану я жертвою моря,
Безъ духу поляжу на дни...
Немае рятунку... не буде... хочъ зоря
Заблымала вже въ далыни!

О Н Ъ.

Зеленый гай, пахуче поле
Въ тюрьми прыснылся мени,—
И лугъ широкий, наче море,
И тихий сумъ по кружени.

* *
*

Садокъ прыснывся коло хаты,
Весела литяна пора;
А въ хати... тамъ знуюдлась маты
И знуюдговалася сестра.

* *
*

Поблидло лычко, згаслы очи,
Надія вмерла, станъ зигнувсь...
И я заплакавъ о-пивночи
И, гирко плачучы, проснувсь.

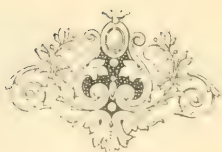

У С Т К А.

Пусто та голо—
Скільки збагнешь,

Степу навколо
Не осягнешь.
Рве хуртовина;
Хата сумна,
Мовъ домовина
Несподивна.
Темрява ночи
Перемога,
Тяжыть на очи,
Гнитомъ ляга.

ОЗВАГА.

Пада снігъ, степы вкрывае,
Хуга бѣе въ мое вѣкно;
Смутокъ груды розрывае,
Тужыць серденько давно,
Що на свити одыноке...
Гей, не плачъ лышѣнь дурне!
Поле праці такъ шырока,
Що й твѣй зирь не осягнѣ...
А надїи вично ясни,
Шляхъ до свитлой меты,
Наши мрѣнькы прекрасни
Та товаришы-браты?
Хай же вые хуга люта,
Жахъ и сумъ розворуша:
Сыль здобуде думка скута,
Загартуецься душа!

НАРОДОВИ ЕВРЕЙСЬКОМУ.

Народе, вѣкъ поризненный зо мною
Срамотою людської ворожды!
Заблуда стала межи насъ стиною,
Хыжацтва ще не зметени слиды.

Нехай козакъ безъ жалю вишавъ „жыда“,
Хай „жыдъ“ добра не зычывъ козаку...
Той часъ встае на думку, якъ огыда,—
Забудьмо-жъ ту мынувшыну гирку!

Тоби чужымъ останусь я по крови,
Нехыбно-жъ маю въ серденьку носыть
Святе чуття велькой любви,
Якои вже ничому не згасыть.

Г А Д К А.

Де ты доле невмолыма?
Тяжко мерты въ чужыни...
Ридный край передъ очыма
Все манячыться мени...
Сныться хатка невеличка,
Повни закутки кныжокъ;
Два дивочыхъ мылыхъ лычка
Прывиталы нашъ гуртокъ...
До поранку йшли розмовы...
Скільки виры та надій!
Якъ палавъ огонь любви,
Якъ мы рвалыся до дій!
Насъ натхнуло благо спильне:
Геть зместы поклалы мы
Бидуванне пидневильне
Та неривнисть мижъ людьмы.
Що намъ ти слова мудречи,
Що тверези голоса!
Почування молодечи
Намъ казалы: „Все несы...
Все виддай на вжитокъ люду,
Що, ллючы кривавый пить,
Не жаливъ для тебе труду,
Згодувавъ тебе на свить...“
И неслы мы сылы наши,
Щобъ звалыты гнить викивъ,
Радо пывшы гирки чашы,
За переступы батькивъ.

***

Розтѣохався соловейко
На калыноньци:
Щось не спытсья середь ночи
Сыротыноньци.

Розвій, розвій, соловейку.
Мою тугоньку;
Чы забуду прыкру людську
Я наругоньку?

Чы судылось мени маты
Свою квитоньку,
Чы тынятысь вискъ по наймахъ
Середь свитоньку?

Чы знайду я колы-небудь
Власну доленьку,
Чы все тягты чуже ярмо
Та неволеньку?

Тьохка, плаче соловейко
На калыноньци,
Та не знае даты рады
Сыротыноньци...

ЕРЕСПИВЫ.

I.

(Зъ Ады Неѣри).

Ты мени признався, що мене кохаешъ,
Ты поблидъ, тремтышь весь, мовчки ждешъ видмовы,
Прагнешъ поцилункивъ, жартивъ та любовы,
На молодой викъ мій ласо зазихаешъ.

А чы працювавъ ты, якъ працюють люде,
Чы боровсь за мрії, що намъ свитать всюды,
Чы ты видавъ горе? Та ще хочу знать я,
Де подивъ ты розумъ, душу та завзяття?

Чы робивъ хочъ разъ ты зъ вечора до свита?
До якого стягу, до якої вири
Ты прыставъ, виддавши имъ найкращи лита?
Въ чимъ твои бажання? Де твої кумиры?

Ты не кажешъ слова... Такъ вернысь знечевья
Въ карты соби граты та бенькетуваты,
Совість и здоровля швыдше пропиваты:—
Ни за яки гроши не продамъ себе я.

Колы-бъ занедужавъ ты зъ важкой муки,
Але твої груды полумьямъ палалы;
Колы-бъ потомылысь на роботы руки,
Блыскавыци-жъ въ очахъ дывнымъ свитомъ сялы;

Колы-бъ бувъ ты вбогымъ, а дывывся вгору,
Не валявся въ бруди, не блукавъ безъ дила;
Колы-бъ не ховався зъ переляку въ нору,
А въ голови думка думку зновъ будыла,—

О, тоди-бъ тебе я щыро покохала,
Вся-бъ видъ щастя млила, палко прыгорчала

За вельчни вчинкы, за змагання смилі...
Ти святы обіймы якъ булы-бъ намъ мыли!
Ты-жъ—нищо... Такъ геть-же, геть иды, гультаю!
Зрись гыдкымъ рабомъ ты въ золотыхъ кайданахъ:
Зъ усіей сылы тебе зневажаю,
Недолугый сыну нашихъ днівъ поганыхъ!

II.

О, скільки ихъ! Не сотні—милліоны,
А тамъ ище—не зличышь, скільки всихъ...
Идуть, идуть... Якъ грому видгомóны,
Доноситься здалека голосъ ихъ.

Идуть вони... Ревуть витры сердыти,
Спыняючы слабый ихъ, тихый крокъ;
Въ лахмитти вси, а головы не вскрыти,
У погляди—журба зъ важкыхъ думокъ.

Воны мене шукають. Люте горе
Видбылося на лыцяхъ ихъ давно.
Густа юрба, немовъ бурхлыве море,—
Мене кругомъ затоплюе воно.

Воны мене гуртомъ берутъ въ неволю;
Я слухаю:—не дышуть, а хрыплять;
Я чую плачъ, гирки жали на долю,
Я чую гукъ зитханья та проклять.

„Мы кынули не вытоплени хаты
Безъ сонечка ясного, безъ огню,
Де намъ хворобы не давали спаты,
Де мы булы не ради навить дню.

Мы кынули брудни, вонючи ямы,
Всю нашу тьму кромішну та глуху,
Щобъ сіяты повсюду тинь и плямы
Своихъ скорботъ, погрозы та страху.

Шукалы мы соби рятунку въ вири,
Але вона дурыла насъ що-разъ;
Кохалы мы,—за почування щыри
Насъ зрадылы,—мы не знесли образъ.

Мы працювать хотилы,—молодіе
У праці духъ,—та безъ жалю за плить
Шпурнули насъ. Де дилась ты, надіе?
О, згляньтесе! Завязано намъ свить!

Скризь гарно такъ: блакитне небо сје,
Проминнячко злотысте роскыда;
Внызу, въ гори гремыть—не затыхае
Вельчній гимнъ любови и труда.

Въ степахъ змя зализна засычала,
Пробывшы горы людськымы грудьмы;
Гучна труба индустриі зибрала
Кругъ себе все—и руки, и умы.

Скризь тысячи закоханыхъ раюють
У любощахъ солодыхъ та палкыхъ;
Скризь тысячи зъ неправдою воюють.
А мы... въ слъозахъ мы гынемо тяжкыхъ.

Що въ насъ було,—мы марно розгубылы;
Нашъ вѣкъ мынавъ безъ цили, безъ пуття...
О, на що-жъ насъ на глумъ сей породылы?
Чомъ не дали намъ кращого жыття?

Никчемни мы, никому не потрибни...
Хто-жъ засудывъ насъ на сей соромъ, хто?
Мордують насъ... за яки-жъ вчынкы хыбни?
Чомъ радощивъ не видавъ зъ насъ ниhto?

Хто насъ що-дня ненавыдыть, катуе?
Хто насъ жене, куды-бъ мы не пишлы?...
Даремно все!—Недоля зъ насъ кепкуе.
О, згляньтесе, бо насъ перемоглы!“

III.

Зрослы жыта, якъ золото, на ныви,
Легкый витрець тыхенько повивавъ.
Воны прыйшлы,—и гарни, и щаслыви,—
У-перше винъ ии поцилувавъ.

Засяявъ день, и чаривнйшъ, и краще
Всмихнулисья ласкаво небеса;
А все бреныть у поли, не стыха ще
Те цилування, чысте, якъ роса.

Тремтять квитки, розкрылысь ихъ лысточкы,
Мовъ коженъ зъ ихъ тежъ поцилунку жде;
Цвите земля, шепочуть колосочки
И ллеться спивъ про щастя молоде.

IV.

(Зъ Чавчавадзе).

Знову сонце, зелень, квиты,
Пташечкы зъ писнямы;
Слизьмы втихы плачуть виты;
Запахло садамы.

Зацвило въ диброви, въ поли,—
Не бажавъ-бы й раю..
Чомъ же ты не маешъ доли,
Не цвитешъ, мій краю?

Иванъ Матвіевычъ

Стешенко.

Стешенко Иванъ Матвіевычъ урод. 1873 р. въ Полтави, вчывся въ Кыйвському университети, переклавъ „Метаморфозы“ Овидія, напысавъ драму „Мазепа“; 1899 р. выдано збирку його поезій „Хуторни сонеты“.

О Н Е Т Ы.

I.

Колы оповытый нудьгою важкою,
Въ несыли духовній, въ нестями чуття,
Безъ щастя та доли й хвыльнъ супокою
Викую сумне я та журне жыття;
Колы мени въ грудяхъ, стражданнѣмъ надбытыхъ,
Болыть мое сердце у мукахъ несытыхъ;
Колы мени розумъ безсылый мовчыть
И чоло у думахъ пекельныхъ горыть,—
Тоди я згадаю, славетна родыно,
Про славу мынула, про волю твою,
За що я страждаю и мучусь, и гыну
Та слъозы у праці невтрымано ллю,—
И зновъ мое сердце натхненнѣмъ горыть,
И хочеться жыты, для вѣтчыны жыть!

II.

* * *

Не разъ, колы зори весняной ночи
 Засяють въ блакити для насъ,
 И шаты прозори, мовъ очи дивочи,
 Спалахнутъ въ той зоряный часъ,
 А люба прырода въ дримоти владычній
 Засне, оповыта въ срибло,
 И спивъ соловейка, стрункый та велычный,
 Поллеться дзвинкучый, мовъ скло,—
 Всю душу обгорне святе почування,
 И сердце пидъ впливомъ идей—
 Въ якимсь невымовнимъ, живимъ хвылюванни
 Бажае побачыть въ ту любу году
 У щасти безкраймъ на мыть хочъ йедыну
 Усихъ безталанныхъ людей!

— — — — —

III.

* * *

Нехай ревуть сердыти хвыли,
 Хай витерь віе навкругы
 И гаснуть въ серци мрії мыли
 Пидъ гнитомъ лыха та нудьгы,—
 Плывы, пловцю,—про все байдуже!
 Плывы, якъ змога йе пливты,—
 И не затопыть море дуже
 Тебе, борця, въ шляху меты!
 Колы-жъ тебе въ хвылыны хмури
 Обгорне смерты гризный впливъ,—
 То по громахъ лыхой бури,
 Колы засяе сонце въ свити,—
 По срибнимъ поверси блакити
 Полыне гуртъ новыхъ борцивъ!

— — — — —

О СТАТУИ ГОМЕРА.

Велычный батьку нашъ, Гомере незабутный!
Неначе кризь этеръ блискучый, золотый,
Я бачу образъ твій яскрявый та славутный,
Що сѣе зъ-пидъ винка, мовъ проминь той святой.
Могучый поглядъ твій блищыть натхненнямъ мыра,
Душа у мрѣяхъ вся палае та горыть...
И на твоихъ рукахъ проста, нештучна лира
Небесныхъ згукивъ рій оть-отъ пролле у мыть.
И тыхо ты загравъ... Дзвенять, зростають згуки...
А тутъ свитлиша все—и сонце, й свить, и день.
Немае бильше слизъ! Нема нудьгы та муки,—
Втонуло все лыхе на дни живыхъ писень.
И слуха пышний свить, и слуха все на свити,
И усьому тому, про що дзвеныть той спивъ,
Вважаемъ тежъ и мы, мовъ чарамы сповыти,
И ныни—черезъ рядъ намученыхъ викивъ.

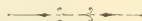
Перше намъ всмихалась доля,
Сяла зирка въ глыбыни,
И дивчына, мовъ тополя,
Звеселяла хмури дни;
Ныни зъ насъ сміється доля,
Сяе зирка—та не въ часъ!
И дивчына—та-жъ тополя,
Пестыть тежъ, але—не насъ!

Мыкола Ивановычъ

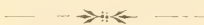
Вороный.

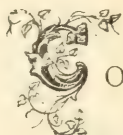
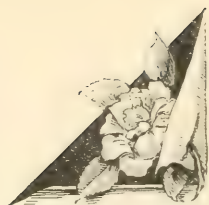
Вороный Мыкола Ивановычъ урод. 1871 р.; учывся въ Львівському университетѣ; почавъ писать 1893 р.; артистъ украинскаго театру.

ИВЧЫНИ.

Ие журысь, дивчыно, въ тугу не вдавайся,
На свою недолю ты не нарикай,
Въ серци май надію, зъ нею сподивайся,
Що на землю прыйде той жаданый рай,
Що втомывшысь люде въ боротьби кривавій,
Здіймуть очи вгору на пролыту кровъ,
Кинуть чвары, заздрить и думкы лукави,
Запанують въ свити правда и любовъ;
Жинка, що въ несyli тыхою ходою
Ривности и воли мала здобувать,
Наче янголь Божый, чыстою рукою
Серцемъ чоловіцтва буде керувать!
Годи-жь, не журыся, кынь свои ваганя,
Стань въ прыгоди людянь биднымъ и слипымъ
И на людське лыхо, слъозы и стражданя
Озовысь серденькомъ чулымъ и живымъ.
И пидъ стогинъ витру, хыжои негоды
Въ лютій колотнечи завжде памъятай,
Що, втомывшысь, люде забажають згоды,
И на землю прыйде той жаданый рай.

ОНЕТЪ.

На берези моря сыдивъ я самотно;
Все вкрыла навколо вечерня питьма,
Намучене сердце не былось турботно,
Заснула, здавалось, и думка сама.
По-малу за хвылямы хвыли котылысь,
Одна здоганяючы другу, росли
И лавок гризно до берега йшлы,
И зъ буркотомъ въ скели стримчастіи былысь.
Ти хвыли морськи нагадалы мени
Змагання юнацьки за мріи ясни,—
Объ скели жыття ихъ розбылось чымало...
И серденько стыснулось въ грудяхъ моихъ,
Воно-бо зазнало тыхъ бурь жытьвовыхъ,
И буркоту моря теперь спочувало...

*Мыкола Федоровичъ
Чернявський.*

Чернявський Мыкола Федоровичъ, поповичъ, урод. въ с. Торській-Олексіевци, въ Катеринославщини, вчывся въ Катеринославській семинарі; до сього часу

выдано дві збирки його поезій „Писни коханья“ (1895 р.) и „Донецьки сонеты“ (1898 р.).

О ПИСНИ.

Р, писне блаженна! О, писне крылата!
Несысь надъ землею, дзвены и зовы
До свиту, до сонця изъ темрявы брата,
Надію у серци йому оживы!
Сумуе безсмертна душа чоловіка,
Немае їй сонця, просвитку нема,—
Збуды-жъ їи, сыло писень чаривныча,
Скажы, що свить Божый—не склепъ, не тюрма!
Хто въ-сыли скуваты на душу кайданы?
Хто духъ нашъ безсмертний згасыты здола?...
О, писне небесна! Розвій же туманы,
Хай дня не змагае зрадлива ихъ мла!...

Л Я Х Ы.

Ле стринуться вдруге шыроки шляхы,
Якымы въ жыття мы выходылы в-ранци;
Клялысы уси мы, якъ ти женыхы,
До смерты годыты йедынй коханци,
А лышь розйшлыся—покынули насъ
Вси й думы высоки, й замиры въ той часть!
На инши шляхы насъ жыття видзывае,
По свойому коженъ свй вйкъ прожывае,
У кожного небо и сонце свое,
А спильный ключъ правды засохъ и не бье...

О Р Е.

Пидь поверхомъ чыстымъ у мори глыбокимъ
Сады позросталы замыслени, темни.
Тамъ скели повсталы и чоломъ высокымъ
У-гору зпяялыся могутни, таемни.

Тамъ дыва пидводни, страшни восьмыногы
Сыдять по печеряхъ, чекають здобычи;
Тамъ бога морського крыштальни чертогы,
Сирень тамъ зрадлывыхъ сады чаривнычи.

Тамъ ходять пидводни жыльци табунамы,
И любе имъ царство ихъ тыхе и темне!...
Душа чоловича, зъ зрадлывымы снамы
И щастямъ незнанымъ,—те море таемне.

ПЕРЛЫ.

И^ѣсть перлы безцинни
На дни, на морському;
Ще краци перлыны—
У серци людському.

Багато тыхъ перливъ
Замыто пискамы,
Ще бильше по свити
Розгублено намы...

ДЪ ДИБРОВИ.

Дидь гоминь темной дибровы
Бажавъ-бы я на викъ заснуть,
Въ останній часъ людської мовы
И слизь, и смиху що-бъ не чутъ.

Я вмеръ-бы зъ чистою душою
И чыстымъ сердцемъ, безъ журбы,
У згоди зъ небомъ и землею,
Безъ слова жалю, безъ клятьбы.

Я умиравъ-бы, и трусылы
На мене лыстя дерева,
Немовъ прыспать мене хотилы,
Мовъ ридна ненька зъ рукава

Мене все хмелемъ засыпала
И вмисти зъ лыстямъ запашнымъ
На мене чары навивала...
И я-бъ забувся сномъ яснымъ.

И тыхо-трипотно диброва
Вытала-бъ гомономъ своимъ,
Бо въ неи, темной, розмова
Та жъ сама зъ мертвымъ, що й зъ живымъ.

* *
* *
* *

Не бажа душа спокою,
Не шукае згоды,—
Все звабля іі грозою
Чорный день прыгоды.

И здаецься ій, мовъ буде
Лехше ій зъ грозою,
Хочъ ударыць вь сами груды
Зь хмары гримь стрілюю...

ПИСНИ КОХАННЯ.

I.

КРОЛОГЪ.

По берегу моря въ журби я бродывъ,
На сыне, на море, на хвylie 'глядивъ;
И хвylie на беригъ, шумуючы, йшла,
Розбытого човна останкы несла.
И кыдала пину вона на писокъ,
И была объ беригъ уламкы дощокъ.
И думавъ я сумно: „а де-жъ то пловецъ?
Де смилого стринувъ нежданно кинець?...”
И зрушене серце давила журба:
О, въ мори, у хвylie, усе загыба!

Я гирко заплакавъ, на беригъ упавъ,
И довго, и тяжко надъ моремъ рыдавъ.
И довго лежавъ я и голось почувъ:
„О, любый юначе, ты мицно заснувъ!
„Не чувъ ты, якъ зъ моря царивна прыйшла,
„Якъ росу зтырала у тебе зъ чола,
„Якъ писню про море спивала тоби,—
„Ты крипко, мій мылый, заснувъ у журби!...”
Такъ тыхо казала царивна морська,
И гладыла чоло холодна рука,
И я йй на перса зъ рыданнямъ прыпавъ,
Рукамы до серця ии прыгортавъ.
И гарно, и страшно зробылось мени,
И все те мовъ снылось мени у-висни.
Лежавъ въ забутти я и чувъ лышь одни
Морської царивны блаженни писни.

И довго спивала царивна морська,
Мій станъ обгортала царивны рука,
И очи дывылысь у вичи мени,
Лежавъ въ забутти я, неначе в-ви сни.
И снылось: у мори, на самому дни,
Будынки царивны стоять въ глыбыни,
Тамъ ходыть царивна, и ходыть одна,
И мовъ дожыдае когось-то вона...

II.

Душно. Не спытсья. Въ викно зазырае
Ничъ, мовъ вакханка, гаряча, палка;
Гоминъ кохання зъ кушивъ долитае,
Гоминъ кохання у садъ выклька.

Стій!... Чы не ты се прыйшла, моя мыла,
Въ тихимъ дыханню яснои весны?...
Ни, ты давно вже викно зачыныла,
Снятсья давно тоби зоряни сны!

III.

Йедыный знавъ я перше спивъ,—
Я знавъ одни писни печали,
Мій спивъ лышь тугою дзвенивъ,
А други струны ще мовчалы.

А ты прыйшла и узяла
Вразъ лиру въ руки молодіи,—
И вильна писня загула
Вогнемъ кохання и надіи.

IV.

* * *

Глубокий плугъ пройшовъ полямы
Моеи тыхой души,
И палы въ слидъ його стебланы
Квиткы, щобъ зсохнуты въ глуши...
Зійшла зоря. Въ яснимъ покрови,
Въ корони зирь выходыть ничъ;
Сховався мисяць у диброви,
Останни хмары плынуть причъ.
Скажы-жъ мени... Та що й казаты?...
Сама ты плугъ той навела,
И бачыть небо въ ясныхъ шатахъ
Квитокъ загубленыхъ стебла!...

V.

* * *

Тыхо на небо сплывае
Мисяць серпомъ золотымъ,—
Хай надъ тобою летае
Щастя в-ви сни молодимъ!
Тыхо витрець повивае,
Тыхо тополи шумлять,—
Спы безъ журбы, золотая:
Стражныкы въ неби не сплять!
Тыхо музы́ка ничная
Въ теплимъ повитри дзвенить,—
Хай же й до тебе изъ раю
Спивъ у-ви сни долетыть!

- О С Е Н Ы .

Иду межою. Шелестять
Трава та лыстя пидь ногамы,
И дерева стари шумлять
Своими голымы верхамы.

Дубы, мовъ стражныкы, стоять,
Повыти думамы сумнымы,
И дви березонькы мижъ нумы
Своими цивкамы блыщать.

А за березамы яснымы
Столитній о́сокоръ стоить
И безнадійно гомонить
Витямы жовтымы своимы.

Вгори-жъ, надъ лисомъ, мовчазни,
Легки, неначе мрїйни чары,
Плывуть рожево-сызи хмары,
И захидъ сонця—весь въ огни...

Ты не погаснешь, ясный свите,
Ты зновъ засяешь по-весни,
И може выпадє мени
По сыхъ прослидкахъ зновъ ходыты,
Колы справлятыме весна
Писля зимы бенкетъ прыроды
И новолитній рясть уроде,
Колы зозуля голосна

Про долю стане вищуваты,
И соловейко, царъ спивцивъ,
Пидь млюю ночи розливататы
Почне свїй любый срибный спивъ!...

* * *

Все вищуе быть весни:
И глубоки, и ясни
Звезды неба, и нигде
Теплый витьеръ не веде
Сниговыхъ холодныхъ хмарь;
Узялася десь одна--
И розвѣялася вона,
Якъ летючий бѣлый парь,
И весела, и ясна...
Ни, сьгодні—вже весна!

О Н Ъ.

Сонъ мій—знову сонъ голодныхъ!...
Тымъ все—хлебъ, мени-жъ, на зло,
Въ мурахъ города холодныхъ
Сныться кожну ничъ село:

Тыхи вербы, тыха ричка,
Темный яръ... и чаривна,
Тепла, зоряная ничка...
И весна, ясна весна!

Тамъ за яромъ чуты спивы,
А въ яру джурчыть вода...
Соловейко перелывы,
Мовъ перлыны, роскыда.

Тыхше! Чуете—у лиси
Стогне пугачъ за Динцемъ?...
Крыкнувъ сычъ въ попа на стриси...
Щось спизнавсь винъ зъ панотцемъ!...

А з-за яру ллються спивы...
Тамъ дивчата... парубкы...
О, мій соне, сонъ зрадливый,
Ты не въ руку, а зъ руки!

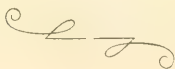
Ы Б А Л К Ы .

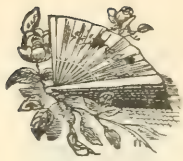
Рачышъ,—онъ-де выплывае
Зъ рыбалкамы каючокъ?
Панъ-отець въ нимъ возсидае,
А керуе панъ-дядчокъ.

Уловлять надокучае
Мыръ на истыны гачокъ,—
Звисно, люде... Всякъ ихъ знае!...
А смашный и чабачокъ!

И смиренно іерей
Зъ псалмопивцемъ голосыстымъ,
Замисць темныхъ душъ людей,—

Ранкомъ теплымъ та росыстымъ
Уловляютъ стерлядей
Въ ихнимъ царстви прозорчыстымъ.

*
*
*

Непримитный и убогий,
За людскою течією
Я прохожу надъ землею
Край недовгои дороги.

Йдутъ сыны земли нимои,
Йдутъ незминно поколиння;
Сняться имъ верхы твориння,
Царство славы неземной.

Сняться пекло, царство тугы,
Дымъ, огню страшного хвыли,
И въ огни тимъ чорнокрыли
Князя тьмы проворни слугы.

А мени незминно сняться
Тыхи, чысти, ясни зори,
И въ души мой—прозори
Думы искрамы роятся.

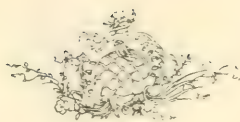
Леся Украинка

(псевдонимъ).

CONTRA SPEM SPERO.

Жетьте, думы, вы, хмары осинни!
То-жь тепера весна золота!
Чы то такъ у жалю, въ голосинни
Промынуть молодіи литá?
Ни, я хочу кризь сльозы сміятысь,
Середъ лыха спиваты писни,
Безъ надіи такы сподиватысь,
Жыты хочу! Геть, думы сумни!
Я на вбогимъ, сумнимъ перелози
Буду сіять барвысти квиткы,
Буду сіять квиткы на морози,
Буду лыть на ихъ сльозы гирки.
Я на гору круту кремьяную
Буду каминь важенькый здіймать
И, вагу несучы ту страшную,
Буду писню веселу спивать.
Я у темную ничку невидну
Не стулю й на хвылынку очей,
Все шукатыму зирку провидну,
И шукатыму безличъ ночей.
Такъ, я буду кризь сльозы сміятысь,
Середъ лыха спиваты писни,
Безъ надіи такы сподиватысь,
Буду жыты! Геть, думы сумни!

Лорыть мое сердце, його запалыла
Гарячая искра палкого жалю.
Чому-жъ я не плачу? Ряснымы сльозамы
Чому я страшного вогню не заллю?

Душа моя плаче, душа моя рветься,
Та сльозы не рынуть потокомъ буйнымъ,
Мени до очей не доходятъ ти сльозы,
Бо сушыть ихъ туга вогнемъ запальнымъ.

Хотила-бъ я выйты у чыстее поле,
Прыпасты лыцемъ до сырой земли
И такъ зарыдаты, щобъ зори почулы,
Щобъ люде вжахнулысь на сльозы мои.

ВНІА ВЕСНА.

Вула весна весела, щедра, мила,
Проминнямъ грала, сыпала квиткы,
Вона летила прудко, мовъ стокрыла,
За нею въ-слидъ спивучіи пташкы!

Все ожыло, усе загомонило,—
Зеленый шумъ, веселая луна!
Спивало все, сміялось и бренило,
А я лежала хвора и смутна.

Я думала: „Весна для всихъ настала,
Дарункы всимъ несе вона, ясна,—
Для мене тилько дару не прыдбала,
Мене забула радисна весна.“

Ни, не забула! У викно до мене
Заглянулы видъ яблуни гилькы,
Замыготило лыстячко зелене,
Посыпалысь билесеньки квиткы.

Прылынувъ витерь и въ мой хатыни
Винъ про весняну волю заспивавъ,
А зъ нымъ прылынули писни пташыни,
И любый гай свій видгукъ зъ нымъ приславъ.

Моя душа николы не забуде
Того дарунку, що весна дала;
Весны такой не було й не буде,
Якъ та була, що за викномъ цвила.

ТЫША ВЪ МОРИ.

Въ часъ горячый полудневый
Выглядаю у виконце:
Ясне небо, ясне море,
Ясни хмаркы, ясне сонце.

Певно, се краина свитла
Та злотыстои блакити!
Певно, тутъ не чулы зроду,
Що бува негода въ свити!

Тыша въ мори... ледве-ледве
Колыхае море хвыли;
Не колышуться одъ витру
На човнахъ витрыла били.

Съ тыхымъ плескотомъ на беригъ
Рыне хвылечка перлыста;
Правыть хтось малымъ човенцемъ,—
Вьеться стежечка злотыста.

Правыть хтось малымъ човенцемъ,
Стыха весла пидймае,
И здається, що зъ весельця
Щыре золото спадае.

Якъ-бы я теперь хотила
У маленький човныкъ систы
И далеко на схидъ сонця
Золотымъ шляхомъ поплысты!

Поплыла-бъ я на схидъ сонця,
А видъ сходу до заходу,
Тымъ шляхомъ, що проложило
Ясне сонце черезъ воду.

Не страшни для мене бури,
Ни пидводнее каминня,—
Я про ныхъ-бы й не згадала
Въ краю вичного проминня.

А ВЕСИЛЛИ.

На весилли брелять чарочки,—
Хай здорови жыуть молодята,
Хай жыуть, якъ въ гнзедечку пташкы,
Хай кохаються, мовъ голубьята!

На весилли хтось чарку розбывъ,—
Молода на посади сумуе,
Молодой смутно чѣло схыливъ,—
Не журиться, то щастя вищуе!

На весилли музыка гучна́
Тожъ-то шпарко та весело грае!
Охъ, я знаю: комусь-то вона
Безталаннее серденько крае!

И розбылось видъ жалю свого
Серце бидне.... Чы хто тее чуеть?
Чы не скаже хто часомъ того,
Щѣ розбытее серце вищуе?

СОНЪ ЛИТНЬОИ НОЧИ.

(Посвята М. С.).

Сонъ литньої ночи колысь мени снывся,
Коротка та литняя ничка була,
И сонъ бувъ короткий, винъ хутко зминывся
И зныкъ, якъ на сходи зоря розсвила.

Була я щаслыва, безмирно щаслыва,
Прыснылось мени... Та того не спысать!
Де въ свити йе мова така чаривлыва,
Щобъ справжнее щастя могла розсказать?

Такъ, сонъ бувъ короткий; ранесенько-рано
Вже зныкла чудовая мрія моя,
Туды полынула, де грала кохано
Злотысто-рожева зоря свитова.

Поглянула я, що вже ничка мынала,
И думу мою обгорнула печаль,
И тихо-тыхесенько я промовляла:
„Сонъ литньої ночи! мени тебе жаль!...“

Я щастя не маю и въ мрїяхъ не бачу,
Я иншіи мрїи у серци ношу;
Колы-жь я часамы журюся и плачу,—
Я щастя у доли тоди не прощу.

Для иншыхъ и доля, и щастя хай буде,
Соби-жь я бажаю не сну, а жыття,—
Хто зо сну прокынувсь, хай щастя забуде,
Йому вже до щастя нема вороття!

ИМПРОВИЗАЦІЯ.

Въ гаю далекимъ, въ гушавини пышній,
Квиты-гранаты палки розцвитають,
Мовъ поцилунки палки на устахъ
Иншимъ палкимъ поцилункамъ на зустрічъ,
Мовъ поцилунки рубиновичъ усть...
Спы, мое серце! нехай тамъ у гаю
Квиты-гранаты палки розцвитають...

Витры пивнични тремтять, затыхаючы
Мижъ запашнымы кушамы лавровымы,
Наче зитханья жагы,
Наче ти лавры стривання таемнее
Любо ховають одъ свита цикавого
Лыстомъ ласкавымъ, густымъ....
Спы, мое серце! хай витры пивничніи
Въ лаврахъ лагідныхъ тремтять, затыхаючы...

До кыпарыса магнолія пышная
Чоломъ заkwитчанымъ нижно схылылася,
Якъ молода до свого нареченого.
Биліи квити тремтять въ темныхъ кучеряхъ,
Але серпанка немає на ихъ.
Щыре коханья, нескрыте серпанкамы...
Спы, мое серце! хай пышна магнолія
До кыпарыса стрункого схыляється.

Зъ темного моря биливая хвылечка
До побережного камя горнеться,
Пестоци, любощи, сяево срибнее
Хвыля несе въ подарунокъ йому;
Темне чоло побережного камя
Хвыли коханій на зустрічъ засяяло.
Пестоци, любощи, сяево срибнее...
Спы, мое сердце! Хай хвыля биливая
До побережного камя горнеться....

*****

То була тыха ничь, чаривныча,
Покрываломъ спокійнымъ, шырокимъ
Простелылась вона надъ селомъ;
Прокидылась край неба зирныця,
Мовъ надъ озеромъ тыхимъ глыбокимъ
Лебидь сплескувавъ билымъ крыломъ.
И за кожнымъ тымъ сплескомъ яскравымъ
Серце кыдалось, распачемъ былось,
Замирало въ тяжкій боротьби.
Я змаганнямъ втомылась кривавымъ
И мени заспиваты хотилось
Лебедыную писню соби.

ЗИХИДНА МЕЛОДИЈА.

Зоры багрянцемъ кривавымъ спалахнулы,
Зъ проминнямъ сонця захиднымъ прощаючысь,—
Такъ мое сердце жалемъ загорилося,
Зъ мылымъ, коханимъ моимъ розлучаючысь.

Геть по-надъ моремъ, надъ хвелямы синими
Вьються, не спынятыся чаечкы билиі;
Де тебе мають шукаты на безвисти,
Мылый мій, думы мои быстрокрыліі?

Въ себе на вежи вогонь запалыла я.
Любый, твого вориття дожыдаючысь;
Хай винъ просвитыть по морю дориженьку,
Щобъ не збудывъ ты, зъ чужыны вертаючысь.

Свите мій! Буду тебе дожыдатыся,
Въ чорну, смутну фереджію повытая,
И посажу кыпарысову гильочку,
Буде що-дня вона слизьмы полытая.

А якъ повернешся, я покажу тобі
Той кыпарысь мій въ садочку квітчастому,
Здійметься винъ надъ всіма минаретами
Въ краю сьому на мечети багатому.

* * *
(Перестигъ).

Тебе, моя любко йедина,
На крылахъ писень понесу
Надъ Гангъ,—тамъ роскишна краина,
Тамъ знаю долину-красу.

Въ саду тамъ пры мисячнимъ свитли
Чудовіи рожи цвितуть;
Тамъ лотосу квити розквитлы,
Сестрыцю свою вони ждуть.

Сміються фіялочки гожи,
Глядять въ небеса на зиркы,
И тихо шепочуться рожи,
Запашніи кажуть казкы.

Бижать, поступаючи з-легка,
Газели струнки, сторожки;
Шумлять и лунають здалека
Ти хвыли святои рикы.

Тамъ сядемо, любко, зъ тобою,
Де пальмы красують ставни,
Напьемось кохання й спокою,
Прысняться намъ сны чаривни.

* * *

(Перестиво).

Колы наставъ чудовый май,
Садочкивъ розвываня,
Тоди у серденьку моимъ
Прокынулось коханя.

Колы наставъ чудовый май
И пташокъ щебетаня,
Тоди я мылій розказавъ
Журбу мою й коханя.

* * *

У кожного люду, у кожній краини
Жыве такый спогадъ, що въ його давныни
Булы золотіи вики,
Якъ писня и слово булы у шаноби
Въ мицныхъ сього свита; не тилько на гроби
Складалысь поэтамъ винки.

За пышніи хри, вельчніи оды
Король славъ поэтамъ-спивцямъ нагороды,
Винъ славу ихъ мавъ у руци;
За ввичливи стансы, гучни мадрыгалы
Вродлывыци тежъ нагороду давалы;
Не знали погорды спивци.

И що-напышнійшіи дамы зъ придворныхъ
Вдавалы на сцени субретоцкъ моторныхъ,
Щобъ славы и втихы зажать;
Сама королева здіймала корону,
Спускалась до-долу зъ найвыщого трону
Поэтовій мрії служыть.

Богамъ булы ривни спивци лавреаты
И гордо носылы коштовніи шаты
У панськимъ магнатськимъ гурти;
Цвилы въ ныхъ и лавры, и квити барвысти,
И навить терны ихъ булы позлотысти,
Кайданы—и ти золоти.

Такъ... въ кожній краини йе спогады раю!
Нема тилько въ тебе ихъ, ридный мій краю!

Булы й за гетьманивъ спивци;
Зъ ныхъ де-яки вичніи спивы зложылы,
А якъ ихъ наймення? и де ихъ могылы,
Щобъ скласты хочъ пизни винци?

Цуралысь вони кучерявои хріи
И вабылы очи имъ иншіи мріи,
Не вивъ до палацу ихъ шляхъ:
Не оды складалы, а думы народу,
Не въ стансахъ прославылы мылои вроду,
А въ тыхыхъ журлывыхъ писняхъ....

Ти вични писни, ти йедыніи спадкы
Взялы соби други поэты нащадкы
И батькивськымъ шляхомъ пишлы;
Нихто ихъ не бравъ пидъ свою оборону,
Нихто не спускався зъ найвыщого трону,
Щобъ имъ удилыты хвалы.

Чоло не винчалы лавровіи виты,
Тернивъ не скрашалаы ни злото, ни квити,
Страждали спивци въ самоти;
На ныхъ не сіялы жупаны-луданы;
Колы-жъ на рукахъ ихъ дзвенилы кайданы,
То вже не булы золоти!...

Г Л А В Ъ .

	Стр.
Котляревський І. П. Зъ Энеиды. I. Выгадки Юоны	5
II. Пекло	8
III. Послы Энеевы у Латына	11
IV. Латынци лагодяться въ похидъ на Энея	15
Гулакъ-Артемовський П. П. Рыбалка	19
Пархоме!...	22
Панъ та собака	23
Боровыковський Л. М. Чорноморець	29
Волохъ	31
Вечирь	32
Байкы. 1. До друкаря. 2. Клымъ. 3. Крыла у витряка	34
Гребинка Е. П. Украинська мелодія	35
Човень	37
Байкы. 1. Сонце та хмары. 2. Ведмежий судъ	38
3. Ячминь	39
4. Будякъ та коноплыночка	40
Рыбалка	41
Шашкевичъ М. Руська маты насъ родыла	43
Туга за мылою	44
Пидлисса	45
Головацький Я. Два виночки	47
Ой сѹмна-сѹ, сѹмна темна ниченька	49
Доки була въ матинкы маленька	50
Костомаровъ М. И. На добра-ничъ	51
Зори	53
Еврейська спиванка	54
Журба еврейська	55

	Стр.
Петренко М. М. Дивлюся на небо та й думку гадаю	56
Якъ въ сумеркы...	58
Весна	59
Забилa В. О. До соловейка	60
Метлинський А. Л. Дытына—сыротины	62
Зрадникъ	65
Буря	66
Аванасъевъ О. С. Гребинци	67
Ой у поли на роздолли...	69
Дивоцька правда	70
Мовъ сыняя стричка, Донець пидъ горою...	70
Шевченкови	72
Шевченко Т. Г. Якъ-бы вы знали, панычи...	74
Мени трынадцатый мынавъ...	77
А. О. Козачковському	79
Готово! Парусъ распустылы...	84
И небо невмыте, и заспани хвыли...	85
Марку Вовчку	86
Гамалія	87
Чернець	93
Чыгырынъ	97
Ляхамъ	100
Сонъ (Иду я тыхою ходою...)	102
Село! и сердце одпочыне...	104
Сонъ (На панщыни пшеницю жала...)	106
Частына зъ „Посланія“	107
Не нарикаю я на Бога...	110
Маты—покырка	111
И доси сныться...	113
Вечиръ	114
За сонцемъ хмаронька плыве...	115
Мынають дни, мынають ночи...	116
И день иде, и ничъ иде...	117
Доля	118
Муза	119
Слава	121
Мынулы лита молодій...	122
Чы не покынуть намъ, небого...	123
Заповитъ	126
Кулишъ П. О. Заспивъ	127

	Стр.
До кобзы	129
Муза	130
Поэтъ	131
Невыдумый спивецъ	132
На чужій-чужыни	133
На чужыни (Lago Maggiore)	134
Премудристь	135
Псаломъ LXVII	136
Что есть мнѣ и тебѣ, жено?	137
Степь	139
Нагулялося по небу...	141
Квиты съ слезамаы...	142
Козацька хата	143
Заворожена крыныця	145
Лилея	146
Серце мое тыхе...	147
Шуканне-выкльканне	148
Щоголивъ Я. И.	
Суботы св. Дмытра	149
Псальма Давыдова 136	152
Ткачъ	154
Лялька	155
Покирна	156
Червычкы	157
Шынокъ	159
Опизнввся	161
Козакъ	163
Безридни	164
Неволя	165
У поли	167
Вечирь	168
Косари	169
Глибовъ Л. И.	
Журба	170
У степу	172
Вечирь	174
Не плачь, поэтъ	175
Nosturno	176
Байкы. 1. Горлыця й горобецъ	177
2. Хмара	179
3. Хазяинъ та шкапа	180
4. Лысыця и ховрахъ	181
5. Вовкъ та мышеня	183

	Стр.
6. Орачи и муха	184
7. Вовкъ та ягня	185
Морачевський П. С. Зъ поэмы „До Чумака“	188
Кониський О. Я. Проповидь на гори	192
Мое бажання	197
Ратай	198
Не призывайте всуе Бога	199
Сыротына	200
У сели	201
Биля моря	202
Сподивання	203
До старои моеи ненькы	204
Думка	206
Зъ скорбныхъ писень. 1. Не грае безкрае....	
2. Одна одынока.... 3. Дримае море....	207
4. Усе, що щедрою рукою....	208
Кузьменко П. Тры дороги	209
Щаслыва хата	211
Руданський С. В. Псаломъ 136	213
Гей, быкы!	215
Наука	217
До дуба	221
Пьяныця	223
Сны	225
Писня („Повій, витре, на Вкраину...“)	226
Ты не моя...	228
Писня („Голе, голе мое поле!...“)	229
Студентъ	231
Спивомовкы. 1. Чы голосна церква	233
2. Ходыть пипъ коло крамныци...	
3. Въ страшно-судную недилю. 234	
4. Чумаць зъ мазныцею	235
Кулыкъ В. С. Нетяга	236
Пытання	238
Въ мене сердце до любви	240
Чубинський П. П. До моеи Катруси	241
Сонъ невольныка	243
Мынулося	244
Дивчыну козакъ полюбывъ...	246

	Стр.
Вербицький М. А. До-дому	247
Веснянка	249
„Ой квіточка лідь росю нагынається...“	250
Шашкевичъ В. Не чужого мы бажаємъ	251
Федьковичъ О. Братъ та сестра	253
Воскресны, Бояне!	255
Пречыста Диво, радуйся, Маріе!	256
Дезертырь	257
Мова В. Тры деревыны	258
Воробкевичъ С. Ридна мова	260
На чужыни	262
Вечиръ	263
Александровъ В. С. Прытка Хрыстова про сіяча	264
Украинська мелодія	266
Переспивы. 1. Розбыте серце	268
2. Кедръ. 3. Спиванка	269
Устыяновычъ Корныло. Импрывизація	270
Мынулыся лита мои	271
Старыцький М. П. Поклыкъ до бративъ Славянъ	273
Ныва	276
До молоди	278
Вечиръ	280
На озери	281
Выклыкъ	282
Сльоза	284
Передъ труною	285
Дочка Іефая	287
На проводы другу	288
Потайни ученыкы	289
На новый рикъ	290
Темно...	292
Поэту	293
Нищынський П. И. фрагменты. 1. Йесть на свити пребагато усякого дыва....	295
2. Розумнійший мижъ тваря- мы Бога...	296
3. Не можна намъ вику люд- ського...	296
4. Щаслыви тилько ти зъ нась...	297

	5. Збирайтесь до-купы мерщій, громадяне...	297
Пчила О.	Хустина	298
	Волинськи спогады	301
	Сонетъ	302
Манжура И.	Ренегатъ	303
	Дума	309
	Нечесна	310
	Леліи	312
	По весни	314
	Бурлака	315
	Дивчача думка о Покрови	316
Билыловський Ц. О.	Зъ Альпівъ	317
	Дайте-бо жыть	318
Франко И.	Не выненъ я тому, що сумно спиваю...	319
	Догорають полина въ печи...	320
	Безкраи, чорни и сумни...	321
	Не забудь, не забудь...	322
	Прывидъ	324
	Фантастычни думы, фантастычни мрії	327
	Въ-ночи	329
	Червона калыно, чого въ лузи гнешся?	330
	Якъ почувешъ въ-ночи край свогого викна	331
	Писне, моя ты пидстрелена пташко...	332
	Отсе тая стежечка...	333
	Не мынай съ погордою...	334
	Веснянки. 1. Розвивайся, лозо, борзо... 2. Весняніи писни	335
	Нехай и такъ, що згыну я...	337
Гринченко Б. Д.	Галима	338
	Вона спива...	342
	И моылася я, й сподивалася я...	343
	Хвыля за хвылею плеще й зныкае...	344
	Витеръ вые, плеще хвыля...	345
	Надіи	346
	Гроза	347
	На поли	349
	Хлиборобъ	350
	Смутни картыны	352
	Прыйде	353
	До праці	354

	Стр.
Шнайдеръ Ю. На новый шляхъ	355
Ваганя	357
Сонечко ричкамы золотымы ллеться...	359
Бобенко А. Марни сльозы	360
Не стою я пидь лыпою...	361
На пивночи, коло моря...	362
Запряженный кинь мій стоить у порога...	363
Кононенко М. С. Заповить Ярослава Мудрого	364
Батурынськи руины	367
Сьрота	368
Вечирь	370
Весна	371
Осинь	372
Самійленко В. И. Геростратъ	373
Людськись	381
Не ввре поезія	383
Гришныця	384
Непевнисть	385
Найдоружча перлына	386
Ии въ дорогу выражалы...	387
Весною	388
На печи	389
До поэта	391
Горе поэта	393
Патріота Ивань	395
Прыгода	397
Днипрова-Чайка. Буря	398
На лымани	399
Старыцька Л. М. Нади-мною лись шепоче...	400
Зь Надсона	401
Пидь чорнымъ витрыломъ корабль мій плыве	402
Маковой О. Сонь	403
Туга	404
И я умю писню...	405
Крымськый А. Въ горахъ Льванськихъ	406
Самотою на чужыни	407
Славинськый М. С. Переспивы. 1. Колы розлучаються двое	410
2. На лыченьку у тебе, 3. Зля-	
калася квитонька лотось	411
4. Якъ-бы тилько квичочки знали	412

	Стр.
До темной земли схлылось ясне небо . . .	413
Эллинъ, рабъ молодой...	414
Щуратъ В. Мое сердце не тутъ...	415
Зъ весняныхъ днйвъ	416
На дыкый степь лягае ничь	417
Не бачыты тебе одну годуны	418
Грабовський П. А. Доля	419
На мори	420
Сонь	421
Пустка	422
Розвага	423
Народови еврейському	424
Згадка	525
Розтьохався соловейко	426
Переспивы. 1. Ты мени признався...	427
2. О, скилько ихъ...	428
3. Зрослы жыта, якъ золото...	430
4. Знову сонце, зелень, квиты	430
Стешенко И. М. Сонеты. 1. Колы оповытый нудьгою тяжкою...	431
2. Не разъ, колы зори весенньої ночи...	432
3. Нехай ревуть сердыты хвыли...	432
До статуи Гомера	433
Перше намъ всмихалась доля	434
Вороный М. И. Дивчыни	435
Сонеть	436
Чернявський М. Θ. До писни	437
Шляхы	438
Море	439
Перлы	440
Въ диброви.	441
Не бажа душа спокою...	442
Писни коханья. 1. Прологъ	443
2. Душно... 3. Йедыный знавь я перше спивъ:	444
4. Глыбокий плугъ прой- шовъ полямы... 5. Тыхо на небо сплывае...	445
У-осены	446
Все вищуе быть весни...	447
Сонь	448

	Стр.
Рыбалкы	. 449
Непрымитный и убогий...	. 450
Леся Украинка. Contra spem spero	. 451
Горыть мое сердце...	. 452
Давня весна.	. 453
Тыша въ мори	. 454
На весилли	. 456
Сонъ литньої ночи	. 457
Импровизація	. 458
То була тыха ничъ, чаривныча...	. 459
Схидна мелодія	. 460
Тебе, моя любко йедына...	. 461
Колы наставъ чудовый май...	. 462
У кожного люду, у кожній краини...	. 463

ВѢДАТНІШИ ПОМЫЛКЫ ДРУКАРСЬКИ.

Сторона.	Рядокъ.	Надруковано.	Повынно быты.
22	5	Dib.	Lib.
61	20	замыре.	замырае.
74	20	называть	называютъ
90	20	Иидять	Йидять
125	6	хаточку,	хаточку,
143	24	просторамъ	просторомъ
185	11	6.	7.
189	1	Ие	Йе
213	10	1860 р.	1854 р.
236	4	1851 р.	1860 р.
260	5	Чернивцяхъ.	Чернивцяхъ;
279	7	за нею	за неи
301	17	твоимъ писню	моимъ тисно
319	4	Нашевычахъ	Нагуевычахъ
373	8	1886 р.	1884 р.
378	14	невгамонна	невгамовна
397	15	втриматысь	втрыматысь
458	6	рубыновичъ	рубыновыхъ

◇ ◇ — —

